

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ
И СОВРЕМЕННЫЙ
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

3(68)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Снова о российской идентичности

Again on Russian Identity

Социальная политика: Мифы и реальность

Social Policy: Myths and Reality

Земельная собственность в современной России

Land Property in Contemporary Russia

Модернизация оборонного комплекса РФ

Modernization of the RF Defense Complex

Теневые стороны массовой культуры сегодня

Shady Sides of Today's Mass Culture

**Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год**

**МОСКВА
2010**

УДК 009

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

Р 75

**ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН**

Редакционная коллегия:

Ю.И. Игрицкий – кандидат исторических наук, член-корреспондент МАИ, главный редактор, *Л.Н. Верченев* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *Л.П. Делюсин* – доктор исторических наук, профессор, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Б.С. Орлов* – доктор исторических наук, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.И. Шанишева* – кандидат философских наук, *В.М. Шевырин* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора.

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*

Редактор-консультант *И.Л. Бельский*

Старший редактор *Д.А. Семенова*

Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75

Россия и современный мир = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Ред. колл.: Ю.И. Игрицкий (гл. ред.) и др. – М., 2010. – ISSN 1726–5223. – № 3(68). – 264 с.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)

УДК 009

ISSN 1726–5223

© ИНИОН РАН, 2010

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

Д. В. Ефременко
Формирование российской
идентичности, имперское насле-
дие и модернизационный проект 6

А. Ю. Шевяков
Мифы и реальность социальной
политики России 23

В. П. Пашков
Земельная собственность в
России: Формы, отношения,
эффективность пользования 43

В. В. Пациорковский,
В. В. Пациорковская
Российское село: Факторы
демографического развития 59

**РОССИЯ И МИР
В XXI ВЕКЕ**

А. А. Акмалова,
В. М. Капицын
Формирование миграционной
системы СНГ 72

Л. Е. Востряков,
Е. П. Чириков
Управленческие качества руково-
дителей сферы культуры:
Межстранный анализ 84

**СООБЩЕНИЯ,
РАЗМЫШЛЕНИЯ,
КОММЕНТАРИИ**

С. Ю. Казеннов,
Е. М. Королева
Модернизация оборонного ком-
плекса РФ: Необходимость
и возможность 99

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

D. V. Yefremenko
Search of Russian Identity,
Imperial Heritage and
the Modernization Project

A. Yu. Shevyakov
Social Policy in Russia: Myths and
Reality

V. P. Pashkov
Land Property in Russia: Forms,
Ownership, Land Tenure
Efficiency

V. V. Patsiorkovsky,
V. V. Patsiorkovskaya
The Russian Village: Factors of
Demographic Growth

**RUSSIA AND THE WORLD IN
THE 21ST CENTURY**

A. A. Akmalova,
V. M. Kapitsyn
Formation of a Trans-Border Migra-
tion System in the CIS

L. Ye. Vostryakov
Ye. P. Chirikov
Managerial Competence in the
Sphere of Culture:
Cross-National Analysis

**COMMUNICATIONS,
REFLECTIONS,
COMMENTS**

S. Yu. Kazennov,
Ye. M. Koroleva
Modernization of the RF
Defense Complex:
Necessity and Possibility

К. К. Султанов Этнонациональная ментальность и общероссийская идентичность: Есть ли пределы совмещения?	110	K. K. Sultanov Ethno-National Mentality and All-Russia Identity: Are There Limits of Convergence?
В. С. Елистратов Речевой кризис в России начала XXI в.	119	V. S. Yelistratov Oral Speech Crisis in Russia at the Beginning of the 21 st Century
В. А. Бачинин Молодежная «телесоциализация»: Проблемы и парадоксы	127	V. A. Bachinin «TV-Socialization» of Youth: Prob- lems and Paradoxes
Т. А. Воронина Традиции соблюдения поста в крестьянской среде в XIX – начале XX в.	136	T. A. Voronina Fasting Traditions among Russian Peasants, 19 th – Early 20 th Centuries
А. В. Палицын Св. Климент Римский – символ единства христиан в памятниках церковной архитектуры Москвы	148	A. V. Palitsyn Clement of Rome – The Symbol of Christian Unity in the Monuments of Moscow Church Architecture
<u>КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ</u>		<u>CLASSICAL HERITAGE</u>
С. В. Бахрушин Московская городская дума	160	S. V. Bakhrushin The Moscow City Duma
В. М. Шевырин Сергей Владимирович Бахрушин	174	V. M. Shevyrin Sergey Vladimirovich Bakhrushin
<u>ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ</u>		<u>FACTS, EVENTS, PEOPLE</u>
Л. П. Муромцева В. Ф. Булгаков и русский культурно-исторический музей в Праге	182	L. P. Muromtseva V. F. Bulgakov and the Museum of Russian History and Culture in Prague
И. Е. Иноземцева Россия на всемирных выставках: Исторические штрихи	195	I. Ye. Inozemtseva Russia at the World Exhibitions: Pages of History
В. В. Леонидов Россия Ренэ Герра	202	V. V. Leonidov Rene Guerra's Russia

**НАУЧНАЯ И
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**

Е. И. Белова,
Е. Е. Седова
Неизвестные страницы истории
российского казачества за
рубежом (архивные
материалы в Брюсселе) 207

И. В. Пуликова
Отраслевые корпоративные
музеи России 217

В. С. Blumenkrantz
Рига: «Диалог всех со всеми» 222

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

И. Ю. Жилина,
М. А. Положихина
Противодействие коррупции:
Опыт и проблемы 226

Лафарг Ф.
Мировое энергетическое
соперничество 242

Кэмпфнер Д.
Свобода на продажу:
Как мы заработали деньги и по-
теряли независимость 247

Галан О.
Молодежь в Европе:
Контрастные взгляды
на будущее 251

**АННОТАЦИИ СТАТЕЙ
ТЕКУЩЕГО НОМЕРА** 254

**SCHOLARLY AND
CULTURAL LIFE**

Ye. I. Belova,
Ye. Ye. Sedova
Unknown Pages of History
of Russian Cossacks Abroad
(archival materials
in Brussels)

I. V. Pulikova
Corporate Branch Museums
in Russia

V. S. Blumenkrantz
Riga: «The Dialogue of All with All»

ESSAYS. DIGESTS

I. Yu. Zhilina,
M. A. Polozhikhina
Fighting Corruption: Experience and
Problems

Lafargue F.
Rivalte energetique
mondiale

Kampfner J.
Freedom for Sale:
How We Made Money and Lost Lib-
erty

Galland O.
Les jeunes en Europe:
Des visions contrastees
sur l'avenir

SUMMARIES

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Д.В. Ефременко

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ, ИМПЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ

Ефременко Дмитрий Валериевич – доктор политических наук,
заведующий отделом ИНИОН РАН.

Предлагаемая вниманию читателей статья представляет собой попытку обсудить возможности, риски и перспективы проектной деятельности, объектом которой становится или может стать российское общество. То, что российское общество в принципе поддается социальной инженерии, – факт эмпирический. В России, увы, оказалось возможным ставить самые радикальные социальные эксперименты. Но при этом все инициаторы подобных экспериментов (если, конечно, им удавалось дожить до появления первых значимых результатов их социально-конструктивистской деятельности) обнаруживали, что новые реалии имеют мало общего с первоначальным замыслом. Не ожидает ли та же судьба и нынешний модернизационный проект? Весьма вероятно, что именно так и произойдет. Более того, открытыми остаются общие вопросы о *совместимости* России и модернизации, о самой *возможности российского модерна*. Впрочем, на данный момент ясно, что власть предлагает обществу некий проект под названием «модернизация России», смысл которого состоит в коррекции политического курса, продемонстрировавшего низкую эффективность в условиях глобального экономического кризиса.

Недостаточная прорисованность текущего модернизационного проекта связана не только с разветвляющейся интригой новой реконфигурации российской власти («проблема 2012»), но и с очевидной незавершенностью становления постсоветской России, причем не столько на уровне институциональном (хотя и здесь едва ли поставлена точка), сколько на уровне национально-государственной идентичности.

Но о каком формировании идентичности идет речь? О квазиэволюционном процессе, лишь отражающем трансформации общества и политической системы, а также внешние вызовы, или же все-таки о конструировании, о

проектной деятельности? Долгое время сохранялось впечатление *самотека*, на который время от времени пытается влиять власть, стремясь направить поток в определенное русло.

Здесь важно понимать: становление постсоветской России – это комплексный процесс, в котором причудливым образом сочетались сознательные усилия, направленные на преодоление или сохранение старого порядка, инертность одних групп общества и нетерпение других, влияние внешних сил, а также события и обстоятельства, свидетельствующие о стихийности исторического развития. На определенном этапе социально-политических трансформаций ход событий обрел неконтролируемый характер. В этих условиях действия важнейших политических и социальных акторов становились вынужденными, реактивными. Позднее, спустя годы, аргумент о вынужденности или безальтернативности действий стал часто использоваться российскими политиками для оправдания решений, принимавшихся ими в конце 1980-х – начале 1990-х годов.

Формирование постсоветской российской идентичности отразило все эти особенности. Но даже при том, что на решающем этапе, а именно в 1990-е, ельцинские, годы, стихийность явно преобладала над конструированием идентичности, неизменным остался ее важнейший ракурс – отношения «государство – общество». Более того, именно дефицит проектной деятельности по «выстраиванию» новой идентичности наиболее явно обнажил то фундаментальное обстоятельство, что общество, как будто бы предоставленное само себе, нуждается во власти, *ищет* ее.

Так было с самого начала. Уже легенда о призвании варягов дает проекцию последующих двенадцати столетий российской истории: русское общество, осознавая неспособность выработать внутри себя основания устойчивого социального и политического порядка, обращается к той силе, которая способна быть властью и обеспечить искомый порядок. С этого момента и на протяжении веков государственная власть начинает выполнять работу и за себя, и за общество. А в условиях смуты или катастрофы государства, общество в конце концов приходит все к тому же – к необходимости восстановления сильной государственной власти.

Великий русский историк и консервативный мыслитель Н.М. Карамзин охарактеризовал эту властечестристскую парадигму при помощи высокопарного афоризма «Самодержавие – Палладиум России». При этом Карамзин имел в виду не только абсолютную власть российского императора, но прежде всего воплощенное в личности монарха нераздельное государственное начало. Ту же самую мысль, хотя и в критическом духе, высказал В.О. Ключевский применительно к особенностям русского исторического процесса: «Государство пухло – народ хирел». Наиболее убедительным и трагическим образом эта тенденция нашла свое подтверждение в ходе потрясений, постиг-

ших Россию в веке XX. Но даже и в «постмодернистском» XXI в. повторяется то же самое. Как подчеркивает Ю.С. Пивоваров, «то, что мы видим сегодня, есть не только и не просто “возвращение” к советским временам. Это возвращение вообще. Возвращение к тому, что было всегда, несмотря на множество реформ, поверхностный политический плюрализм и т.п.» (15, с. 15).

Для характеристики того, что происходило с Россией в последние два десятилетия, наиболее удачным будет термин А. Тойнби «уход-и-возврат». Правда, в случае постсоветской России речь будет идти об «уходе-и-возврате» государства. «Уход» государства не следует понимать упрощенно, как свертывание государственных институтов. Эти институты продолжали существовать даже в момент коллапса Советского Союза. Точнее, в это время существовали и противостояли друг другу институты государственной власти СССР и новой России. Когда вечером 25 декабря 1991 г. с кремлевского флагштока был спущен красный флаг с серпом и молотом, государственные институты новой России выступили в качестве технического преемника старой власти. Но на первых порах новая власть всячески акцентировала моменты разрыва с прежним режимом, называя в качестве основных источников своей легитимности лишь альтернативные выборы российского парламента (1990) и президента (1991), а также «августовскую демократическую революцию».

Государство, по сути, давало понять, что оно отныне отказывается играть экзистенциальную, смыслообразующую роль для российского общества. У либеральных реформаторов, безусловно, было намерение радикально преобразовать само общество, но сделать это они стремились не традиционными средствами государственного насилия, а при помощи «невидимой руки рынка». Для этого государству требовалось «уйти» из экономики, а также по возможности сократить свою «сферу ответственности» за социальное обеспечение. Однако, несмотря на внешне инновационные формы «ухода» государства из экономики (ваучеризация, чуть позднее – залоговые аукционы), фактически этот процесс осуществлялся с использованием традиционной машинерии, обеспечивающей перераспределение командных позиций внутри системы *власть – собственность*. К разрыву неизбывной для России связи между властью и собственностью либеральные реформы начала 1990-х годов не привели. При этом «административный ресурс» и институты государственного принуждения начали использоваться и в целях политической борьбы. Уже в Конституции 1993 г. были заложены все механизмы, обеспечивающие быстрый и зримый «возврат» государства.

«Отцы» нынешней Конституции сделали практически все, чтобы заблокировать формирование новой российской идентичности на основе модели конституционного патриотизма, т.е. совокупности правовых принципов, способных консолидировать политическую нацию (см.: 30). Здесь, конечно, большую роль сыграли исторические обстоятельства принятия Конституции

1993 г. Все-таки это конституция «на крови» (пусть даже и «малой»). И хотя сегодня уже несколько подзабыты аргументы, ставящие под сомнение легитимность результатов референдума 12 декабря 1993 г. (см.: 9, с. 344–349), многие все еще могут припомнить «ценное признание» Г. Бурбулиса, поведовавшего, через что была принята эта конституция¹. Впрочем, более важно то, что наличествующие в российской конституции формулы, которые в правовых государствах объединенной Европы могут быть положены в основу конституционного патриотизма, в нашем случае оказываются лишь ритуальным приложением к существенно иному политико-правовому содержанию. Но именно это содержание обеспечивает функциональность Конституции 1993 г., делает ее в полном смысле российской конституцией. По сути дела, как подчеркивает Ю.С. Пивоваров, нынешняя конституция воспроизводит в современных условиях российскую конституционную константу, восходящую к «Введению к Уложению государственных законов» М.М. Сперанского (16, с. 37). В этой схеме существует разделение властей, но только функциональное, а над «триадой исполнительная / законодательная / судебная власти» возвышается власть как таковая, олицетворением и носителем которой в версии 1993 г. выступает президент (в модификации 2008 г., произведенной без радикального изменения конституции, – tandem президента и премьер-министра).

Деликатность положения российской власти в 1990-е годы выразилась, в частности, в том, что фактически вернувшись в колею Русской системы (17), она все еще не решалась открыто провозгласить самоё себя средоточием национальной идентичности. Вместо этого предпринимались странные действия по созданию комиссии, уполномоченной президентским указом искать национальную идею. По всей видимости, создавая эту комиссию власть отдавала дань инерции идеократических предрассудков (8, с. 200). Комиссия национальную идею не нашла, а вскоре, в августе 1998, власти стало и вовсе не до того.

В итоге, почти все последнее десятилетие XX в. российское общество оставалось без патерналистской опеки со стороны государства. Именно в это время произошли наиболее радикальные социальные изменения, хотя, очевидно, не те, которых ожидали либеральные реформаторы. Для понимания сущности уже происшедших в России перемен чрезвычайно важно осознать, что в своей совокупности они явились тяжелейшей социальной травмой, обусловленной жизненной дезориентацией, обесцениванием в новых условиях накопленного социального опыта, разрушением привычных смыслов и значений. А «уход» государства стал фактором, предельно усилившим болезненность и радикальность травмирующих перемен.

1. В академическом издании придется воздержаться от дословного цитирования. Но источник укажем: 20, с. 9.

Идея социальной трансформации как травмы получила разработку в трудах выдающегося польского социолога П. Штомпки, который выделяет следующие фазы травматического состояния.

Во-первых, это предпосылки грядущей травматизации, связанные с нарастанием кризисных явлений в экономике, социальной сфере, культуре, сфере политических отношений. Иначе говоря, речь здесь идет именно о том наборе обстоятельств, в которых М.С. Горбачёву пришлось начинать свою перестройку.

Во-вторых, это сами травматические события, ощущение того, что их ход вышел из-под контроля власти или осознание того, что власть оставляет общество и конкретного индивида один на один с новыми вызовами. Впрочем, травматические ощущения не облегчаются и в том случае, если индивид ощущает себя объектом продуманных манипуляций со стороны власти держащих.

В-третьих, вслед за утратой социального статуса мощным травмирующим фактором становится утрата жизненных идеалов и ориентиров. Таким образом, социально-экономические испытания обретают духовно-нравственное и социально-психологическое измерение.

В-четвертых, симптомами и последствиями травмы становится изменение образцов социального поведения. К их числу, например, можно отнести примирение большинства с такой социальной язвой, как коррупция, ее вынужденное принятие в качестве новой системы координат социальных отношений и участие в ней.

В-пятых, это активная и пассивная посттравматическая адаптация (стремление преодолеть трудности либо примирение с ними).

В-шестых, преодоление травматического состояния происходит в условиях политической и экономической стабилизации, и дальнейшее укрепление стабильности служит подтверждением успешного преодоления социальной травмы (23, с. 6–16).

Впрочем, надо понимать, что «остаточные боли» еще долго будут мучить российское общество. Кроме того, в случае России речь должна идти не только о травме реформ 1990-х годов, но и об общей травме потрясений всего XX в., когда были уничтожены либо претерпели радикальную ломку многие социальные слои и группы российского социума. Это уже является глубокой травмой исторической памяти.

Социологические опросы, проводившиеся в 1996–2002 гг. сотрудниками Института сравнительной политологии РАН, демонстрировали, что конституирующую роль в формировании социального порядка играют такие категории, как выгода, успех, право сильного, тогда как закон, права человека, уважение к чужому мнению в глазах большинства опрошенных не имеют большого значения (14, с. 15). Постсоветская социальная трансформация, еще

более усиленная политикой государства и информационным мейнстримом, привела к возникновению нового социума, в котором доминируют ставка на силу и эгоистический интерес при минимизации сотрудничества с другими социальными акторами. Но те же самые опросы показали, что социально востребованными остаются ценности морали, равенства, труда, семьи и традиции. По сути дела, расчеты либеральных реформаторов на то, что ценности свободы автоматически разовьются в условиях неконтролируемой игры рыночных сил и сокращения роли государства в экономической жизни, оказались перечеркнуты. Сама интерпретация свободы сузилась до представлений об экономической свободе.

Институциональный порядок, установившийся к концу 1990-х годов, не ставился под сомнение в смысле его конституционной законности. Однако большинство опрошенных фактически усомнились в его социальной легитимности, поскольку, по их мнению, этот порядок был ориентирован на защиту прав и интересов меньшинства, несправедлив, нестабилен и в любом случае крайне далек от социального идеала. Можно сказать, что к началу «эпохи Путина» значительная часть граждан России была готова к трансформации институционального порядка, которая в большей степени соответствовала бы их ценностным ориентациям.

В конце концов, это должно было привести к развилке между формальными, не сумевшими обрести в 1990-е годы реального наполнения институтами, импортированными извне (многопартийность, разделение властей, выборность должностных лиц на всех уровнях власти и т.д.) и квинтэссенцией российской политической культуры – государственным патернализмом. Либо названные институты должны были заработать таким образом, чтобы покончить с традиционным для России «властецентризмом», либо, напротив, сами эти институты должны были стать орудиями, обеспечивающими в новых условиях воспроизводство все той же государственной парадигмы. Вышло так, что российская власть при Б.Н. Ельцине, при всей ее демократической фразеологии, провела основную работу по воспроизводству *Русской системы* в новом институциональном дизайне. То, что делалось затем при В.В. Путине, стало лишь завершением этого процесса.

Период экономического подъема, на который пришлось два срока президентства Путина, принято объяснять благоприятным сочетанием ряда обстоятельств, в числе которых – удешевление стоимости рабочей силы и продукции отечественного производства в первые годы после дефолта, а затем непрерывный рост цен на энергоносители. Спорить с этим объяснением не приходится, но оно тем не менее не является исчерпывающим. В «истории успеха» Путина присутствовал и компонент политического мастерства, заключавшийся в способности второго президента России максимизировать действие благоприятных для развития страны и для его собственного режима

факторов и ограничить действие неблагоприятных. Главным же было то, что режим Путина пошел навстречу запросу уставшего от перемен общества, обеспечив долгожданную стабильность. Социальные и экономические изменения не остановились, но они вернулись в знакомую и понятную обществу государственническую колею. Россия вновь оказалась в привычной для нее системе координат.

Однако именно «возврат» государства и путинская стабилизация показали, насколько значительны и фундаментальны перемены, происшедшие с Россией в 1990-е годы. Государство вернулось, но действует оно в иной социальной реальности и в принципиально новом внешнем окружении. Что же касается постсоветской российской идентичности, то государство в лице путинского режима обнаружило, что за десять лет уже возникла некая протоконтрастная идентичность и с ней требуется что-то делать. При этом следует подчеркнуть, что решающая роль государства в формировании национально-государственной идентичности не является чем-то уникальным, характерным только для России (см.: 3, с. 139–140).

Первым конструктивистским действием на этом направлении стало решение вопроса о государственной символике. Предложенное Путиным решение поначалу показалось многим критикам механическим соединением несоединимого – радующего традиционалистов византийского двуглавого орла, удобного либералам петровского триколора, и ласкающей слух коммунистов мелодии сталинского гимна. Но вскоре обнаружилось, что все «срослось», что эклектичный синтез принят почти всеми и даже весьма востребован одной из самых массовых групп – спортивными болельщиками. И, разумеется, сам синтез символов был символичен, указывая на волю власти не к дистанцированию от прошлого, но к подчеркиванию преемственности в отношении *всех* периодов истории российской и советской государственности.

Идеологическим оформлением «возврата» государства стала концепция суверенной демократии. Ее создатель В.Ю. Сурков в последние годы предлагал несколько определений суверенной демократии, различающихся в своих нюансах. Первое из них, озвученное Сурковым в феврале 2006 г. в выступлении перед активом «Единой России», таково: суверенная демократия – это «образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими» (21). В данном определении постулируется наличие российской нации, хотя, скорее, именно идея суверенной демократии является очередным и на сегодня наиболее значимым усилием власти по конституированию этой самой нации. Точнее, при помощи

идеи суверенной демократии власть очерчивает те рамки, в которых сегодня российскую нацию можно *вообразить*.

Охранительная суть концепции суверенной демократии сомнений не вызывает. Но из этого не следует, что аргументацию в пользу идеи суверенной демократии можно игнорировать или что эта концепция методологически ошибочна. Критики Суркова нередко воспроизводят замечание Путина на встрече с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» (сентябрь 2007 г.) о том, что нельзя соединять понятия суверенитета и демократии, одно из которых характеризует внешние отношения, а другое – внутреннее политическое устройство (18, с. 121). Но здесь, в частности, можно вспомнить, что незадолго до провозглашения у нас доктрины суверенной демократии З. Бжезинский (а в западном политологическом сообществе не найдется более сильного раздражителя для российских идеологов власти, чем этот ветеран «холодной войны») опубликовал статью «Дилемма последнего суверена» (ее русский перевод озаглавлен «Последний суверен на распутье»). Очевидно, что в России наибольшее внимание привлекла не столько критика Бжезинским бушевской версии американского унитаризма, сколько концепция иерархии суверенитетов, на вершине которой находятся, разумеется, США. В версии Бжезинского вторжение в Ирак или отказ от Киотского протокола демонстрируют уникальность Америки как последнего подлинно суверенного государства. Суверенитет США рассматривается Бжезинским как ключ к решению глобальных проблем: «Слабость формально независимых государств, которые на самом деле становятся все более зависимыми или даже неспособными к автономному существованию, должна быть компенсирована за счет укрепления наднационального сотрудничества, активно продвигаемого Соединенными Штатами. ...Америка должна задавать тон в построении такого мира, который бы в меньшей степени уповал на химеру государственного суверенитета и в большей – ориентировался на неуклонно возрастающую и политически регулируемую взаимозависимость. Поскольку глобализация не только несет с собой новый взгляд на экономические проблемы, но и все глубже трансформирует политические отношения, американский суверенитет, поставленный на службу общему благу, вызовет, по всей видимости, более весомое и стойкое одобрение в мире, нежели нынешняя всепоглощенность Америки собственной безопасностью» (2, с. 23). Ситуация с «более весомым и стойким одобрением» за прошедшие пять лет в основном проявилась; куда важнее сам принцип. Даже если абсорбция последним сувереном чужого суверенитета и в самом деле где-то происходит с одобрения его прежних носителей, то насколько это одобрение легитимно? Если демократию понимать как право нации через механизм свободных выборов делегировать кому-либо из своих граждан полномочия принимать решения, касающиеся интересов данной нации, то как совместимо такое понимание

демократии с глобальными полномочиями последнего суверена? Ведь центр принятия многих важных решений оказывается за пределами соответствующей политики. А это значит, что расставание с «химерой суверенитета» равносильно эрозии демократии. Отчасти такая эрозия, или – если применять более мягкое выражение – «трансформация» демократии происходит по объективным причинам, связанным с процессами интернационализации и глобализации (5, с. 484–485), но в данном случае, во-первых, десуверенизация вводится в нормативный принцип, и, во-вторых, вместо дисперсии суверенитета предлагается его абсорбция в едином центре.

Аналогичные сомнения высказывают и евроскептики, считающие пагубным делегирование все большей доли суверенитета национальных государств наднациональным институтам Евросоюза. Например, Ральф Дарендорф отмечает: «Конституции конституируют права. Права есть юридические гарантии. Это не просто пустые обещания и красивые слова. ...Права делают необходимым создание аппарата принуждения, или санкционирующих инстанций. Все три классических власти находят здесь свое место. Но эти власти существуют в совершенной форме только в национальном государстве. Тот, кто отказывается от национального государства, теряет вместе с этим эффективные гарантии своих основных прав. Тот, кто сегодня национальное государство считает излишним, объявляет вместе с этим – быть может даже непреднамеренно – излишними гражданские права» (26, с. 109).

Вообще говоря, и сэр Ральф Дарендорф, и высокопоставленный российский чиновник Владислав Сурков, защищая суверенитет, отстаивают принципы демократии. Только в случае Суркова речь идет совсем не о либеральной демократии. Здесь важно понимать, что неолиберальная демократия в России – это не какое-то новообразование, воспроизводящее (как предполагает Ф. Закария) (6, с. 90) опыт латиноамериканских режимов 1960–1970 гг., а очередная реинкарнация *Русской системы*, вновь вызванная к жизни отнюдь *не вопреки* воле большинства российских избирателей.

Итак, болезненная адаптация общества к новой реальности, «возврат» государства (и по существу, и на символическом уровне), усилия власти по разработке политической идеологии – не является ли все это ингредиентами постсоветской национально-государственной идентичности? Несомненно, да, но набор необходимых ингредиентов все еще не полон. Требуются более общие и устойчивые ценностно-нормативные основания, развернутые как в прошлое, так и в будущее. И прежде всего речь здесь идет о традициях как факторе национального сплочения. Суть проблемы, перефразируя Ленина, блестяще сформулировал А.Б. Гофман: от какого наследства мы не отказываемся? По его словам, «в современной России ситуация с традициями и инновациями, их взаимодействием, отношением к ним со стороны интеллектуалов и власти отличается чрезвычайной неопределенностью, многозначностью,

амбивалентностью, синкретизмом» (4, с. 50). Основная сложность состоит в том, что современная Россия – это не страна без традиций, а, скорее, страна с обрывками традиций. Любое обращение к традиции в современных условиях – это новая сборка, конструктивистское действие. Упомянутые выше усилия путинской команды по утверждению государственной символики постсоветской России как раз являются примером такого рода конструктивизма, причем вполне успешного. Очевидно, что сегодня имеются довольно широкие (но не безграничные!) возможности комбинаторики традиций и инноваций, собственного и заимствованного опыта. Например, усилие В. Суркова провозгласить новую синкретическую ценностную триаду в составе материального успеха, свободы и справедливости можно рассматривать как попытку воспользоваться существующими разрывами культурной традиции (см.: 11).

Здесь будет уместно вспомнить старую, но продолжающую действовать формулу нации Эрнста Ренана: «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, которые в действительности являются лишь одной, создают эту душу, этот духовный принцип. Одна относится к прошлому, другая – к настоящему. Одна является совместным обладанием богатым наследием воспоминаний, другая есть актуальное согласие, желание жить вместе, воля продолжать пользоваться доставшимся неразделенным наследством» (29, с. 46). Надо полагать, что теперь, по первой части этой формулы, нужно решать более сложную задачу, а именно: как-то распорядиться «богатым наследием воспоминаний». Показательно, что российская власть и при Ельцине, и при Путине очень долго не решалась подступиться к этой задаче. Споры об истории были частью общественной дискуссии, но на уровне официальной риторики подавались (и подаются до сих пор) довольно противоречивые сигналы. Но в последнее время, во многом в связи с системными усилиями представителей политической и интеллектуальной элит стран Балто-Черноморского региона по конструированию желательной для них версии исторического прошлого российская власть стала втягиваться в «историческую политику». И, похоже, втягиваться всерьез и надолго. Вполне вероятно, что решив первоочередные задачи и создав иллюзию адекватного ответа центрально- и восточноевропейским «фальсификаторам», наша историческая политика перейдет в стадию целенаправленной инвентаризации и комплексной реинтерпретации «богатого наследия воспоминаний». Так что, говоря словами Люсьена Февра, самые ожесточенные *combats pour l'histoire* нам еще предстоят.

Не имея возможности (да, похоже, и желания) формировать постсоветскую национально-государственную идентичность на основе конституционного патриотизма, российская власть будет вынуждена подводить под нее культурно-исторический базис. Но конкретные параметры этого действия будут всецело определяться второй частью формулы Ренана. Скажем, чтобы

закрепить «желание жить вместе», может потребоваться апелляция к идеям славяно-тюркского симбиоза, создание прагматической версии евразийства, включающей реабилитацию ордынского периода нашей истории (кстати, такое развитие событий пришлось бы по душе многим украинским энтузиастам исторической политики).

Формирование современной российской идентичности на культурно-исторических основаниях неизбежно связано с образом *значимого Другого*². Формирование идентичности как притяжение к значимому Другому или отталкивание от него является способом редукции неопределенности, т.е. технологически менее сложным и потому весьма распространенным вариантом нациентроительства. Например, для современного Европейского союза (если говорить о европейской идентичности) на роль значимого Другого могут претендовать США, внешний (а в подтексте – внутренний) ислам и Россия вместе с прилегающим к ЕС постсоветским (буферным) пространством. Для самой России долгое время никакой альтернативы не было – только Запад, который по мере надобности может представлять и в образе гегемонистской Америки, и в облике умиротворенной Европы. И даже у Суркова в «Параграфах рго суверенную демократию» присутствует все та же безальтернативность: «Не выпасть из Европы, держаться Запада – существенный элемент конструирования России» (21).

Но теперь ситуация иная. Ведь кажется, что и Бжезинский с «последним сувереном», и Сурков с «суверенной демократией» – это даже не «вчера», а «чуть ранее сегодня». А между тем безальтернативность Запада – и как *значимого Другого* для России, и как лидера цивилизационного развития, – исчезает на глазах. Сдвиг происходит настолько фундаментальный, что даже обозначившиеся признаки заката американской глобальной гегемонии выглядят всего лишь частным его проявлением. На кону стоит нечто большее. Несколькими успокаивающий термин Фарида Закарии «подъем остальных» (7) на деле означает, что 500-летний «момент однополярности»³ европейской (западной) цивилизации близится к завершению. И здесь Россия обнаруживает, что у нее есть выбор, что альтернативой заповеди «держаться Запада» является шанс поучаствовать в «подъеме остальных». Можно сказать и резче: Россия слишком долго пребывала на периферии западной цивилизации, чтобы теперь, на излете ее доминирования, присоединиться к ней и делить от-

2. Перенос этого термина из лексикона социальной психологии в российский политологический дискурс весьма успешно осуществлен О.Ю. Малиновой (см.: 12).

3. Воспользуемся здесь метафорой одного из идеологов американского неоконсерватизма Ч. Крауцхаммера, который писал об исторически длительной, но все-таки преходящей эпохе глобального американского доминирования (28).

ветственность за все ее грехи. В конце концов, у России слишком много своих собственных грехов.

Фарид Закария безусловно прав, говоря об общем подъеме незападных стран. Но все взгляды устремлены на Китай, и у России есть для этого свои особые причины. Именно в лице Китая Россия обрела *второго* значимого Другого. Предвиделось это давно. Еще Константин Леонтьев в «Записках отшельника» предрекал: «Россия может погибнуть только двояким путем – или с Востока от меча пробужденных китайцев, или путем добровольного слияния с общеевропейской республиканской федерацией» (10, с. 445). Правда, более чем за столетие Россия демонстрировала и возможность третьего пути – самоликвидации, тогда как «угроза» Китая почти все это время оставалась «спящей». Сейчас, когда Китай «пробудился», рассуждения об угрозе могут быть более опасны, чем сама «угроза». В подъеме Китая следует видеть не угрозу России, а *риск*, т.е. ситуацию, в которой возможен как проигрыш, так и выигрыш. Причем тактический выигрыш для российского политического режима уже очевиден. Прежде всего, он состоит в том, что сопоставление исторического опыта двух стран дает дополнительные аргументы в пользу «возврата» государства: путь Дэн Сяопина был правилен, путь Горбачёва – ложен; сильно (скорее всего – безнадежно) отстав от восточного соседа, Россия возвращается на правильный путь. При этом достижения Китая меняют и шкалу политических ценностей, поскольку успех и эффективность перестают отождествляться с либеральной демократией.

Тактический выигрыш для российской власти от подъема Китая связан и с тем, что сближение с «красным драконом» в рамках двустороннего партнерства или многосторонних форматов ШОС и БРИК, позволяет временно «заимствовать» политический капитал Пекина в непростых взаимоотношениях с Вашингтоном и Брюсселем. Впрочем, даже и это не главное. Свидетельством тому служит быстрый переход российских руководителей от гордости за почти полноправное членство (надолго ли?) в западном клубе G8 к энтузиазму соучредителя клуба новых лидеров глобального экономического роста – БРИК. Оставаясь преимущественно виртуальным объединением, БРИК начинает продуцировать и консолидировать нормативную власть. Нормативное послание БРИК состоит не только в отстаивании вестфальских принципов суверенитета, стремлении к многополярности и демонтажу Вашингтонского консенсуса, но в принципиальном признании плюрализма ценностей, культурных ориентаций и моделей политического устройства. В сущности, нормативное послание БРИК есть не что иное, как перевод концепции *множественности модернов* Ш. Эйзенштадта (27) на язык глобальной политики. При этом устойчивость всей конструкции БРИК может быть обеспечена только благодаря предельно широкому и гибкому толкованию демократии и прав человека. В свою очередь данная ситуация оказывает влияние на формирова-

ние российской национально-государственной идентичности, поскольку существенно снижается внешнее давление, побуждающее к освоению вполне определенного набора политических принципов, институтов и практик.

Если говорить об изменениях последних пяти лет, то за это время у России *почти* появился и третий значимый Другой – региональный. Речь, разумеется, идет об Украине. Не секрет, что концепция суверенной демократии явилась в числе прочего и идеологическим ответом на вызов украинской «оранжевой революции». Сегодня, после поражения на президентских выборах лидеров майдана и политического реванша Виктора Януковича, можно сказать, что дестабилизирующий потенциал «оранжевой революции» в Москве систематически переоценивался. Тем не менее Украина настолько преуспела в позиционировании себя как «не-России» (во многих случаях явно во вред самой себе), что и в российском политическом классе стала расти популярность констатации «Мы – не Украина». Относительно свежий пример – заявление В. Путина о необходимости избежать «украинизации» нашей политической жизни (19).

Казус Украины, необходимость определять свое отношение к ней как к независимой стране, как к *другому* высвечивает и самую важную российскую дилемму, заключающуюся в том, что Россия сегодня – это и *остаточная империя*, и *разделенная*, но при этом еще *окончательно не сформировавшаяся нация*. Несомненно, что в типологии империй Россия (Советский Союз) занимает особую нишу. В контексте данной статьи более важно не это своеобразие, а то, что имперская миссия была (остается?) очень сильным фактором, сдерживающим формирование идентичности, характерной для нации-государства. Разумеется, в империях этот процесс не был полностью блокирован. Как пишет Б. Андерсон, в эпоху капитализма, скептицизма и науки «Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы – что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы ...» (1, с. 107). Однако бремя мультиэтнической империи имело немалую цену для того этноса, который должен ее цементировать. Может быть, именно поэтому после распада СССР на арену большой политики так и не вышел русский ирредентизм. Что касается российской власти, то и при Ельцине, и при Путине, и при Путине–Медведеве она инстинктивно чувствует опасность такого варианта ухода от имперскости, при котором альтернативой станет мощный подъем этнонационализма. *Вернувшееся домой* государство, совсем не заинтересовано в том, чтобы оказаться инструментом охваченного националистическими страстями общества. *Русская система* – это властечентризм, а не этноцентризм.

Возродить большую империю невозможно. Для этого нет ресурсов, равно как и политической воли. Но и совсем перестать быть империей при таком этническом и территориальном составе тоже не получается. Пытаться покончить с «бременем империи» через отождествление самого крупного этноса с

государством самоубийственно (по крайней мере, для государства). Подобное отождествление станет, по всей видимости, триггером ирредентизма русских и сепаратизма других российских этносов. Остается движение в направлении нации-государства, или российской нации. В.А. Тишков, внесший важнейший вклад в разработку идеи российской нации, мыслит ее как гражданскую многонациональную общность, т.е. в духе конституционного патриотизма: «Всеми доступными методами нам нужно решительно утверждать российский⁴ национализм, имея в виду осознание и отстаивание национального суверенитета и интересов страны, укрепление национальной идентичности российского народа, утверждение безоговорочного приоритета самого понятия “российский народ”. Всякие другие варианты национализма на основе этнических крайностей несостоятельны и должны быть отвергнуты» (22, с. 196).

Соглашаясь с В.А. Тишковым по существу, хотелось бы все же подчеркнуть, что решительное использование «всех доступных методов» весьма рискованно, если речь идет о прокладке курса между Сциллой имперскости и Харибдой этнонационализма. Скорее, это все же лавирование, череда паллиативных мер и компромиссов. Не все, что кажется доступным для конструирования идентичности российской нации, следует непременно использовать. Кроме того, если модель конституционного патриотизма до конца не срабатывает даже в рамках наднационального европейского проекта, то у нас ее эффективность без подкрепления историко-культурными аргументами окажется еще меньшей. Формирование российской идентичности без обращения к «богатому наследию воспоминаний» и без культуралистского обоснования «желания жить вместе», по всей видимости, невозможно. Однако подход к решению этой задачи, в сущности, должен быть тем же, что и в случае космополитического проекта *переизобретения Европы* (У. Бек, Э. Гранд): толерантная к различиям интеграция и совместимая с интеграцией дифференциация (24; 25).

Ну а что же модернизация? В историософском контексте вопрос о самой возможности российского модерна может оказаться вопросом не по существу. Однако так или иначе, российскому модерну (либо *внемодерну*) нужно вписываться в созвездие современностей XXI в. Соответственно, и формирование российской идентичности, понимаемое как проект, должно включать себя компоненты, облегчающие решение этой задачи. В теоретико-методологическом плане здесь представляет интерес концепция «самопонимания» (self-understanding), которую предлагает П. Вагнер (31). Самопонимание не является неизменным для того или иного общества на протяжении веков; оно указывает на качественные трансформации, происходившие в

недавнем прошлом. Речь идет не о фундаментальных культурных программах, на которых фокусирует внимание Ш. Эйзенштадт, а о продолжающемся процессе более или менее коллективного осмысления специфической ситуации конкретного социума в свете значимого опыта прошлого. Предлагаемый Вагнером подход ориентирован на демонстрацию того, как процессы социальной реинтерпретации исторического опыта и межличностной коммуникации по поводу базовых правил и ресурсов воздействуют на институциональные изменения. Иначе говоря, речь идет о связи между культурно-интерпретативными и социально-политическими трансформациями, к числу которых, по-видимому, должна относиться и нынешняя российская модернизация.

Можно говорить, по крайней мере, о трех основных аспектах социального самопонимания – эпистемическом, политическом и экономическом. Эпистемическая проблематика отражает специфику знаний людей о самих себе, об общественной жизни и о природе. Проекция этой проблематики на социально-политическую сферу позволит в дальнейшем выявить ее значимость для данной сферы и – в более широком смысле – для сплочения общества и его адаптации к модерну.

Центральным для идентификации политической проблематики является соотношение коллективных интересов и индивидуальной автономии. Автономия как базовая категория модерна оставляет значительное пространство для интерпретаций индивидуальной автономии (свобода от принуждения или от господства) и коллективной автономии (демократия). Политическая проблематика, кроме того, охватывает различные модальности участия в процессе принятия политических решений и варианты агрегирования коллективных интересов.

Экономическая проблематика сфокусирована на вариантах наилучшего удовлетворения материальных потребностей общества. Наряду с собственно экономическими категориями, например категорией производственной эффективности, здесь обнаруживается связь с социальными ценностями и нормами, их возможной иерархией (31).

Действия социальных акторов, основанные на реинтерпретации базовой эпистемической, политической и экономической проблематики, могут рассматриваться как мобилизация культурных ресурсов, как проявление социальной креативности. В случае России подобный процесс социального самопонимания мог бы означать попытку формирования модернизационной (или хотя бы *открытой модерна*) национально-государственной идентичности. Успех этой попытки далеко не гарантирован, но, по крайней мере, это был бы качественно новый этап по сравнению с тем, когда и модернизация, и национальная идентичность остаются внутренними проектами *Русской системы*. В конечном счете задача формирования модернизационной национально-государственной идентичности одной российской властью никогда не решит-

ся. Власть может дать толчок, пытаться контролировать ход дискуссии и направлять его в нужное русло. Но важнейшая роль здесь будет принадлежать интеллектуальной элите, массмедиа, русскоязычному коммуникативному универсуму, – короче говоря, российской *Öffentlichkeit*. Как подчеркивает А.И. Миллер: «Именно постоянная общественная дискуссия по проблемам нации и есть один из способов воспроизводства национальной идентификации, а также достижения и воспроизводства консенсуса основных политических сил по базовым вопросам в данной сфере» (13).

Российскому обществу, его стратам и группам, отдельным индивидам действительно не хватает самопонимания. Именно самопонимание является важнейшей предпосылкой двух вещей, необходимых для формирования *современной нации*, – ответственности и солидарности. И любой стратегический проект, обращенный к российскому обществу, может рассчитывать на успех лишь в том случае, когда его опорами станут социальная ответственность и социальная солидарность.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – М.: Канон-Пресс-Ц / Кучково поле, 2001.
2. Бжезинский З. Последний суверен на распутье // Россия в глобальной политике – М., 2006. – № 1.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. – М.: Изд. дом «Территория Будущего», 2006.
4. Гофман А.Б. От какого наследства мы не отказываемся? Социокультурные традиции и инновации в России на рубеже XX–XXI веков / Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики. – М.: РОССПЭН, 2008.
5. Даль Р. Демократия и ее критики. – М.: РОССПЭН, 2003.
6. Закария Ф. Будущее свободы. Нелиберальная демократия в США и за их пределами. – М.: «Ладомир», 2004.
7. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. – М.: Издательство «Европа», 2009.
8. Ильин М.В. Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997.
9. Исаков В.Б. Амнистия. Парламентские дневники 1994–1995. – М., 1996.
10. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). – М.: Республика, 1996.
11. Малинова О.Ю. Образы России и «Запада» в дискурсе власти (2000–2007 гг.): попытки переопределения коллективной идентичности / Образ России в мире: становление, восприятие, трансформация. – М.: ИМЭМО РАН, 2008.
12. Малинова О.Ю. Тема России и «Запада» в риторике президента В.В. Путина: попытка переопределения коллективной идентичности // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен / Отв. ред. и сост. Н.Ю. Лапина. – М.: ИНИОН РАН, 2008.
13. Миллер А.И. Нация как система координат политической жизни. Устойчивое существование государства невозможно без националистического дискурса // Вестник российской нации. – 2009. – № 4.
14. Патрушев С.В. Варианты универсализации институционального порядка // Форум 2003. Социум и власть. – М., 2003.

РОССИЯ, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

15. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. – 2006. – № 1.
16. Пивоваров Ю.С. Русская политическая традиция и современность. – М.: ИНИОН РАН, 2006.
17. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская система // Рубежи. – М., 1995. – № 1–6.
18. Пляйс Я. А. «Суверенная демократия» – новый концепт «партии власти» // Демократия в современном мире. – М.: РОССПЭН, 2009.
19. Путин призывает не допустить украинизации политической жизни в РФ. – Режим доступа: <http://www.rian.ru/politics/20100122/205792006.html> (Последнее посещение – 17.02.2010).
20. Русская мысль. – 1994. – 2–8 июня.
21. Сурков В. Национализация будущего. Параграфы про суверенную демократию. – Эксперт. – № 43 (537). – 20 ноября 2006 г.
22. Тишков В. А. О российском народе // Дружба народов. – М.: 2006. – № 8.
23. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – М.: 2001. – № 1–2.
24. Beck U., Grande E. Cosmopolitanism: Europe's way out of crisis // European J. of Soc. Theory. – L.; Thousand Oaks, CA; New Delhi, 2007. – Vol. 10. – N 1.
25. Beck U., Grande E. Cosmopolitan Europe. – Cambridge: Polity Press, 2007.
26. Dahrendorf R. Die Sache mit der Nation // Jeismann M., Ritter H. (Hrsg.). Grenzfälle. Über neuen und alten Nationalismus. – Leipzig: Reclam, 1993.
27. Eisenstadt S. N. Multiple modernities // Daedalus. – 2000. – Vol. 129. – N 1.
28. Krauthammer Ch. The unipolar moment // Foreign affairs. – Vol. 70. – N 1. – Winter 1990/1991.
29. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation ? – P.: Mille et une nuits, 1997.
30. Sternberger D. Verfassungspatriotismus // Sternberger D. (Hrsg.). Verfassungspatriotismus. – Frankfurt a. M.: Insel, 1990.
31. Wagner P. Multiple trajectories of modernity: Why social theory needs historical sociology // Thesis Eleven. – N 100. – February 2010.

А.Ю. Шевяков

МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Шевяков Алексей Юрьевич – доктор экономических наук, профессор,
директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Острые социально-экономические диспропорции, негативные демографические процессы (смертность, почти двукратно превышающая рождаемость и более чем двукратно превышающая смертность в развитых странах, низкая продолжительность жизни, депопуляция и продолжающий снижаться средний уровень человеческого и социального капитала) сегодня представляют серьезную угрозу социально-политической, экономической и демографической ситуации в стране, особенно в условиях развивающегося кризиса, который еще более обостряет проблемы социальной сферы. Вкладываются огромные средства для изменения создавшегося положения, но ожидаемых успехов это не приносит¹.

В основе сложившейся ситуации лежат несколько фундаментальных причин, которые не осознаются или не принимаются во внимание правительством при осуществлении социальной политики. Именно это определяет ее неэффективность. Решение проблемы лежит в другой плоскости. Дело в том, что у нас социальная политика базируется на ложных парадигмах и мифах².

Миф 1. До сих пор господствует либеральная точка зрения, согласно которой рыночные механизмы, так же как и в экономике, для социальной сферы являются более эффективными. В соответствии с этой позицией в течение всех предыдущих лет реформ государственная социальная политика была направлена на уход государства из социальной сферы и насаждения в

1. Повышенное внимание к социальной сфере, которое в последнее время демонстрирует власть, связано скорее с интуитивным ощущением опасности, а не с пониманием причин и следствий происходящих в социальной сфере процессов.

2. В статье использованы материалы проводимых в последние годы исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. В них нашли применение собственные методологические и экономико-математические разработки (1; 2).

ней рыночных отношений³. Принципиальное же отличие государства от рыночной корпорации состоит в том, что цели и задачи государства значительно шире чисто экономических. Государство выстраивает социальный порядок, создавая и поддерживая институты, регулирующие социальную конкуренцию и социальный отбор. Государство управляет социальной стратификацией, создавая или поддерживая статусные приоритеты, необходимые в интересах *долговременного* развития общества. Иными словами, оно призвано совершенствовать институциональную и социальную структуру общества согласно критериям, основанным на ценностях, выработанных человечеством в историческом процессе отбора идей путем многочисленных проб и ошибок, – ценностях, которые, ограничивая текущие предпочтения, позволяют минимизировать ошибки по отношению к будущему. Государство призвано это делать, но не делает в фазе «турбулентных» политических и социально-экономических преобразований, направленных на «модернизацию» институтов путем имитации системы, сложившейся в более преуспевающих странах. «Экономическая стабилизация» после предшествующих шоков была определенным достижением. Но в России давно назрела необходимость реформ, основанных на рациональном предвидении и на интенсивном использовании своего интеллектуального потенциала, а не на заимствовании институциональных «рутин», которые в развитых странах отнюдь не играют такой роли, какая им вменяется в осуществленных и планируемых российских реформах.

Рыночная экономика эффективна настолько, насколько эффективность обеспечивается свободой транзакций и ценовыми сигналами. Но не в упрощенной теории, а в реальном обществе есть широкий спектр некоммерческих видов деятельности, которые необходимы и для существования, и для эффективности рынка, неценовые сигналы со стороны которых рынок никак не воспринимает. Суть дела в том, что экономические и социальные отношения регулируются не только рынком и не столько рынком, сколько фундаментальной системой институтов, определяющей мотивацию экономического и социального поведения, пропорции между доходами различных социально-профессиональных групп и масштабы экономического неравенства. Поддержка этой системы институтов является неотъемлемой функцией государства.

3. Ситуация с жилищной проблемой в РФ – яркий пример перекладывания важнейшей государственной проблемы на рынок, который при существующей структуре и уровне доходов населения и запущенности проблемы в принципе решить ее не может. Однако власть упорно продолжает искать решения в этом направлении, уповая на ипотеку, снижение процентов по ней и т.п., не понимая, что для большинства населения при таких ценах на жилье оно недоступно.

Такому положению дел в этой сфере способствовало также и то, что отпустив рынок жилья в свободное плавание, государство не поставило никаких преград на пути спекуляций, что сделано, например, в странах Евросоюза.

Вместе с тем в российской институциональной среде за годы реформ, направленных на повсеместное введение рыночных отношений, произошел распад нерыночных, в том числе государственных институтов, регулирующих статусы различных социально-профессиональных слоев общества.

Соответствующая институциональная среда ориентирует собственников, предпринимателей и государство на кратковременные экономические интересы. В условиях, когда социальный статус определяется уровнем дохода независимо от того, каким образом этот доход был приобретен, мотивация экономического и социального поведения сводится к форсированию ближайших выгод. В отсутствие сильных внерыночных институтов это оказывает давление на государство, побуждая его подстраиваться под складывающуюся ситуацию. Поэтому государство, которое не обеспечивает достаточной поддержки основополагающим внерыночным институтам, в конечном итоге само оказывается слабым.

Рынок не обеспечивает равенства возможностей, хотя формально в сфере коммерческих трансакций его предполагает. Рынок, не ограничиваемый внерыночными институтами перераспределения, ведет к неограниченному росту экономического неравенства, относительно обнищанию большинства населения, допуская сосуществование очень низких и очень высоких доходов. Но недостаточные доходы ограничивают возможности осуществления разнообразных человеческих функций, и тем самым рынок создает неравенство возможностей.

Таким образом, когда речь идет об осуществлении долговременных интересов, нерыночные институты и соответствующие организационные механизмы более эффективны, чем рыночные инструменты. Они, во-первых, не так затратны, а, во-вторых, более адекватно приспособлены к неопределенности будущего, поскольку, в отличие от рыночных инструментов, они не «рационализируют» преимущества, которые могут быть достигнуты в будущем, под выгоды, видимые сейчас.

Рынок является одним из системообразующих институтов, но отнюдь не единственным и, наверное, не самым главным. *Системообразующая роль управления, науки, образования, культуры и искусства, здравоохранения и социального обеспечения является не менее существенной, чем роль рынка, причем более важной для общества.* Эти сферы имеют внутреннюю мотивацию развития, которая принципиально отличается от рыночной мотивации и разрушается, когда вмешательство рынка в эти сферы становится чрезмерным. Заработки в перечисленных отраслях экономики, как и в управлении рыночными фирмами и корпорациями, определяются не рынком, а системой институциональных факторов, точнее – соответствием, которое институциональная система устанавливает между социально-профессиональными статусами и распределением доходов. Здесь имеет место обратная по отношению к рыночной зависимость заработков от социальных статусов: зарплата работника определяется тем, какой статус ему приписывает институциональная

система, т.е. тем какое положение по своему статусу он должен занимать в совокупном распределении доходов.

Как следствие, «упование на рынок» привело к тому, что образование, здравоохранение, культура и искусство имеют *самые низкие статусы в общей системе оплаты труда*.

Несмотря на определенные усилия правительства по увеличению зарплат в бюджетной сфере, ее уровень еще далек от реальной значимости для государства труда работников этих сфер. Аналогичная ситуация сложилась в области социальной поддержки и пенсионного обеспечения населения. Анализ показывает также недостаточный уровень социальной поддержки со стороны государства малоимущим, и, прежде всего, детям, уровень бедности для которых в 2 раза выше, чем средний по стране.

Миф 2. В основе социальной доктрины сегодня лежит миф о том, что **по мере экономического роста будут автоматически создаваться возможности для успешного решения социальных проблем и повышения уровня жизни большинства населения.**

Однако многочисленные исследования, в том числе и международные сопоставления, показывают ошибочность такого взгляда – без активной перераспределительной государственной политики экономический рост не приводит к снижению масштабов неравенства и бедности. Неравенство и относительная бедность росли и продолжают расти все годы реформ, а прогнозные расчеты показывают, что проблема снижения чрезмерных масштабов неравенства и бедности без институциональных преобразований в сфере распределительных отношений не решается автоматически, даже при высоких темпах экономического роста, и будет только углубляться.

При увязке решения социальных проблем только с успехами в экономической сфере, достижения в социальной сфере начинают оцениваться и подменяются экономическими показателями⁴, а ориентирами для оценки успешности социальной политики и выработки мероприятий по решению социальных проблем служат в основном *среднестатистические показатели*, которые не только не дают реального представления об углубляющемся социально-экономическом неравенстве и бедности, о существе и глубине проблем деформации распределительных отношений, но даже и дезориентируют.

4. Интересно отметить, что, случайно или нет, но во всех планах правительства по снижению бедности фигурируют не собственно показатели бедности, а показатели увеличения МРОТ, пенсий, пособий, зарплат бюджетникам и т.п. Заметные проценты подтягивания этих показателей к прожиточному минимуму демонстрируют «серьезные» усилия правительства по решению проблемы бедности, в то время как воздействие этих мероприятий на снижение показателей бедности, как мы уже отметили, относительно мало. Сам же показатель бедности и нормативы его снижения в планах правительства напрямую нигде не обозначены.

Ярким примером здесь может служить то, как понимают и измеряют сегодня у нас бедность. Показатели бедности базируются на понятии прожиточного минимума (ПМ). Выбор значения прожиточного минимума так или иначе достаточно субъективен, и поэтому снижение показателя бедности может говорить не о его реальном уменьшении, а о неоправданном занижении правительством величины прожиточного минимума, отставании ее корректировки из-за роста цен и т.п. Идеология построения этого уровня имеет свои корни в советской действительности, когда многие необходимые потребности население удовлетворяло через общественные фонды потребления, и семья даже с низкими доходами имела реально бесплатный доступ к услугам здравоохранения, образования и отдыха. Мы сколь угодно можем говорить о бесплатном образовании и здравоохранении, но сегодня даже за скорую помощь реально приходится платить. Эти и многие другие аспекты жизнедеятельности человека в прожиточном минимуме практически не представлены, и он является скорее уровнем выживания. Хотя о каком выживании можно говорить, когда в нем отсутствуют затраты на приобретение или аренду жилья. Если же говорить о показателях относительной бедности, которые используются в странах ЕС и где в качестве ее границы выступает, как правило, 60% от медианного (среднего) уровня доходов, то численность относительно бедного населения России неуклонно продолжает расти. С точки зрения нормальной экономической логики (тем более логики социального государства) это представляется просто абсурдным и показывает, что деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, когда нарушается даже естественная логика снижения бедности по мере экономического роста. Естественно, что такой подход к измерению бедности на фоне победных цифр снижения абсолютной (по ПМ) бедности не вписывается в логику настоящей социальной политики и не находит отражения в оценке как текущей, так и прогнозируемой ситуации.

Миф 3. Более глубокой причиной, почему правительство до сих пор серьезно не озаботилось ростом неравенства, является то, что согласно либеральной точки зрения, **рост неравенства в период модернизации экономики** неизбежен и представляет собой временное явление. Такие страны должны делать выбор между ограничением роста неравенства и экономическим ростом. По мере экономического роста неравенство стабилизируется, а затем снижается до масштабов, близких к масштабам неравенства в развитых странах, и бедность, обусловленная высоким неравенством, в конечном итоге будет устранена. Именно эта точка зрения была взята на вооружение нашим правительством и определяла вектор социальной политики за все годы реформ.

Сегодня развитие теоретических и практических исследований в этой области показывает ошибочность таких представлений – без активной перераспределительной государственной политики экономический рост не приводит к сниже-

нию масштабов неравенства и бедности. Прогнозные расчеты показывают, что для России проблема снижения масштабов слишком высокого неравенства и относительной бедности без институциональных преобразований в сфере распределительных отношений не решается автоматически и будет только углубляться. Так, например, децильный коэффициент дифференциации доходов населения в самом высоком по уровню доходов регионе – Москве в 3 раза выше среднего по стране и к 2025 г. может достичь значения порядка 60–65 (1, с. 62).

А еще раньше развитие теоретического моделирования неравенства привело к выводу, который смутил самих теоретиков и пока остается неизвестным политикам. В динамических моделях рынка с учетом накопления и наследования имущества неравенство неограниченно возрастает. Рост неравенства, не сдерживаемый прогрессивными налогами и другими способами перераспределения доходов, приводит к существенному увеличению доходов только богатых и обнищанию практически всего остального населения (4; 5; 6).

Одновременно с этим слишком большое неравенство отрицательно сказывается на экономической динамике. В последнем исследовании Мирового банка (6), в основе которого лежат результаты обширных статистических исследований по странам мира, показано, что такое неравенство препятствует экономическому росту.

Миф 4. Непонимание прямых и обратных связей между социальными и экономическими факторами, в том числе между неравенством и экономическим ростом приводит к тому, что **финансирование социальной сферы все еще продолжает строиться по «остаточному» принципу** – оно идет от достигнутого уровня, а не от реальной потребности для решения имеющихся проблем⁵. **Все они лежат в ресурсной плоскости и адресное ресурсное вливание рассматривается как основной метод эффективного решения социальных проблем.**

Такой подход в условиях сравнительно высоких темпов экономического роста и благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры позволял правительству увеличивать бюджетные расходы, в том числе на повышение пенсий, пособий, МРОТ, зарплат в бюджетной сфере и т.п. и тем самым создавать иллюзию эффективной социальной политики.

Однако анализ эффектов таких мер, несмотря на их необходимость и важность, показывает их низкую степень воздействия на снижение бедности – только 15–20% выделяемых для этих целей ресурсов попадают бедным домо-

5. World Bank. *Equity and Development: World Development Report 2006*. – N.Y.: The World Bank and Oxford University Press, 2006.

хозяйствам⁶. Причем прогнозные оценки показывают невозможность выхода в обозримой перспективе на европейские стандарты по уровню МРОТ, пенсий и детских пособий. Простое увеличение бюджетных расходов (а кризис ограничивает возможности дальнейшего роста расходов государства на социальные нужды) в рамках принятой парадигмы в принципе не может существенно способствовать решению проблемы снижения уровня неравенства и бедности, так как не устраняет причин, порождающих это неравенство.

Сегодня такой подход к решению социальных задач в связи с замедлением экономического роста и снижением доходов государства ставит перед правительством сложную проблему: надолго ли хватит запаса прочности и на чем можно сэкономить, чтобы не допустить резкого снижения уровня доходов населения и свертывания социальных программ.

Миф 5. Последние годы (исключая кризис) были успешными с точки зрения роста уровня жизни.

В настоящее время в России, несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов, социальная поляризация и концентрация ввиду форсированного роста самых высоких доходов и зарплат не уменьшались, а продолжали нарастать⁷. Общим следствием проводимой в стране социальной политики являются острые социально-экономические диспропорции в социальной сфере, которые выражаются, в первую очередь, в избыточном неравенстве доходов, бедности населения, беспредельно высоком неравенстве в распределении собственности и в связи с кризисом могут получить дальнейшее ускоренное развитие, еще больше обострить и так уже напряженную ситуацию в социальной сфере.

В результате реформ в России выиграли только 20% наиболее обеспеченного населения (девятая и десятая децильные группы)⁸. Группы населения со средними (близкими к медиане) доходами не только не разбогатели, но и

6. Это хорошо видно на примере уровня детских пособий, которые покрывают всего несколько процентов дефицита доходов в бедных семьях, или материнского капитала, уровень которого несопоставим с ценами на жилье или образование.

7. Как мы покажем ниже, доходы богатых подвергаются меньшей налоговой нагрузке, так как большую часть их доходов составляет не заработная плата, а другие доходы (доходы от собственности, дивиденды, и т.п.), которые облагаются налогами по значительно более низкой ставке, чем фонд заработной платы. Таким образом, реальная дифференциация еще выше, так как в проигрыше оказываются доходы от экономически активной деятельности в противовес рентным и другим.

8. Причем в 2006 г. соотношение дохода девятой децильной группы с прожиточным минимумом увеличилось по сравнению с 1990 г. только на 16%. А соотношение с прожиточным минимумом дохода верхней (десятой группы) выросло за тот же период двукратно! Заметим, что в период с 2000 по 2006 г. ВВП России вырос на 58%, тогда как соотношение дохода верхней группы с прожиточным минимумом выросло на 72%.

не восстановили уровень благосостояния, который они имели в 1990 г. А группы населения с самыми низкими доходами остались за чертой абсолютной бедности (см. рис. 1).

Динамика соотношений доходов в децильных группах (1-10) населения России с прожиточным минимумом (ПМ)

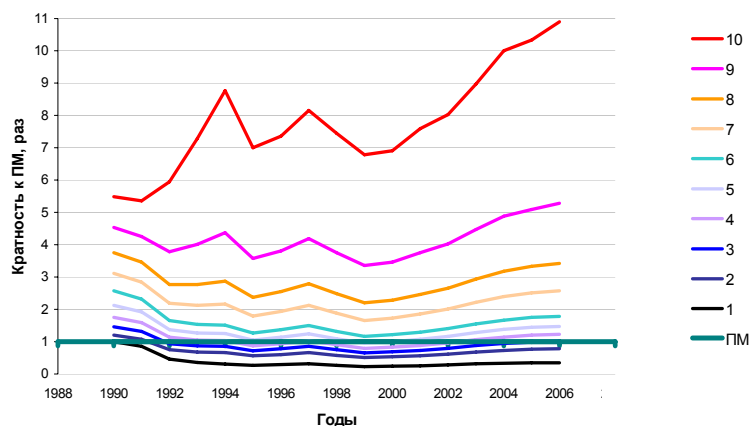

Рис. 1.

Источник: 3, с. 12.

Все это означает, что отдельные, наиболее обеспеченные группы населения имеют институциональные преимущества и в наибольшей мере пользуются результатами экономического роста. В полной мере подтверждением тому служит, как уже отмечалось, рост численности относительно бедного населения России (см. рис. 2).

В настоящее время коэффициент Джини в РФ давно превысил критический уровень Мирового банка 0,4 и приближается к отметке 0,5⁹. В 1990 г. относительная граница бедности (ОГБ, 60% от среднедушевого дохода) пролегла между среднедушевыми доходами третьей и четвертой децильных групп. В 2000-е годы ОГБ приблизилась к среднедушевому доходу в шестой децильной группе и вместе с неравенством продолжает расти и тем больше, чем выше экономический рост и богаче регион. Так, в самом богатом регионе —

9. Исследование Мирового банка показывает, что высокое неравенство (выше 0,4 для коэффициента Джини) препятствует экономическому росту и прогрессивным преобразованиям институтов.

Москве, где уровень доходов в 3 раза превышает средний по стране, неравенство почти в 2,5 раза выше среднероссийского: 42 против 17 в коэффициентах дифференциации в 2007 г.

Если говорить о перспективе, то наши прогнозные оценки показателей неравенства и относительной бедности (в правительственных документах они вообще не фигурируют) в рамках стратегии 2020 для РФ и 2025 для Москвы также показывают, как мы уже говорили, их дальнейший рост.

Динамика доли относительно бедных в общей численности населения при границе бедности в 60% от среднедушевого дохода (левая шкала) и в 60% от медианного дохода (правая шкала)

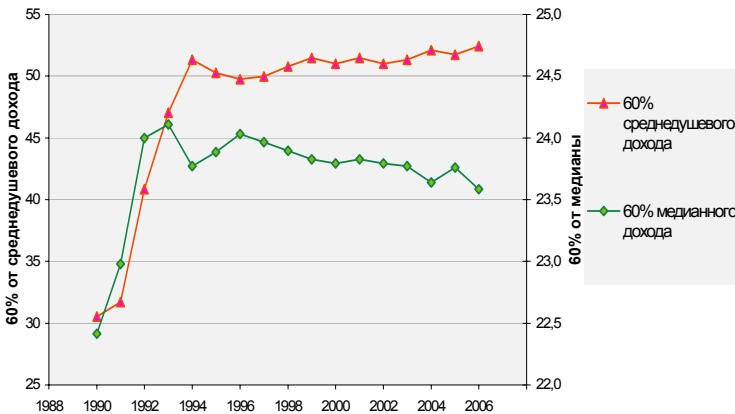

Рис. 2.

Источник: 3, с. 13.

Как по стране в целом, так и в самом богатом городе РФ – Москве мы далеко «впереди» стран Запада по показателю бедности. Особенно тревожное положение с детской бедностью. По **абсолютному** ее показателю (доход на ребенка ниже прожиточного минимума) детская бедность сегодня составляет 24%, а **относительная** (ниже 60% среднедушевого дохода) – 46% против относительной бедности по всему населению РФ – 34% и при средневропейской детской бедности в 6–8%. С каждым последующим деторождением семья погружается во все более глубокую бедность: относительная бедность полной семьи с одним ребенком – 42%; полной семьи с двумя детьми – 48;

полной семьи с тремя детьми – 55%. Во всех семейных группах масштабы детской бедности в России в 4–5 раз превышают средние показатели в ОЭСР, а в Западной Европе – в 10 раз!

Миф 6. Об «удочке» и социальных гарантиях государства.

Очень часто противниками повышения социальных стандартов и гарантий используется аргумент, что надо дать «удочку в руки», а не увеличивать расходы государства. Однако крылатая идиома советских времен «кто не работает, тот не ест», которая в целом соответствовала реалиям того времени, сегодня трансформировалась в положение, когда *наличие работы не гарантирует достойного уровня жизни и выхода из бедности.*

Весь драматизм ситуации заключается в том, что бедными в нашей стране в последние годы стали не пенсионеры, а работающие и дети. Результаты обследования в апреле 2009 г. показали, что при общей доле бедного населения – 15,8%, дети до 18 лет составили 27,6, наемные работники – более 38, пенсионеры – 13,4, безработные – 6,3%.

Такое положение работающих объясняется тем, что минимальная зарплата в России ниже прожиточного минимума и много ниже самых бедных стран Евросоюза. Самая высокая минимальная заработная плата (без вычетов) среди стран Евросоюза установлена в Люксембурге (1642 евро), Ирландии (1462) и Бельгии (1387). А самый низкий уровень ее в рамках ЕС в пересчете на евро зафиксирован в Болгарии (123 евро), Румынии (153), Латвии (232), Литве (254), Венгрии (270), Эстонии (278) и Польше (281). В стране-кандидате Турции минимальная заработная плата установлена на уровне 319 евро. На фоне минимальной зарплаты в России минимальные заработки даже в самых бедных странах Европы выглядят вполне солидными. Сейчас официальный минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в нашей стране немногим выше 100 евро¹⁰.

По данным Росстата (апрельские обследования заработной платы в 2010 г.), более 37% работающих, или 26 млн человек из почти 70 млн занятых имеют зарплату не более 10 тыс. руб., 50% – ниже 13 тыс. руб. Нетрудно представить, какой уровень жизни в семьях, где единственный кормилец имеет такую зарплату. Именно этим положением объясняется высокая бедность детей и многодетных семей.

Таким образом, сторонники сокращения государственных расходов на поддержку малообеспеченных слоев населения совершенно игнорируют тот факт, что удочка бесполезна, если в озере нет рыбы. Именно государство от-

10. Сегодня приходит понимание того, что такой уровень МРОТ вместе с огромными разрывами в доходах населения представляет угрозу и национальной безопасности. Так, например, в принятой недавно Концепции безопасности г. Москвы уровень МРОТ в 3 раза меньше средней зарплаты и коэффициент дифференциации более десяти признаны серьезной угрозой для социально-экономического развития города.

ветственно за ее разведение. Именно поэтому МРОТ должен быть такой, чтобы работающий человек не только сам не был бедным, но и мог худо-бедно содержать семью¹¹. Это с одной стороны. А с другой стороны, не секрет, что бюджетная сфера имеет относительно низкий уровень зарплат и никакое малое предпринимательство не сможет существенно изменить ситуацию, если государство как основной работодатель для занятых в бюджетной сфере не сможет гарантировать им достойную зарплату¹².

Миф 7. Равнодоступность услуг социальной сферы (жилья, образования, здравоохранения и т.п.).

Чрезмерные показатели неравенства доходов проецируются в свою очередь на доступность населения к таким важнейшим услугам социальной сферы как жилье, здравоохранение, образование и др. Например, коэффициент доступности жилья даже в среднем по нашим нормам находится по европейской классификации в области «существенно недоступно» – 10 лет, а расчеты ИСЭПН РАН для низкодоходной группы в Москве показывают запредельную величину – 80 лет. Аналогичная ситуация в здравоохранении, когда 30% населения имеют доступ только к 2–3% современных услуг в этой сфере. И в этом сегменте существующие сегодня механизмы формирования и перераспределения доходов населения настроены и работают в интересах богатых, большая доля совокупного роста доходов приходится на рост доходов наиболее обеспеченных слоев населения, а на повышение доходов наименее обеспеченных остаются крохи.

Все это свидетельствует, что важнейшая социальная проблема избыточного неравенства и относительного обнищания населения правительством не осознается и не ставится, а развитие социальной сферы сводится лишь к росту абсолютных показателей.

Однако находясь в плену ложной парадигмы и не понимая, что корень зла не в недостатке ресурсов, правительство не только не может осуществлять эффективную социальную политику, но и продолжает сохранять институциональные дефекты системы распределительных отношений.

Миф 8. Например, правительство и многие депутаты считают, что раз у нас плоская шкала налогов, то налогообложение для всех равномерное.

Чтобы разобраться в реальной картине, рассмотрим структуру денежных доходов населения для различных доходных групп. На рис. 3 эта структура показана в разрезе основных источников: заработной платы, пенсий, социальных трансфертов и «других» доходов. Основную часть последних состав-

11. По нашим расчетам, сегодня он должен быть на уровне 20 тыс. руб.

12. Есть, конечно, и другой путь снижения государственных расходов и снижения бедности – сократить бюджетную сферу и количество занятых в ней. Судя по всему, государство сегодня идет по этому пути, исключив, правда, из этого процесса чиновников.

ляют доходы от предпринимательской деятельности, разных видов собственности, дивидендов и т.п.

Приведенные данные показывают, что доходы богатых более чем на 65% состоят из «других» доходов. Еще более разительная картина наблюдается в Москве, где доля «других» денежных доходов в 2006 г. в девятом и десятом децилях превышала 90% всех денежных доходов.

Таким образом, основой благосостояния двух самых богатых групп населения является не заработная плата, а прежде всего «другие», в большей степени «рентные» доходы. Во-вторых, концентрация этих доходов является основным фактором неравенства в РФ, в том числе катастрофического неравенства доходов населения в Москве.

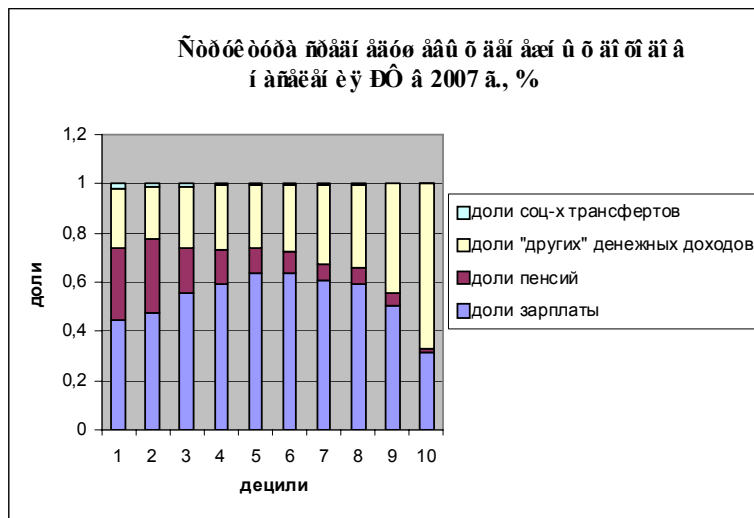

Рис. 3.

Источник: Составлено по данным Росстата о структуре денежных доходов населения (3, с. 15).

Наблюдаемая деформированная картина образования доходов москвичей, в двух верхних децилях преимущественно нетрудовых, коренится в примитивной и несправедливой налоговой системе. Анализ реальной налоговой нагрузки различных доходных групп населения показывает ее значительную дифференциацию. Плоская шкала налогов подразумевает, что большие и малые доходы облагаются подоходным налогом в одинаковой процентной доле.

Но это лицемерное «равенство». Зарплату трудящихся дважды облагают налогом. Сначала снимают единый социальный налог (ЕСН) с фонда оплаты труда – 26,2%, а потом с зарплаты 13% – подоходный налог. Получается, что трудящийся отдает со своих доходов практически 40%¹³. А человек, который живет на дивиденды, банковский процент или с аренды собственности – платит с этих доходов в разы меньше. Если он хранит свой вклад под проценты Центробанка, то вообще не платит с него налогов, если занимается предпринимательством – платит 6%-ный налог, с дивидендов налог составляет 9%, а с аренды собственности – 13%.

Статистика по Москве показывает, что фактическая налоговая нагрузка двух беднейших доходных групп населения вдвое выше чем двух наиболее богатых групп. Можно к этому добавить, что новый закон о страховых взносах эту дискриминацию средне- и низкообеспеченных слоев населения только обострит¹⁴.

Миф 9. Ипотека – основной путь решения жилищной проблемы.

Резкое расслоение по неравенству доходов населения продуцирует и высокое неравенство в доступности такого важного ресурса для жизнедеятельности человека как жилье. И здесь переход к дифференцированным показателям совершенно по-новому открывает глаза на реалии жилищной проблемы и показывает практическую невозможность использования ипотеки и других кредитных и сберегательных схем для решения жилищной проблемы для большинства населения.

В среднем ситуацию с доступностью жилья демонстрируют следующие данные (см. табл. 1).

Согласно международной классификации рынков жилья по критерию доступности (www.demographia.com), *жилье на рынке*:

- **доступно**, если значение коэффициента доступности жилья до трех лет;
- **не очень доступно**, если значение коэффициента от трех до четырех лет;
- **приобретение жилья серьезно осложнено**, если значение от четырех до пяти лет;
- **существенно недоступно**, если значение более пяти лет¹⁵.

13. Введенная правительством с 2010 г. замена ЕСН на страховые выплаты с одновременным увеличением на 8% налоговых отчислений еще больше усилит дискриминацию в пользу богатых.

14. Из более чем 200 стран: 15 не имеют НДФЛ, 30 – имеют плоскую шкалу, более 160 – прогрессивную, и только РФ – регрессивную! Есть чем гордиться.

15. Кд – коэффициент доступности жилья, равный количеству лет, в течение которых *всех* доходов семьи из трех человек хватит на покупку стандартной квартиры (54 м² – по нормативам РФ и 108 м² – по нормативам ЕС).

РОССИЯ, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Таблица 1

**ДОСТУПНОСТЬ ЖИЛЬЯ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ВТОРИЧНОМ РЫНКЕ
ЖИЛЬЯ ИЗ РАСЧЕТА СРЕДНЕДУШЕВОГО/МЕДИАННОГО УРОВНЯ
ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ 2000, 2006–2009 гг.***

	2000**	2006	2007	2008	2009
РОССИЯ					
Доступность стандартной квартиры 54 м ² . По среднедушевому/медианному уровню дохода	4,33/ 5,85	5,39/ 7,11	5,62/ 7,59	5,60/ 7,56	4,71
Доступность квартиры по евро-стандарту 108 м ² . По среднедушевому/медианному уровню дохода	8,67/ 11,70	10,77/ 14,22	11,24/ 15,17	11,20/ 15,12	9,42
Москва					
Доступность стандартной квартиры 54 м ² (по ценам Росстата) По среднедушевому/медианному уровню дохода	2,89/ 6,73	5,10/ 9,69	5,40/ 9,88	6,44/ 11,08	5,37
Доступность квартиры по евро-стандарту 108 м ² (по ценам Росстата). По среднедушевому/медианному уровню дохода	5,78/ 13,47	10,20/ 19,38	10,80/ 19,76	11,87/ 20,42	10,74
Доступность стандартной квартиры 54 м ² (по рыночным ценам) По среднедушевому/медианному уровню дохода	3,80/ 8,85	6,26/ 11,89	5,48/ 10,03	8,07/ 13,88	5,14
Доступность квартиры по евро-стандарту 108 м ² (по рыночным ценам). По среднедушевому/медианному уровню дохода	7,60/ 17,71	12,51/ 23,77	10,95/ 20,04	16,13/ 27,74	10,27
Московская область					
Доступность стандартной квартиры 54 м ² . По среднедушевому/медианному уровню дохода	6,14/ 7,25	5,72/ 7,15	5,47/ 7,22	5,63/ 7,54	4,47
Доступность квартиры по евро-стандарту 108 м ² . По среднедушевому/медианному уровню дохода	12,27/ 14,48	11,45/ 14,31	10,94/ 14,44	11,26/ 15,09	8,94
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ					
Доступность стандартной квартиры 54 м ² . По среднедушевому/медианному уровню дохода	5,90/ 7,08	5,16/ 7,07	5,24/ 7,39	6,79/ 9,37	6,07
Доступность квартиры по евро-стандарту 108 м ² . По среднедушевому/медианному уровню дохода	11,79/ 14,15	10,32/ 14,14	10,49/ 14,79	13,57/ 18,73	12,14

Примечание: Цены – на конец года; среднедушевые доходы – в среднем за соответствующий год. Медианный уровень доходов оценен на основе распределения совокупного денежного дохода населения по 20% доходным группам (третий квинтиль).

* Расчеты и их методика – проведены в ИСЭПН РАН.

** 2000 год – год начала послекризисного (1998) роста цен на рынке жилья, который опережал рост денежных доходов населения.

Таким образом, благоприятным считается показатель доступности, не превышающий трех лет. На практике это означает, что среднестатистическая семья может приобрести стандартную квартиру не более чем за десять лет, выплачивая за нее не более трети совокупного семейного денежного дохода в год (без учета процентов, которые нужно выплачивать, если взят кредит).

У нас значение показателя доступности квартиры в 54 м² более пяти-шести лет, что означает, **что жилье на рынке существенно недоступно**. Если же рассмотреть случай квартиры в 2 раза большей (евростандарт), то соответственно, этот показатель составит более 10–12 лет (!!!).

Важно подчеркнуть, что в западной экономике при оценке доступности жилья используется не среднедушевой, а медианный денежный доход населения, который, при сильной дифференциации денежных доходов, характерной для России, и особенно для Москвы, значительно ниже среднедушевого.

По европейским стандартам у нас коэффициент доступности жилья в среднем по населению более чем в 2 раза превышает критерий «существенно недоступно».

Особенно напряженная ситуация в семьях с детьми.

Таблица 2

ДОЛЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ С НИЗКОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬЮ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДЬЮ (МЕНЕЕ 12 м² НА ЧЕЛОВЕКА) В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КОЛИЧЕСТВА ДЕТЕЙ В ДОМОХОЗЯЙСТВЕ В 2006 Г. В МОСКВЕ, %

Домохозяйства:	%
без детей	7
с 1 ребенком	22
с 2 детьми	24,5
с 3 и более детьми	100

Источник: 1, с. 160.

Сопоставление уровней европейских стандартов с ростом показателей неравенства, бедности и других характеристик уровня жизни у нас, показывает, что размеры МРОТ, пенсий, обеспеченности жильем в России меньше от 2 до 10 раз. В то же время превышение показателей неравенства, бедности, доступности жилья над среднеевропейскими составляет от более 2 до почти 7 раз!

Они также показывают кардинальные отличия характера обеспеченности различных слоев российского населения от населения США и Европы, в том числе резкий, все увеличивающийся крен распределения доходов в пользу 15–20% богатого населения. Одновременно эти данные позволяют оценить характер и масштабы институциональных изменений, необходимых для приближения к стандартам развитых стран Запада.

РОССИЯ, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Данные о нехватке или избытке денежных среднедушевых доходов по России в целом и отдельно по Москве показывают (табл. 2), что для приближения нашей структуры распределения доходов по децилям к средневропейской структуре необходимо поднять доходы 75–80% населения, или восьми низко- и среднедоходных групп населения. Для устранения перекоса механизма распределения доходов в пользу богатых следует изменить соотношение доходов самых богатых и самых бедных более чем в 15 раз (1, с. 65).

Миф 10. Справедливость как основная причина снижения неравенства.

Каким же должно быть неравенство? Участники современной развернувшейся дискуссии по этому вопросу так или иначе оперируют понятием справедливости. Но это понятие тесно связано и с историческими традициями общества, и с тем, что конкретный человек или группа населения понимают под справедливостью.

Таблица 3

НЕОБХОДИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ В % К ТЕКУЩЕМУ ДЕНЕЖНОМУ ДОХОДУ ДЛЯ ПРИБЛИЖЕНИЯ К ЕВРОПЕЙСКИМ СТАНДАРТАМ (доходы в расчете на душу населения)

Децили	В среднем по Москве	В среднем по России
1	646	292
2	403	218
3	306	184
4	245	161
5	201	142
6	165	127
7	135	112
8	108	102
9	81	82
10	42	56

Источник: 1, с. 65.

Исследования, проведенные в ИСЭПН РАН в последние годы, показывают, что «оптимальные» показатели неравенства могут быть определены не с точки зрения качественного понятия «справедливости», а с точки зрения их влияния на такие количественно измеряемые параметры, как экономический и демографический рост.

Новый подход, основанный на структурном разложении неравенства, дает не только ключ к пониманию такого влияния, но и позволяет с убедительностью дать им количественную оценку. Он вскрывает новые, неизвестные до настоящего времени закономерности влияния относительных показателей неравенства и бедности на экономический рост, демографическую динамику и качество человеческого капитала. И здесь, как показал анализ, именно относительные показатели уровня жизни различных слоев или групп населения проявляют устойчивые и статистически значимые связи с показателями эко-

номического роста и демографической динамики. Наш новый подход базируется на двух основополагающих моментах.

Во-первых, как показали многочисленные исследования, общие показатели неравенства (коэффициент Джини или дифференциации) не проявляют заметных статистических связей ни с показателями экономического роста, ни с демографической динамикой. Дело в том, что показатель неравенства может быть одним и тем же в двух диаметрально разных ситуациях: 1) когда много богатых и мало бедных и 2) когда много бедных и мало богатых. А само влияние неравенства на экономическую и демографическую динамику также носит двоякий характер. С одной стороны, возможность достижения высоких доходов и потребительских стандартов стимулирует людей на более качественный, квалифицированный и интенсивный труд, что положительно влияет на экономический рост. С другой – часть населения, живущая за чертой относительной бедности, испытывает психологическую напряженность, связанную с низкой оценкой социальных перспектив, безвыходностью социально-экономического положения, отсутствием путей для желаемой реализации своего человеческого потенциала. Эффект негативного социального напряжения подобен эффекту тяжелой депрессии, при которой ценность жизни утрачивается.

Во-вторых, для разделения положительных и отрицательных эффектов неравенства и выявления статистических зависимостей мы производим разложение общих показателей неравенства на структурные компоненты, исходя из того, что различным видам экономического, социального и демографического поведения населения соответствуют определенные функциональные границы или пороговые уровни доходов, переход через которые необходим для того, чтобы соответствующие виды поведения были полноценно осуществимыми¹⁶. Определение такой функциональной границы для того или иного вида активности позволяет не просто фиксировать размеры существующего неравенства, а подразделить его на нормальное и избыточное неравенство с точки зрения осуществимости человеческих возможностей. Неравенство доходов выше функциональной границы мы интерпретируем как нормальное, а неравенство доходов ниже нее – как избыточное.

16. Наш подход развивает теорию человеческих возможностей Амартии Сена, в которой осуществимость тех или иных функциональных возможностей человека связывается не просто с уровнем его дохода, но с его положением в распределении доходов в обществе. Наша инновация состоит в том, что с помощью введения понятия функциональной границы и соответствующего разложения неравенства доходов на нормальную и избыточную составляющие мы придаем идеям Сена операциональное содержание, включая возможности статистического измерения и использования соответствующих показателей при разработке прогнозов.

Именно после такого подразделения (на основе статистической оценки соответствующих функциональных границ и их изменчивости при изменяющихся условиях) объяснение воздействия неравенства на макроэкономические и демографические показатели приобретает окончательную ясность, которую искали, но не могли найти до этого многочисленные исследователи.

На основе этой новой методологии были проведены обширные исследования взаимосвязей структурно-функциональных характеристик экономического неравенства с основными показателями социально-экономического и демографического развития как России в целом, так и отдельных регионов. Анализ таких связей показал, что нормальное неравенство всегда обнаруживает себя как позитивный фактор, а избыточное неравенство – как негативный, и динамика социально-экономических и демографических процессов хорошо объясняется динамикой соотношений между этими факторами¹⁷.

Количественная оценка эффектов взаимодействия социальных и экономических факторов позволяет утверждать, что факторы избыточного неравенства и высокой относительной бедности являются определяющими в объяснении динамики социально-экономических и демографических показателей.

Так, из комплексного анализа значений функциональных границ по экономическому росту и демографической динамике и соотношений доходов по децильным группам населения с этими функциональными границами следует, что значения таких границ в 2–2,5 раза превосходят прожиточный минимум и составляют 60–70% среднедушевого дохода. В то же время доходы более 60% населения лежат ниже этих границ, что не позволяет этой большей части населения эффективно реализовывать себя в экономике и накладывает ограничения на их здоровье и репродуктивное поведение.

Выявленные статистические зависимости позволяют говорить об исключительной значимости фактора неравенства в российских условиях: при оптимальном перераспределении доходов, снижающем величину коэффициента дифференциации до 7–10, рост ВВП в период 2000–2007 гг. мог бы быть выше фактического на 30–50%, а при годовом росте реальных доходов на 10% можно было бы выйти на положительный естественный прирост населения. Эти цифры могут показаться фантастическими, но к ним надо относиться не как конкретному прогнозу, а как к оценке степени влияния указанных факторов неравенства на демографический рост.

Именно при таких параметрах распределения большая часть населения сможет реализовывать свои чаяния в экономическом и репродуктивном поведении, сохранении своего здоровья, наращивании человеческого потенциала

17. Тот же самый вывод следует из анализа по странам мира, где показатели нормального и избыточного неравенства позволяют с высокой точностью отразить влияние неравенства на уровень продуктивности экономики и экономический рост.

и т.п. Поэтому такое распределение можно было бы считать и общественно справедливым. Однако оно требует радикальной смены парадигмы социально-экономической политики, ее последовательной ориентации на нужды большинства населения. *Это ключевой момент, носящий системный характер в решении задач ускорения экономического роста и изменения направления вектора демографической динамики.*

Пути преодоления неравенства и бедности

Как мы уже говорили, отдельные, адресные мероприятия по увеличению пенсий, МРОТ, зарплаты работников бюджетной сферы, несмотря на их необходимость и важность, мало влияют на снижение бедности и неравенства и в принципе не могут привести к существенным изменениям в решении этой проблемы, так как не устраняют причин, порождающих неравенство.

Сегодня, подчеркнем еще раз, основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения. Этот вывод представляется очень важным в современных условиях, когда кризис ограничивает возможности дальнейшего роста бюджетных расходов государства на социальные нужды.

Все это требует радикальной смены парадигмы социально-экономической политики и ее переориентации на нужды большинства населения, которая невозможна без радикальной перестройки распределительных отношений.

Перераспределение доходов – это системный и принципиально важный способ создания оптимальных условий для ускорения экономического роста и изменения направления вектора демографической динамики.

Понятно, что подобный сценарий нельзя претворить в жизнь не только без реформы механизма налогообложения (перехода на прогрессивную шкалу), но и других каналов перераспределения доходов. Без этого воспроизводство чрезмерного неравенства и относительной бедности не прекратится.

Без увеличения налоговой нагрузки на сверхдоходы и увеличения доходов малоимущих мы проблему нарастающей относительной бедности и увеличивающегося разрыва бедные – богатые не решим.

Наши расчеты показывают принципиальную возможность такого перераспределения (в пределах существующих в Европе и США нормативов), когда одновременно с увеличением доходов малоимущих происходит сокращение разрыва в темпах роста доходов богатых и бедных и перенос тяжести налоговой нагрузки на богатые слои населения.

Все это позволит резко улучшить положение 80% населения, снизить неравенство и бедность до приемлемых уровней при уменьшении темпов роста доходов только у 10–15% населения, затронув не более 8–9% общего объема доходов.

Важно понять, что при таком подходе достигается радикальное снижение показателей неравенства и бедности без дополнительных значительных ресурсов, общая денежная масса доходов остается неизменной, так как мы меняем только пропорции ее распределения по различным доходным группам и инфляционной опасности в таком подходе нет. Более того, произойдет стимулирование спроса на отечественную продукцию, на которую ориентированы средне- и низкодходные группы населения.

В условиях слабости государственной машины управления, ее коррумпированности и сверхмерной бюрократизации кардинальные перемены в этой социально и политически сверхчувствительной сфере осуществить крайне сложно. Но российский правящий класс сам должен осознать, как это сделал в свое время политический класс ведущих стран Запада, необходимость в его же интересах привести социально-экономическое неравенство к разумным пропорциям, обеспечивающим консолидацию общества, доверие к государственной власти и благоприятные условия для экономического и демографического роста.

Власти и обществу пора, наконец, осознать, что перенос центра тяжести социально-экономической политики на оптимизацию распределительных отношений приобрел ключевое значение для оздоровления и процветания нашей Родины.

Литература

1. Ноздрина Н.Н., Шевяков А.Ю., Шнейдерман И.М. Жилье в Москве: реалии и перспективы. – М., 2009. – 168 с.
2. Социальные проблемы современной России: Московская специфика (под ред. проф. А.Ю. Шевякова). – М., 2009. – 341 с.
3. Уровень жизни населения регионов России. Качество и уровень жизни населения в условиях глобального кризиса. М.: ВЦУЖ, 2009. – Октябрь-ноябрь. – 134 с.
4. Atkeson A., Lucas R.E. Jr. On efficient distribution with private information // Review of Economic Studies. 1992. – Vol. 59, N 3. – P. 427–53.
5. Farhi E., Werning I. Inequality, social discounting and estate taxation // NBER working paper No 11408. 2005, www.nber.org/papers/w11408.
6. Phelan C. On the long run implications of repeated moral hazard // Journal of Economic Theory. 1998. – Vol. 79, N 2. – P. 174–191.

В.П. Пашков

**ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В РОССИИ:
ФОРМЫ, ОТНОШЕНИЯ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛЬЗОВАНИЯ**

Пашков Владимир Петрович – кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник Института аграрных проблем РАН (Саратов).

Результаты земельной реформы

История введения в сельском хозяйстве России купли-продажи земли в 90-е годы свидетельствует об ошибочности курса земельной и в целом аграрной реформы. Концепция реформы исходила из того, что на селе в будущей рыночной экономике место государственной собственности на землю займет частная собственность граждан и юридических лиц. Концепция реформы на уровнях классического теоретического и конкретно-исторического знаний не прорабатывалась. Имели место игнорирование реальных фактов, мировых тенденций и закономерностей истории.

Сами реформаторы говорят, что земельная реформа еще «не завершена», ее надо продолжать. Так, по мнению Н. Шагайды, «нарушение монополии государственной собственности на землю, введение платности ее использования – обязательные, но лишь первые шаги. Реформа может считаться законченной, когда созданы механизмы, позволяющие ресурсу – земле – с низкими транзакционными издержками перераспределяться между собственниками и пользователями в условиях обеспечения общественного интереса» (14, с. 34). Под нарушением монополии государственной собственности на землю автор по существу понимает ее полную ликвидацию. Что касается перераспределения земли между собственниками и пользователями, то речь идет о ее перераспределении между частными арендодателями и частными арендаторами. Таким образом, цели либеральных реформаторов сводятся к созданию на одной стороне класса собственников-арендодателей, не занятых аграрным производством и паразитирующих на аренде земли, а на

другой – класса тружеников-арендаторов, тех же семейных фермеров, которые своей арендной платой кормят собственников земли.

Почему же реформа буксует? Сами реформаторы утверждают, в частности, что так называемый оборот земель сельскохозяйственного назначения не развивается по той причине, что не сформированы сами земельные участки и части земельных участков как конкретные объекты купли-продажи земли; реализация либерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» тормозится законодательными и нормативными актами, которые регулируют землеустройство, постановку на кадастровый учет и регистрацию прав и сделок с землей (14, с. 34).

В действительности купля-продажа земли в стране не развивается из-за отсутствия внутреннего спроса на нее, причины которого многочисленны, но в целом сводятся к сложившимся в обществе производственным и социальным отношениям. Общество – это всегда определенный организм со своими устоявшимися функциональными связями, и не всякие вводимые сверху в такой организм новые отношения могут в нем прижиться. История введения купли-продажи земли и «фермеризации» России в 90-е годы говорит об ошибочности курса земельной и в целом аграрной реформы. Доктрина реформ исходила из того, что на селе главным типом аграрного производства станут небольшие фермерские хозяйства; шла повсеместная пропаганда такого курса, в том числе в научной среде, включая академическую. Однако осмысления реформы на уровне рационального конкретно-исторического знания не произошло; напротив, имело место игнорирование реальных фактов и закономерностей истории.

Хотя результаты 20-летней реформы крайне отрицательны, курс на частную собственность на землю и «фермеризацию» страны» до сих пор законодательно не отменен и официально не осужден.

А результаты, по официальным данным, таковы. Согласно Сельскохозяйственной переписи 2006 г. (8, с. 7), число фермерских хозяйств в РФ составило 250 320 единиц, а общая земельная площадь их сельскохозяйственных угодий – 25,4 млн га (со средним размером земельного участка 101,3 га). Пашня фермеров, самое ценное угодье, составляла 15 млн га, или почти 13% всей пашни России. Однако на этих 13% пашни фермеры произвели в 2006 г. всего лишь 6,5% валовой сельскохозяйственной продукции страны. В 2008 г. этот показатель достиг 8,5% – рост незначительный (12, с. 29).

Отрасль животноводства, как наиболее трудоемкая, в фермерском укладе, видимо, вообще не имеет перспектив. Здесь фермерство дало всего лишь 3,3% от общего объема продукции. По данным переписи, из имеющих фермерских хозяйств сельскохозяйственную деятельность осуществляли в 2006 г. только 124,7 тыс. человек. К категории «прекративших сельскохозяйственную деятельность» отнесены 107 тыс. фермеров. «Приостановившими

сельскохозяйственную деятельность» считаются 21,4 тыс. хозяйств. Следует вывод, что свыше половины фермеров, получив лучшую землю – пашню – хозяйства на ней не ведут.

Совершенно ясно, что на роль ведущего или господствующего производственного уклада в российском сельском хозяйстве фермерское хозяйствование не потянуло по причине экономической несостоятельности. Доктрина реформы, что этот уклад является наиболее прогрессивным и производительным оказалась глубоко ошибочной, а 20-летний передел сельского хозяйства – переделом в сторону его разрушения.

Сегодня при Минсельхозе России создана рабочая группа по подготовке Национального доклада о ходе и результатах реализации в 2009 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. В России это будет первый такой документ. Он очень важен и очень необходим для страны. И. Ушачев, вице-президент Россельхозакадемии и директор Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, опубликовал долгожданную для специалистов статью с данными Национального доклада, относящимися к итогам реализации государственной программы развития сельского хозяйства. Приводим очень неприятные для реформаторов выдержки.

Наращивание производства мяса, начатое с принятием в 2006 г. приоритетного национального проекта «Развитие АПК», «происходит в основном за счет сельхозорганизаций: их доля в структуре производства увеличилась с 44,9% в 2005 г. до 54, 8% в 2009 г. Что касается доли крестьянских (фермерских) хозяйств, то она повысилась с 2,5 до 3, 3%, а вот хозяйств населения снизилась на 10,7%» (13, с. 4).

Вот, что пишет Ушачев относительно производства молока: «Не преодолено сокращение поголовья коров. Большие надежды возлагались на отраслевую программу «Развитие пилотных семейных ферм на базе крестьянских (фермерских) хозяйств на 2009–2012 годы». Предполагалось, что такая форма хозяйствования обеспечит замкнутый цикл в мелкотоварном производстве, будет способствовать развитию переработки молока на кооперативной основе. Однако планируемого эффекта достичь не удалось. Дело в том, что эксперимент проводился только в шести регионах. Основное же поголовье скота размещено на сельских подворьях и в крестьянских (фермерских) хозяйствах. Продуктивность коров в них в 1,5 раза ниже среднего показателя по отрасли. Здесь в полной мере сохраняются проблемы с обеспечением животных кормами и сбытом молока. Неиспользуемый резерв превышает 5 млн т» (13, с. 6).

«Зафиксировано невыполнение шести индикаторов из девяти, касающихся динамики развития отрасли» (13, с. 12). Речь идет о цепочке показателей находящихся в одной причинно-следственной связи. Так, невыполнение це-

РОССИЯ, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

левого показателя по обновлению техники ведет к несвоевременности выполнения агротехнологических приемов, к снижению урожайности, соответственно и объемов производства. А это ведет к трудностям с кормами для животных и как следствие – к снижению их продуктивности.

Из пяти индикаторов раздела «Достижение финансовой устойчивости сельского хозяйства» не выполнены три. Причина – снижение прибыли, рентабельности, рост долгов. Так, «просроченную кредиторскую задолженность по состоянию на 1 января 2010 г. имели 38,7% сельхозорганизаций» (13, с. 14).

В 2009 г. прибыль до налогообложения сельхозорганизаций сократилась до 83,6 млрд руб. против 117,4 млрд в 2008 г. А доля прибыльных хозяйств в общей их численности составила 72,1% (в 2008 г. она была 78,6%). Совокупная рентабельность сельхозпроизводства (с учетом субсидирования из бюджетов всех уровней) «сложилась на уровне 9,7% (в 2008 г. – 15,3%)» (13, с. 7).

Прогноз развития на 2010 г. неутешителен – прирост объемов производства составит всего лишь 1,5% (13, с. 10). «К сожалению, приходится констатировать, что темпы роста располагаемых ресурсов сельских домохозяйств – этого обобщающего показателя материального положения крестьянской семьи – в 2009 г. резко замедлились. Заработная плата работников сельского хозяйства составила только половину от среднероссийского уровня и остается на предпоследнем месте в отраслевом ряду экономики страны. Каждый восьмой работник сельского хозяйства получал зарплату ниже законодательно установленного минимального размера (3300 руб.), а каждый пятый – ниже прожиточного минимума. В связи с сокращением более чем наполовину субсидиарной поддержки из федерального бюджета снизились темпы социального обустройства села. Так, количество сельских семей, улучшивших свои жилищные условия, уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 40%, в том числе по молодым семьям – на 37%. Как свидетельствуют мониторинговые обследования, социально-психологический климат в деревне ухудшился» (13, с. 20).

Отрицательные результаты 20-летней реформы в сельском хозяйстве сегодня вынуждены признавать и ее идеологи. Так, академик И. Буздалов пишет следующее: «По официальным данным, уровень оплаты в сельском хозяйстве с 95% к среднему по стране показателю в 1990 г. снизился до 47% в 2008 г. Это подрывает стимулы к производительному труду и вместе с тем является главной причиной оттока из села трудоспособного населения, особенно молодежи, хотя всякому ясно, что от ее трудовой активности и желания оставаться и работать в деревне зависит будущее аграрного сектора. Ухудшается гендерная структура сельской молодежи, ее физическое состояние. Это относится ко всему сельскому населению. На селе самые низкие уровень и качество жизни, оно лидирует по уровню бедности, потреблению

алкоголя на душу населения, заболеванию туберкулезом, числу самоубийств и умственно отсталых на 10 тыс. человек» (2, с. 21).

В структуре фермерского уклада происходят масштабные изменения, которые трудно назвать позитивными. Идет процесс ускоренной дифференциации хозяйств на крупные, средние и мелкие. Половина фермерских хозяйств, прекративших пахать и сеять – это мелкие по площади земли хозяйства. Мелкие фермы неконкурентоспособны в сравнении с крупными. На Западе они сохраняются за счет очень больших бюджетных дотаций. С введением в 2006 г. национального проекта по АПК, а в 2009 г. Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг., с заметным повышением уровня финансовой государственной поддержки положение трудовых фермеров несколько улучшилось, но не настолько, чтобы их деятельность стала привлекательной для других людей. Взамен растут фермы-латифундии. Так, в 2006 г. 50,6% всей земельной площади занимали 4466 фермерских хозяйств, владевших по более чем 1 тыс. га земли. Среди них выделялось 101 хозяйство, владевшее по более 10 тыс. га каждое. Имелись хозяйства с владениями до 100 и выше тыс. га (4, с. 67). Эти латифундии представляют собой копию уклада «третьего мира».

Возник слой малоземельных и безземельных фермеров. Так, 17,4% фермерских хозяйств не имели земельных участков, а еще 20,5% имели участки размером до 3 га.

В то же время по всей стране заброшено много земель (хотя регионально неодинаково). В первую очередь люди прекращают производство на слабых по плодородию землях. В тех регионах, где люди в массовом порядке бросают земли, необходимо начать заботиться о сохранении этих земель для будущего, создавая действенные государственные программы их консервации. Принятая государственная программа консервации земель до сих пор практически не действует.

Из 12 млн. собственников земельных долей государственную регистрацию прав прошли всего лишь 400 000. Невостребованными остаются 26% земельных долей – это 25,6 млн га. Свыше 20 млн га сельхозугодий остаются неиспользуемыми. Не увенчалась успехом главная цель институциональных изменений, положенная в основу реформы – не действует институт купли-продажи земли. В обороте сельскохозяйственных земель сделки купли-продажи земли занимают ничтожно малую долю – менее 1%. Свыше 99% приходится на аренду. Большинство не только коллективных предприятий, но и фермеров предпочитают не обременять себя частной собственностью, а арендовать землю у государства.

Подчеркнем еще раз, что не оправдалась основная надежда либеральных реформаторов на то, что частный капитал будет приобретать землю, чтобы вести

хозяйство. Землю скупают спекулянты для теневой перепродажи, в том числе и иностранцам. Справка Минсельхоза: «Все последние годы идет процесс повышения привлекательности земли как рыночного товара, как актива. В результате в эту сферу вошли многочисленные земельные спекулянты» (10, с. 16).

Хотя курс на перевод земель сельскохозяйственного назначения в частную собственность на практике еще не отменен, некоторые подвижки в этом направлении в сознании государственных мужей уже происходят. Так, Алексей Гордеев, недавно, будучи в должности министра сельского хозяйства, заявил: «Сейчас мы подходим к тому моменту, когда земли сельхозназначения должны рассматриваться не как товар, а как общее достояние государства, работающее на решение общих задач» (3, с. 4). Конечно, термин «достояние» теоретически и практически неточен; земля будет находиться в собственности, вопрос – в чьей? Похоже, что в качестве члена правительства, осуществляющего рыночные реформы, Гордеев не мог сказать прямо, но имел в виду, что земля, если ее не рассматривать как товар, должна быть государственной собственностью, приносящей общественную пользу.

И вот мнение первого заместителя председателя Правительства РФ Виктора Зубкова: необходимо «решить, наконец, земельные вопросы. Они болезненные. Необходимо перейти на долгосрочные договоры аренды с правом государства их регулировать» (7, с. 2).

И. Буздалов в той же статье наконец-то признает и концептуальную ошибочность реформы как по земле, так и по фермерству. Вот что он пишет: «При подготовке положившего начало реформам Указа Президента Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. “О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР”, а также развивающего его положения постановления Правительства Российской Федерации “О порядке реорганизации колхозов и совхозов” разработчики исходили из многовекового опыта устойчивого и рентабельного развития сельского хозяйства на основе частной собственности на землю в США и Европе. Считалось, что и у нас такое возможно, если быстро (до 1 января 1993 г., т.е. за один год) наделить работников колхозов и совхозов собственной землей за счет раздела земельного фонда соответствующих хозяйств, предоставить крестьянам право продажи полученной земли. К сожалению, эта надежда не оправдалась.

Сложность и колоссальные издержки перехода от коллективного, или общественного, к частному, крестьянскому (фермерскому) хозяйству были недооценены или просто игнорировались. В одночасье разрушить старую систему, создать новую, более совершенную и продуктивную оказалось невозможно. Жизнь внесла существенные поправки в планы и сроки переустройства земельных отношений. Ситуация в сельском хозяйстве усложнилась. Основные фонды общественных хозяйств (постройки, машины, племенной скот, ирригационные сооружения и т.д.) оказались бесхозными и разворовы-

вались или, будучи заброшенными, разрушались. Фермерские хозяйства не могли восполнить потери производства и снижение производительности труда, так как не имели средств для обустройства, возможности приобретать нужную технику и инвентарь и т.д. Они столкнулись и с трудностями реализации продукции, получения кредитов. К этому не были готовы ни банковская, ни страховая системы, не говоря уже о государственных органах, ведающих сельским хозяйством.

Реорганизация колхозов и совхозов в акционерные общества или кооперативы оказалось более перспективным, но в обстановке правовой и организационной неразберихи неизбежно сопровождалось ухудшением экономических показателей деятельности. К этому добавлялись негативные последствия формирования в России дикого рынка, отказ государства от ряда важных регулирующих и хозяйственных функций. Рэкет, коррупция, рейдерство, чиновничье вымогательство, правовой беспредел, недоступность и высокая цена заемных денег, ножицы цен, сокращение до минимума государственной финансовой поддержки сельхозпроизводителя при фактической поддержке через импортные закупки и экспорт удобрений зарубежных фермеров усугубили деградацию отечественного сельского хозяйства.

Приведем еще одну выдержку из статьи И. Буздалова, свидетельствующую о понимании вдумчивыми реформаторами цены и последствий реформ. «Страсть наживы, быстрого обогащения путем обретения права собственности на землю, особенно плодородную и расположенную близко к городам или транспортным путям, охватила не столько самих земледельцев, сколько предприимчивых дельцов-спекулянтов и чиновников, часто не имеющих прямого отношения к сельскому хозяйству. Кроме того, неуверенность в возможности успешного развития фермерских хозяйств в условиях криминализованных рыночных отношений приводила к тому, что многие сельские труженики продолжали работать в крупных кооперативных или акционерных обществах, которые были более устойчивы и жизнеспособны.

Работники многих реорганизованных сельхозорганизаций столкнулись с ущемлением своих имущественных прав. Земля – главное богатство и средство производства в сельском хозяйстве стала ускользать из крестьянских рук. Соответственно ослабевала мотивация к производительному труду и заинтересованность в состоянии общих дел. Начали совершаться массовые спекулятивные сделки и другие злоупотребления между собственниками земельных участков на бумаге и их партнерами по земельному обороту на региональном и местном уровнях. В процессе такого «оборота» под разными предлогами вплоть до прямого обмана формальные владельцы земли – физические лица – лишались реального права собственности на нее. Земельными делами в основном стало заправлять разросшееся бюрократическое, в массе своей коррумпированное «землеустроительное» и прочее чиновничество.

Миллиарды долларов от продажи сельскохозяйственных земель, особенно в пригородных зонах, идут в карман кому угодно, только не труженикам сельского хозяйства. Была объявлена «дачная амнистия», а бедные садоводы по-прежнему страдают от хождения по кабинетам чиновников и поборов.

По состоянию на 2009 г., например, в Московской области 4/5 всех земельных долей практически вместе с крестьянами закупили всего 25 физических лиц – владельцы гигантских холдингов. Приобретенные часто за бесценок земельные доли превратились в реальные земельные участки, точная цена за 1 га которых в Подмосковье доходит до 400–500 тыс. долл. Хотя по закону сельскохозяйственные земли должны использоваться по прямому назначению, при «посредничестве» того же чиновничества часть их открыто переводится в другие категории и свободно продается под коттеджи, виллы, охотничьи домики и другие нужды земельных и прочих олигархов» (2, с. 26).

Добавим, что согласно Государственному (национальному) докладу 2008 г. о состоянии и использовании земель в Российской Федерации только за один год из состава земель сельскохозяйственного назначения и земель запаса в состав земель населенных пунктов было переведено 1,7 млн га земли (5, с. 9). Все это было затем продано по баснословным ценам.

Практика Республики Беларусь и Китая

В науке, на наш взгляд, недооценено значение земельных реформ в Китае и Белоруссии, которые по критерию конечных показателей производства могут быть отнесены к одним из наиболее успешных в мире.

В этих государствах проводятся совершенно иные в сравнении с Россией земельные реформы. Согласно новейшему «Кодексу Республики Беларусь о земле», в стране «земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства» (9, с. 4). Государственная собственность здесь реализуется в формах сдачи земельных участков в пользование, аренду, пожизненное наследуемое владение, что осуществляется местными исполнительными и распорядительными органами.

На землях других категорий, например поселений, земля «может принадлежать на праве общей (долевой или совместной) собственности нескольким собственникам».

В России же обозначился курс на ликвидацию общей (как долевой, так и совместной) земельной собственности. ГК РФ, где единственно указывается право на существование общей собственности, в том числе и земельной, в том числе и в сельском хозяйстве, говорит о двух формах ее существования: долевой и совместной. Причем под общей долевой понимается общая площадь какого-то массива, состоящего из уже выделенных на местности земельных участков, находящихся в частной собственности и повторно пере-

данных в общую собственность. Под общей совместной понимается общая площадь какого-то массива земель, не разделенного на выделенные на местности земельные участки в счет земельных долей.

Здесь следует указать, что введение общей долевой собственности с выделенными на местности ее составными земельными участками, несмотря на внешний демократизм и социально благообразный вид, чревато серьезными негативными последствиями. Заслоня индивидуальную частную собственность и поощряя внутреннюю уравниловку всех собственников мелких земельных долей, оно сводит на нет усилия отдельных эффективно работающих собственников и ведет к порче земли.

Правительство РФ, по истечении 20 лет земельной реформы наконец-то осознало опасность проведения земельной реформы в форме земельных долей. Оно твердо взяло курс на их резкое сокращение с возможной полной ликвидацией; однако осуществить это собирается путем подталкивания крестьянства к выделению на местности земельных долей в форме земельных участков с перспективой рыночной купли-продажи. Это чревато дроблением крупных полей на мелкие земельные участки и дальнейшей порчей земельного фонда страны. Это опасно также неизбежным обезземеливанием еще большей массы крестьянства.

В Китае главное средство производства в сельском хозяйстве – земля остается в государственной собственности. По мнению китайских ученых-экономистов, переход к частной собственности на землю означал бы появление очень мелких, крохотных структур, что привело бы к ограничению применения сельхозмашин, сдерживало бы развитие производительных сил в деревне.

Собственность земли здесь отделена от землепользования. Продается право пользования землей, т.е. реализуется аренда, и таким образом земля становится объектом рыночных отношений. Все это способствует росту трудовой активности крестьян, более эффективному использованию земли.

В Китае платное землепользование на основе аренды обеспечивает полную свободу и самостоятельность. В арендаторе соединяются функции землепользователя и собственника результатов производства. Аренда в Китае, впрочем как и во всех странах мира, не разрушает глубинных основ существующего экономического строя, не меняет всего уклада деревенской жизни, а эволюционным путем формирует самостоятельных хозяев – партнеров по рыночным отношениям и создает предпосылки экономического равенства всех товаропроизводителей в условиях многообразных форм хозяйствования.

В Китае создан единый распорядитель земли – Государственное управление по земельным ресурсам. Его функции: совершенствовать земельную политику, разрабатывать генеральный план использования земли, заниматься ее отводом, регистрацией, учетом, оценкой. Средства, получаемые от аренды, в значительной части идут на повышение плодородия земель и их оздоровление.

В России через 17 лет реформ ответственность за состояние земель в стране наконец-то передали Минсельхозу, который должен разработать концепцию последующего развития земельных отношений, исправить то, что было придумано паркетными специалистами за эти годы. Однако, как отчасти явствует из сказанного выше, практика последних трех лет показала, что Минсельхоз под состоянием земельных отношений понимает лишь агротехнические аспекты, и, похоже, не намерен вникать в общественно значимую сторону дела. Различные функции управления процессом общественного движения (оборота) земли сегодня разведены по десятку различных других министерств и управлений.

В Китае при проведении аграрных реформ с уважением относятся к народным традициям и нормам, перестраивают деревенский быт с учетом существующих внутренних убеждений крестьян. Пропагандой реформы занимаются газета и журнал с одноименным названием «Земля Китая». 25 июня (день принятия в 1986 г. закона об управлении землей) празднуется как День земли. Земельные участки предоставляются в аренду на конкурсной основе. Средства, получаемые от крестьян за возмездную аренду, используются для социального обустройства села, а также содержания аппарата управления земельными ресурсами.

Местные органы заключают с каждой крестьянской семьей подрядный контракт на 15–30 лет, в котором оговаривается порядок аренды. Каждая семья отдает часть своего дохода деревенскому комитету для создания фонда социального развития, улучшения условий жизни. Эти средства идут на сооружение дорог, водопровода, предоставление льготного кредита для строительства жилья и т.д.

Следует особо подчеркнуть, что реформы в Китае носят эволюционный характер. Каждый элемент их (аренда земли, продажа права пользования, многообразие форм хозяйствования и т.д.) проходит длительную экспериментальную проверку в ряде провинций, и лишь после этого они начинают внедряться по всей стране.

В Белоруссии, согласно ст. 5 Кодекса о земле, на первое место в принятии решений касательно использования и охраны земель поставлен Президент Республики Беларусь, на второе – Совет министров Республики Беларусь, на третье – местные исполнительные и распорядительные органы, и только после этих структур в иерархии субординации значится «специально уполномоченный на то государственный орган по земельным ресурсам и землеустройству» (9, с. 6). В соответствии с Кодексом главная ответственность за проведение и результаты земельной реформы возложена на президента республики.

Решения местных белорусских органов власти об изъятии и предоставлении земельных участков в пользование, аренду, пожизненное наследуемое владение, не соответствующие законодательству, отменяются соответствующим

щими Советами депутатов, вышестоящими исполнительными и распорядительными органами, Советом министров Республики Беларусь, а также Президентом Республики Беларусь.

Согласно ст. 17 Кодекса, в Белоруссии «земельный участок может быть делимым и неделимым». Здесь делимость участков определяется по принципу их общественной значимости и необходимости, а неделимость по признаку технической или технологической необходимости. Статья гласит: «Земельный участок не может быть разделен на части, если при целевом использовании той или иной части будут иметь место нарушения противопожарных, санитарных, экологических, строительных и иных норм и правил» (9, с. 8).

Что касается земельных долей, то с ними нет никаких проблем просто потому, что возникновение таковых исключается законодательством.

Согласно ст. 34 Кодекса, земельные участки могут находиться и в частной собственности граждан, если они приобретены для ведения личного подсобного хозяйства, строительства и обслуживания жилого дома, ведения коллективного садоводства, дачного строительства.

Общая площадь таких земельных участков, приобретаемых в частную собственность, здесь ограничивается. В России она почти неограниченна. Земельный кодекс РФ требует от регионов устанавливать ограничения на размер частных земель не сверху, а снизу. Он прямо требует от регионов: по каждому муниципальному образованию – не менее 10% площади района. Больше можно, меньше нельзя. Причем каждый человек может приобретать землю в частную собственность во всех без исключения (кроме закрытых) муниципальных образованиях. А их у нас в прошлом году было 1836.

Интересны основания для прекращения прав пользования и пожизненного наследуемого владения всем земельным участком или его частью в Белоруссии. Эти права прекращаются, в частности, в таких случаях: использования земельного участка не по целевому назначению; его нерационального использования, выражающегося в уровне урожайности ниже нормативного (по кадастровой оценке); систематического невыполнения мероприятий по охране и защите земель; сохранению плодородия и других полезных свойств земли; использования земельного участка способами, приводящими к снижению плодородия почв, их химическому и радиоактивному загрязнению; ухудшению экологической обстановки; неиспользования в течение одного года земельного участка, предоставленного для сельскохозяйственного производства, и двух лет – для несельскохозяйственных целей. Земельное законодательство России в плане охраны земли и ее защиты от нерадивых землепользователей и землевладельцев значительно уступает законодательству Белоруссии.

Интересно здесь и использование платежей за земельные участки. Земельный налог и арендная плата направляются полностью на охрану земель, повышение их качества, материальное стимулирование землевладельцев,

землепользователей и собственников земельных участков, в том числе арендаторов, а также на землеустройство и социальное развитие территории.

Средства, поступающие от продажи гражданам Республики Беларусь земельных участков, находящихся в государственной собственности, направляются в специальный внебюджетный фонд исполнительного и распорядительного органа соответствующей административно-территориальной единицы, а от продажи юридическим лицам Республики Беларусь и иностранным государствам – в республиканский бюджет и используются на охрану земель, повышение их качества и землеустройство. Нецелевое использование платежей за землю и средств от продажи земельных участков не допускается.

Здесь предусмотрены в основном две формы реализации государственной собственности на землю. Земельные участки для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства предоставляются гражданам Республики Беларусь в пожизненное наследуемое владение в размере до 100 га сельскохозяйственных земель. Вместе с тем граждане, ведущие крестьянское (фермерское) хозяйство, могут для производственных целей дополнительно арендовать земельные участки. Указанные нормы законодательства направлены на сохранение большого класса трудового крестьянства, на исключение его обезземеливания.

Отличается в Белоруссии от российского и структура государственного земельного кадастра. Здесь кадастр включает в себя реестр цен на земельные участки, регистр стоимости земельных участков и реестр земельных ресурсов республики. Реестр цен на земельные участки содержит сведения о ценах на земельные участки и на объекты недвижимости, находящиеся на этих участках, зафиксированных на момент совершения сделок с этими участками. Регистр стоимости земельных участков содержит сведения о стоимости земельных участков, полученные при проведении их оценки. Реестр земельных ресурсов Республики Беларусь содержит данные о распределении земель по категориям, землевладельцам, землепользователям и видам земель, составе, структуре, состоянии, качестве и хозяйственном использовании земельного фонда республики в разрезе административно-территориальных единиц, другие необходимые сведения.

Таких реестров и регистров Земельный кадастр России не предусмотрел.

Значение института земельных долей в земельной реформе

В основе земельной реформы в сельском хозяйстве России, проведенной в 90-х годах прошлого столетия, была приватизация сельскохозяйственных земель путем наделения работников коллективных сельскохозяйственных организаций, пенсионеров и социальных работников земельными долями, что давало им право на участок земли, который не был еще выделен на местности. Такое разделение земельного фонда страны на мелкие доли было ради-

кальнейшим решением. Высокопоставленный государственный чиновник, бывший руководитель кадастрового ведомства страны, руководитель земельного комитета Российского земельного союза, первый вице-президент Российской ассоциации частных землемеров Валерий Владимирович Алакоз на Международной научно-практической конференции «Правовые проблемы сельского хозяйства» (Москва, 26 сентября 2007 г.) сделал сенсационное признание: «Выбор этого метода определялся политическими соображениями – земельные доли использовались как способ “приватизации” земли, позволяющий соблюсти принцип социальной справедливости и вызывающий минимальное политическое противодействие, и экономическими соображениями – земельные доли обеспечивали после проведения определенных процедур доступ к земле и развитие рынка земли, что создавало механизм перехода земли от менее эффективных к более эффективным пользователям» (1, с. 16). Спрашивается, разве при сдаче государственной земельной собственности в аренду нельзя отработать механизмы создания эффективного собственника и эффективного пользователя?

Докладчик был вынужден признать: «Большинство сельскохозяйственных работников не сделали выбор в пользу организации частного хозяйства. Первоначальные представления о том, что приватизация приведет к быстрому созданию системы семейного фермерства, были излишне упрощенными и нереалистичными. Результаты борьбы с бедностью в сельской местности путем проведения земельной реформы, путем только приватизации земель... дали неутешительные результаты» (там же).

Частная долевая собственность обусловила возникновение на селе множества острых социально-экономических проблем, завела в целом земельную реформу в тупик. Выход из тупикового состояния через выделение на местности земельных участков в счет земельных долей их владельцев ведет к дроблению крупных земельных полей на мелкие и средние. Этот путь агротехнически опасен, поскольку он нарушает целостность крупных природных массивов, земельных полей и участков, портит земельный фонд страны.

Региональная практика в субъектах РФ сегодня направлена на создание механизмов перераспределения земли с целью устранения их расточительства. В некоторых регионах создают организационно-экономические механизмы передачи, возвращения, в том числе на возмездной основе, земель сельскохозяйственного назначения в государственную собственность субъекта РФ или муниципального образования. Пионером здесь стала Белгородская область. Постановлением правительства области одним из основных субъектов регулирования земельных отношений в регионе становится государственный оператор, ведающий вопросами перераспределения земельных участков и долей в общей собственности. Основопологающими принципами принятого постановления являются обеспечение гарантированного, долго-

срочного землепользования для сельскохозяйственных товаропроизводителей; создание стабильной основы для реализации на территории области приоритетного национального проекта по развитию АПК.

Земельные ресурсы, находящиеся в государственной собственности Белгородской области, формируются из следующих трех источников.

1. Земельные участки и доли в праве общей собственности на земельные участки, приобретенные в результате гражданско-правовых сделок (выкупленные в государственную собственность, переданные безвозмездно, изъятые по судебным решениям, перешедшие в государственную собственность по иным законным основаниям).

2. Земельные участки, выделенные в счет невостребованных земельных долей.

3. Земельные участки, входящие в фонд перераспределения земель, а также оформленные в порядке разграничения государственной собственности на федеральную и субъекта Федерации.

В государственную собственность Белгородской области к концу 2007 г. перешло более 600 тыс. га одних только сельскохозяйственных угодий. Уполномоченные органы активно проводят мероприятия по оформлению в государственную собственность земельных участков, выделяемых в счет невостребованных земельных долей, а также из фонда перераспределения земель.

Полномочия по осуществлению функций управления и распоряжения земельными участками и долями в праве общей собственности на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной собственности области, были предоставлены ОАО «Белгородский земельный фонд», 100% акций которого находятся в государственной собственности области. Эта организация должна оказывать поддержку в осуществлении операций по перераспределению земель сельскохозяйственного назначения с соблюдением законных прав и интересов собственников и землепользователей (11, с. 6).

Работу по передаче земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в муниципальной собственности, в распоряжение ОАО «Белгородский земельный фонд» организуют органы местного самоуправления. Последние осуществляют также подготовку списков граждан, передавших на возмездной основе свои земельные доли в государственную собственность области. Основная часть доходов, полученных от использования земли в счет таких долей, поступает на обеспечение обязательств по оказанию поддержки указанным гражданам через посредство этого ОАО.

В функции ОАО «Белгородский земельный фонд» входит и решение следующих задач:

- способствовать покупке в государственную собственность области земельных участков и долей в праве общей собственности на сельскохозяйст-

венный земельный участок, содействовать ускорению оформления прав собственности области на соответствующую землю;

- оказывать помощь в проведении землеустроительных работ по межеванию земельных участков и оформлению землеустроительной документации на сельскохозяйственные земельные участки, находящиеся в государственной собственности области;

- обеспечивать процедуру выдела земельных участков на местности в счет земельных долей, выкупленных в государственную собственность области, и невостребованных земельных долей;

- организовывать проведение регистрации прав собственности области на выкупленные у собственников земельные доли и участки, выделенные в счет этих долей;

- совместно с соответствующими органами муниципальных образований обеспечивать выдачу зерна и оказывать другую поддержку сельским жителям, передавшим на возмездной основе свои земельные доли в государственную собственность области;

- создавать условия сельскохозяйственным товаропроизводителям для эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения, находящихся, по данным Сельскохозяйственной переписи 2006 г., в государственной собственности области.

К практике Белгородской области намерены обратиться многие регионы страны. Кабардино-Балкария, например, перевела в государственную собственность все 100% земель сельскохозяйственного назначения. Калмыкия расширяет практику проведения открытых аукционов аренды земель сельскохозяйственного назначения. Сегодня большинство регионов страны готово перейти к проведению единой федеральной земельной политики, но только в том случае, если эта политика будет направлена на укрепление государственной земельной собственности, на переход к арендным отношениям. Больше всех этого ждет наш Кавказ – Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Кабардино-Черкесия, Северная Осетия, Чечня. Здесь частная собственность на землю, особенно в форме земельных долей и мелких земельных участков – источник раздора, вражды, движения в Средневековье.

На нынешнем этапе земельной реформы все еще имеются возможности быстро вернуть значительную часть сельскохозяйственных земель в государственную собственность. В условиях существующей сегодня непонятной для нормального разума структуры многоукладности сельского хозяйства, видимо определенное время могут сохраняться разные формы земельной собственности. Но необходимо расширять и укреплять государственную. Необходимо в первую очередь вернуть государству невостребованные, заброшенные и неиспользуемые угодья. Согласно проведенной сельскохозяйственной переписи, в стране 30% крупных и средних сельскохозяйственных организаций,

РОССИЯ, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

48% фермеров не занимаются сельскохозяйственной деятельностью, большая часть земли у них не обрабатывается.

Законодателей следует переориентировать на разработку механизмов передачи земель долевой собственности под контроль государства. Как мы видели, некоторые субъекты РФ уже встали на этот путь. Главное – добиться того, чтобы средства, выделяемые на выкуп земли, способствовали и росту доходов селян, и восстановлению производства.

Литература

1. Алакоз В.В. Неопределенность прав сельскохозяйственных организаций и граждан на земельные участки одна из главных проблем в развитии сельского хозяйства. Материалы Международной научно-практической конференции «Правовые проблемы сельского хозяйства» (Москва, 26 сентября 2007 г.) на сайте Российской ассоциации частных землемеров (http://www.rachz.ru/Mezhdunarod_nauch_pract_konf.html).
2. Буздалов И. Условия и направления социально-экономической модернизации сельского хозяйства России // АПК: Экономика. Управление. – М., 2010, – №5. – С. 21–27.
3. Гордеев А. Недвижимость. Интервью РИА «Новости». 05.08.2009 (<http://www.riarealty.ru/ru/article/22823.html>).
4. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2006 г. (http://www.rosreestr.ru/upload/www/files/gos0_doclاد_2008.pdf).
5. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2008 г. (http://www.rosreestr.ru/upload/www/files/gos_doclاد_2008.pdf).
6. ГРЭЙН. Исследование международной неправительственной организации в Испании (<http://www.agronews.ru/articleview.php?AId=1830>).
7. Зубков В. Интервью // Московский комсомолец. – 22.01.2009.
8. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: Кн. 1. – 430 с.
9. Кодекс Республики Беларусь о земле (www.yurist.by/kodeks-respubliki-belarus-o-zemle).
10. О предварительных итогах реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в 2006–2007 гг, мероприятиях и параметрах проекта в 2008 г., а также направлениях работы на долгосрочную перспективу. Тезисы доклада на заседании Президиума Совета при Президенте Российской Федерации (25.12.2007) (http://www.mcx.ru/news/news/v2_show/2657.285.htm).
11. Постановление Правительства Белгородской области от 10.02. 2006 г. № 36 – пп. «О порядке управления и распоряжения земельными участками и долями в праве общей собственности из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной собственности Белгородской области» (<http://www.cfo-info.com/okrug13e/rajongs/read7flwezv.htm>).
12. Сельское хозяйство в России. – М., 2009. – 439 с.
13. Ушаев И. Итоги реализации в 2009 г. государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы // АПК: Экономика. Управление. – М., 2010. – № 5. – С. 4–21.
14. Шагайда Н. Что мешает завершению земельной реформы в России? (http://www.land-in.ru/comment_text.aspx?id=108. 10.04.2009)

В.В. Пациорковский, В.В. Пациорковская

РОССИЙСКОЕ СЕЛО: ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Пациорковский Валерий Валентинович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (ИСЭПН РАН).

Пациорковская Валентина Викторовна – старший научный сотрудник ИСЭПН РАН.

Цель статьи – показать место и роль сельской местности в демографическом развитии, а также пути и методы повышения демографической устойчивости сельских территорий. Исходные предпосылки выполненного ниже анализа можно сформулировать следующим образом. Основу демографического развития составляют *три* большие группы факторов.

Первая группа – территориальная организация общества. Решающую роль здесь имеют системы расселения и доминирующие типы поселений.

Вторая группа – условия жизни людей в самом широком смысле этого слова. Для целей демографического развития одними из основных составляющих служат жилищные условия и уровень жизни людей.

Третья группа – репродуктивные установки и мотивация на рождаемость. В современных условиях культурно-этнические нормы, ранее регулировавшие сферу воспроизводства населения, оказались под прессингом господствующих стереотипов поведения, формируемых и распространяемых массовой культурой и СМИ.

В данной работе весьма обобщенно и кратко рассмотрены только две первых группы названных выше факторов демографического развития. При этом демографическое развитие понимается нами как в первую очередь естественный процесс. В этом отличие наших позиций от позиций ряда других исследователей, рассматривающих депопуляцию в нашей

стране исключительно или преимущественно в качестве инициированного явления (34; см. также: 17, 26).

Системы расселения формируются в процессе социогенеза и сопровождают человеческое общество на всем пути его развития. Можно выделить *три важнейшие особенности этих систем*.

Первая. Системы расселения представляют собой континуум сельско-городских поселений. Их двойственность отражает двойственную природу человека и всей его предметной деятельности (16). В структуре этой двойственности село представляет собой исходный пункт хозяйственной жизни общества, а город – культурно-символическое ядро, обеспечивающее производство, хранение и передачу основ и механизмов самой деятельности.

Вторая особенность состоит в том, что составляющие сельско-городского континуума имеют различную природу и предназначение. Село и сегодня все еще наследует признаки естественного происхождения человека и его самоорганизации, порожденной стремлением к удовлетворению первичных потребностей. В то же время город исходно представляет собой культурно-историческое образование, созданное человеком для целей, намного превышающих эти потребности.

Все это означает, что нельзя подходить к городу и селу с одной меркой. Между тем предусмотренные действующим Градостроительным кодексом РФ жесткие требования к разработке генеральных планов сельских населенных пунктов и поселений закрепляют общий градостроительный подход к развитию города и деревни, который фактически игнорирует природу села и сельской местности в целом (10, с. 28–30).

Сегодня в стране более 20 тыс. сельских администраций (27, с. 49). Даже сделав совершенно нереальное допущение, что разработка генплана одного поселения обойдется не более, чем в 1 млн руб. (реальность, скорее всего, выше на порядок), получим астрономическую цифру с десятью нулями. Трудно понять, кто все это сможет оплатить в абсолютном большинстве практически полностью субсидируемых сельских поселений.

Наконец, третья особенность сельско-городского континуума состоит в том, что системы расселения нельзя рассматривать как результат процесса урбанизации¹. Источник и основа систем расселения – сельско-городской континуум, а отнюдь не город или село как таковые, взятые сами по себе. Напротив, урбанизация должна рассматриваться в рамках эволюции систем расселения.

Любые попытки одностороннего подхода чреваты неизбежными напряжениями и тяжелыми последствиями в демографическом развитии и жизни общества. Уместно предположить, что в процессе социогенеза про-

1. Такая точка зрения содержится в книге Спиридонова В.Ю. (30).

тосело было формой организации жизни первичных человеческих сообществ (семей, родов, племен), обеспечившей, во-первых, переход от поведения к предметной деятельности.

Во-вторых, видимо, тогда и там был отработан механизм демографического развития. «Рост пропорциональный квадрату населения всего мира, выражает коллективный характер тех сил, которые определяют развитие. Эта связь существовала во все времена» (14). Такой общий подход помогает лучше понять механизмы воспроизводства населения и в каждой точке мирового пространства, включая и нашу страну.

Если согласиться с тем, что развитие предметной деятельности человека есть развитие его общественных отношений, то легче понять, почему город, аккумулирующий в себе бесчисленное многообразие социальных связей, оказался хорошо подготовленным к выполнению функций культурно-исторического ядра и в полном смысле этого слова забрал их у села. Взяв на себя функции точек роста предметной деятельности, города в процессе эволюции стали утрачивать способность к воспроизводству самого человека.

Динамика изменения суммарного коэффициента рождаемости в городской и сельской местности нашей страны в 1961–2007 гг. показана на графике 1.

Из графика видно, что уже в 1961 г. суммарный коэффициент рождаемости городского населения был ниже уровня простого воспроизводства. В то же время в сельской местности режим расширенного воспроизводства сохранялся до 1992 г. При этом удельный вес горожан в 1959 г. составлял 52,4%, а в 2007 г. – 73% всего населения страны. Огромные возможности для самореализации и почти полностью искусственная среда крупных городов сами по себе оказывают не самое благоприятное влияние на мотивацию семьи, брака и деторождаемость.

Вместе с тем на стимулирование переезда селян в город в рассматриваемый период оказывала и социально-экономическая политика. Делалось это разными путями с использованием как «кнута», так и «пряника». Среди них в первую очередь можно отметить всеобщую воинскую повинность и возможность быстрого получения жилья в городе, которое в сельской местности, кстати сказать, необходимо было строить самому.

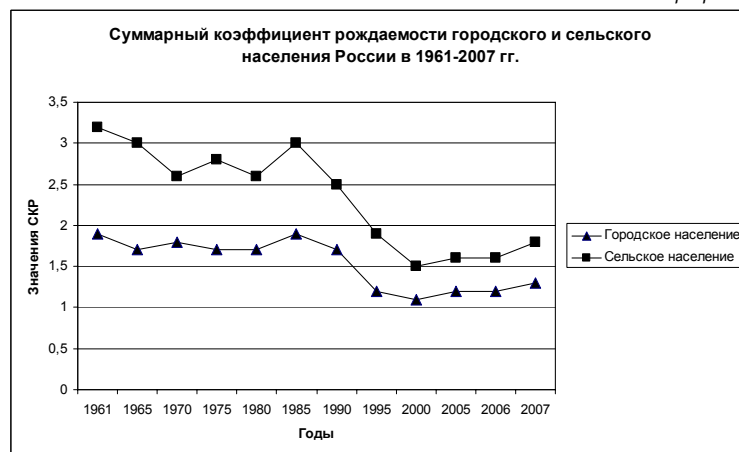
Трудно понять, как, владея приведенными данными, можно было проводить такую в полном смысле губительную демографическую политику. Уже тогда надо было все делать для стимулирования повышения рождаемости (ведь в городах к тому времени жили более половины населения) и поощрять селян оставаться в деревне, развивая ее инженерную и социальную инфраструктуру, а также создавая благоприятные условия для индивидуального жилищного строительства.

Справедливости ради следует отметить, что в сельской местности устойчиво выше не только рождаемость, но и смертность (11, с. 176–177). При этом, однако, полезно помнить, что в то время как рождаемость характеризует демографическое развитие прямым и непосредственным образом, смертность представляет собой

РОССИЯ, ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

показатель, скорее характеризующий условия жизни и состояние медицинского обслуживания, т.е. всего того, что сегодня связывается с понятием «сбережение населения». Если бы в сельскую местность была вложена хотя бы маленькая толика того, что вложено в города, то и смертность на селе была бы ниже.

График 1

Источник: 11, с. 95.

Расчеты показывают, что в сложившихся условиях воспроизводства для поддержания демографического развития крупного города (миллионщика) в сельской местности должно проживать около 1 млн человек с суммарным коэффициентом рождаемости 2,6–2,9 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Такой режим воспроизводства сохранялся в ней еще не так давно, в 1988–1990 гг.

И сегодня сельская местность проявляет большую чувствительность к мероприятиям, направленным на повышение рождаемости. Как видно на графике, в 2007 г. суммарный коэффициент рождаемости городского населения составил 1,3, а сельского – 1,8 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста. Отсюда вполне корректно сделать вывод, что в решении проблем демографического развития ставка должна делаться на село и сельское население.

Традиционно проблемы территориального развития, прежде всего роста числа и численности населения городов, было принято решать за счет села. Однако, как оказалось, это можно делать только при условии расширенного

воспроизводства сельского населения. Это на первый взгляд очевидное обстоятельство не принималось во внимание до тех пор, пока депопуляция во многих развитых странах не заявила о себе во весь голос. До этого население воспринималось как возобновляемый неограниченный ресурс, а сельская местность как его основной источник.

Общее правило в отношении рассматриваемых процессов, сформулированное, исходя из признания фундаментальной значимости существования сельско-городского континуума, можно изложить так: *при глубоком снижении численности сельского населения любого территориального сообщества (региона) на следующем этапе начинает сокращаться численность городского населения, в первую очередь поселков городского типа и малых городов.*

В условиях низкого уровня репродуктивности поддержание удельного веса селян на уровне 30–40% общей численности населения служит одним из надежных индикаторов возможностей и перспектив демографического развития той или иной территориальной общности. В случаях сокращения удельного веса сельского населения до 25% и ниже драма депопуляции становится практически неизбежной. Собственно этот процесс сегодня можно наблюдать в отдельных районах нашей страны, например в Псковской области.

Исторически Псковская область – это один из самых древних, ранее наиболее заселенных и развитых регионов нашей страны. Система расселения региона сложилась здесь в X–XV вв. Сам Псков впервые упомянут в Новгородской летописи в 903 г., Великие Луки – сверстники Москвы возникли в 1166 г., Остров ведет свое летоисчисление с 1342 г., Порхов – с 1346 г. и т.д. Только Дно, Новосokolьники и Пыталово стали городами в 20–30-е годы прошлого века (8, с. 176)². При таком историко-хронологическом послужном списке еще полвека тому назад вряд ли кому-нибудь могла прийти в голову мысль, что здесь развернется драма депопуляции.

Динамика изменения численности населения Псковской области в 1959–2009 гг. приведена на графике 2.

Из данных графика видно, что в 1959 г. население области составляло около 1 млн человек. При этом 73% жили в сельской местности (33, с. 15). Малые города – районные центры еще до 1989 г. наращивали численность населения за счет окружающей сельской местности.

В 1975–1976 гг. при общем спаде численности населения удельный вес селян и горожан сравнялся. К 1979 г. доля горожан выросла, а численность сельского населения быстро пошла на спад. Затем спад перекинулся и на город. В 2009 г. только четыре из 14 городов смогли сохранить численность населения, достигнутую к 1979 г. «Эти факторы – ключ к пониманию многих

2. *Городские поселения РСФСР. – М.: ГОСКОМСТАТ РСФСР, 1991. – С. 176.*

процессов в развитии хозяйства области, так как изменение демографической ситуации не было своевременно учтено руководством» (12).

График 2

График составлен на основании официальных статистических данных (см.: 33, с. 15; 31, с. 91; 32, с. 30).

Сегодня население области составляет около 700 тыс. человек. В том числе сельское население равняется немногим более 200 тыс. человек. Таким образом, за прошедшие полвека сельская местность области потеряла 500 тыс. жителей. И теперь, как это хорошо видно на графике 2, городское и сельское население имеют общую направленность к снижению.

В течение продолжительного времени в области, как и в других регионах, проблемы территориального развития решались за счет сельской местности. При этом моменту перехода от расширенного воспроизводства населения к сужению его воспроизводственной базы не было придано соответствующего внимания. Между тем именно данное условие перестало выполняться в области к 1970 г. В том году естественный прирост принял отрицательное значение и составил минус 1366 человек (18, с. 150).

В 2007 г. суммарный коэффициент рождаемости в области составил 1,3, что почти в 2 раза ниже уровня замещающего воспроизводства (11, с. 98). Долгие годы положение дел скрашивало низкое, но положительное сальдо миграции. С 2005 г. в области наблюдается растущий миграционный отток (11, с. 434), а демографическое развитие в ней в полном смысле катится под гору.

Псковская область – один из тех регионов, где депопуляция уже довольно давно приняла открытые формы. Отказ от своевременного учета процессов, происходящих в демографическом развитии, привел к ситуации, когда для ее исправления потребуются большие усилия, направленные фактически на повторное заселение огромной территории.

В отличие от Псковской области в ряде других регионов нашей страны депопуляция еще не так четко выражена, но и там проблемы демографического развития весьма актуальны. Например, изменения численности населения Белгородской области показаны на графике 3.

График 3

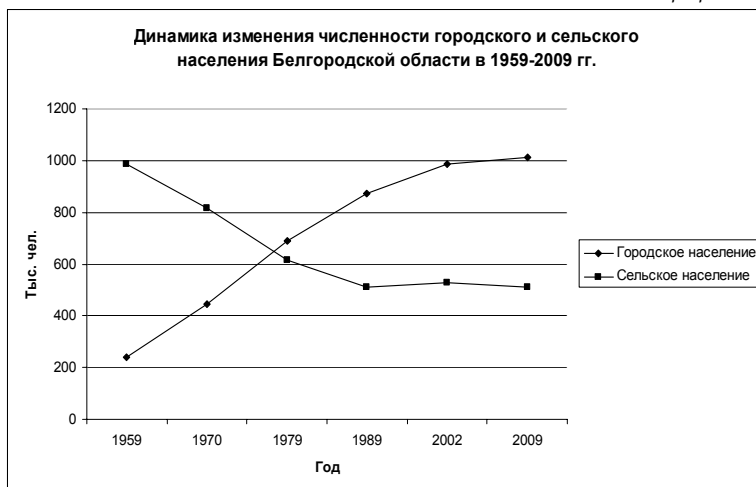

График составлен на основании официальных статистических данных (см.: 33, с. 10; 31, с. 30; 32, с. 17).

В Белгородской области численность населения все последние годы увеличивается за счет превышения миграционного прироста над естественной убылью (32, с. 43). В 2007 г. суммарный коэффициент рождаемости в области составил все те же (как и в Псковской области) 1,3 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста (11, с. 96). Нетрудно догадаться, что будет в области с демографическим развитием в случае сокращения миграционного прироста.

Справедливости ради надо отметить, что в разворачивающейся конкурентной борьбе за мигрантов высокая привлекательность Белгородской об-

ласть служит надежным признаком ее среднероссийского благополучия. Здесь вряд ли правильно все списывать на тепло и чернозем. У ее ближайших соседей, Воронежской и Курской областей, несмотря на схожесть природно-климатических условий, наблюдается устойчивое превышение естественной убыли населения над его миграционным приростом (33, с. 42).

Еще в прошлом десятилетии в Белгородской области была начата реализация инициативы, связанной со строительством жилья в сельской местности (2, см. также: 29). Возможно, наряду с другими факторами именно она и позволяет иметь сегодня положительное сальдо миграции в этом регионе.

Сегодня для любого сельского и городского поселения развитие индивидуального жилищного строительства остается актуальной, но, за редким исключением, все еще слабо решаемой задачей. А предложения о «поместной урбанизации» (15) и массовом индивидуальном жилищном строительстве (20) – привлекательными, но трудно реализуемыми. Между тем *массовое индивидуальное жилищное строительство на селе, на землях десятков тысяч заброшенных сельских населенных пунктов*, и есть одно из основных направлений решения задач демографического развития.

В реализации такой политики доминировать должны не лозунги приватизации, а гуманитарно-экономические соображения. *В качестве компенсации за все тяготы и лишения россиян, связанные с гражданской войной, коллективизацией, голодомором, репрессиями, отечественной войной и шоковой терапией, каждый живущий сегодня и родившийся в ближайшие 20 лет житель нашей страны при желании переехать на постоянное местожительство в сельскую местность должен иметь возможность получить земельный участок и товарный кредит под строительство индивидуального жилья в сельской местности и малых городах страны.*

Предлагаемая мера направлена на подведение материальных оснований под цели демографического развития, а также становления малого бизнеса и среднего класса в сельской местности. В условиях нарастающих экономических трудностей было бы правильно, во-первых, рассматривать индивидуальное жилищное строительство в качестве одного из видов общественных работ; во-вторых, снять все ограничения на переселение и повторное заселение людьми ранее упраздненных сельских населенных пунктов; в-третьих, признать материнский капитал в качестве платежного средства в жилищном строительстве.

Минимальные и максимальные размеры выделяемых участков, равно как и площадь кредитуемых под строительство индивидуальных жилых домов, могли бы быть установлены федеральным законодательством, а их реальные размеры – устанавливаться региональными и местными властями. Приоритетом при этом должны пользоваться все выходцы с малой родины, а также постоянные (на момент принятия соответствующих решений) жители рассматриваемой местности.

Расчеты показывают, что при средней норме земельного участка под индивидуальное жилищное строительство в 12 соток создание 4 млн. новых домохозяйств (10% от их общего числа) потребует 480 тыс. га. Между тем земли населенных пунктов, составляющие всего 1,1% земельного фонда страны, занимают площадь 19,2 млн га (9, с. 8).

Выдача товарного кредита традиционными местными строительными материалами (песок, гравий, цемент, бетон, дерево), равно как и новыми технологичными (пенобетон), может стимулировать развитие промышленности строительных материалов на местах. При этом цена кредита при строительстве сельского дома площадью в 100 м² будет колебаться в интервале от 600 тыс. до 1 млн руб.

Фиксируя в условиях возврата товарного кредита порядок списания той или иной его части, можно регулировать различные социально-экономические отношения селян. Например, образование больших, многопоколенных семей полезно стимулировать путем списания определенного процента за совместное проживание трех и более поколений. Желаемое с позиций демографического развития число детей в семье можно стимулировать через процент, списываемый за рождение каждого ребенка, а характер производственной ориентации сельских домохозяйств определять посредством закрепления в условиях договора номенклатуры и объема товаров или услуг, которыми будет возвращаться кредит, и т.п.

Сформулированные выше предложения направлены на решение стратегических задач демографического развития, а именно достижение пороговых значений роста рождаемости и снижения смертности. Они разработаны в целях конкретизации уже поставленных ранее и широко обсуждаемых задач демографического развития. Как правильно замечает в этой связи Л. Рыбаковский, демографическая политика обязана быть эффективной, а потому она не может быть дешевой. Ее проведение потребует значительных финансовых ресурсов (жилищные льготы, единовременные пособия, возмещение женщинам в связи с рождением ребенка потерь доходов в течение ряда месяцев и др.). «Эти затраты возможны только в том случае, если будут рождаться дети нужной очередности, так как кредиты на жилье будут погашаться лишь после рождения очередного ребенка» (28).

Увязка таких программ с кооперативным движением посредством создания потребительских обществ, жилищно-строительных, строительно-сберегательных сельскохозяйственных и кредитных кооперативов способна раскрепостить инициативу значительной части экономически активного населения. Связано это в первую очередь с тем, что потребительский кооператив позволяет снижать издержки, возникающие при приобретении товаров, работ или услуг, путем взаимного объединения имущественных паевых взносов его членов.

Кооперация может придать новые стимулы более гуманной и характерной для нашей традиции организации жизни людей в сельской местности, осно-

ванной на взаимопомощи, солидарности и взаимной ответственности. Уместно предположить, что предлагаемая инновация могла бы стать составной частью еще одного нового и весьма актуального проекта с условным названием «Кооперативная Россия»³.

Необходимость указанных шагов в экономическом плане обусловлена тем, что уже много лет не удается создать полноценный рынок земли и жилья не только в сельской, но и городской местности. О том, насколько позитивную роль могли бы сыграть ипотека и долевое строительство в сельской местности, в ближайшее время и говорить не приходится.

Людам надо дать возможность встать на ноги путем получения в руки хоть и небольшого, но реального актива, а не стоять всю жизнь в очереди на жилье или льготную программу его строительства. Такого рода инновация может повлечь за собой огромные перемены в жизни миллионов и социально-экономическом развитии всего общества. Важно подчеркнуть, что ее реализация в рамках национальных проектов «Развитие АПК» и «Доступное жилье» ориентирована не на перераспределение ресурсов, а на повторное заселение пустующих сельских территорий и теряющих население малых городов.

Сопоставляя графики 2 и 3, можно заметить, что изменение численности городского и сельского населения Белгородской и Псковской областей имеет общие черты. В обеих областях в сельской местности наблюдается снижение численности населения. Темпы и глубина этого процесса в каждой области разные, но тенденция общая.

Различие состоит в том, что Псковская область уже теряет и городское население, тогда как Белгородская область все еще продолжает его наращивать – не только областной центр и малые города, но даже поселки городского типа (133, с. 197; 32, с. 134).

Более того, по данным текущего учета, в 2008 г. здесь и в сельской местности отмечен небольшой общий прирост численности населения в 5038 человек (32, с. 47). Это очень интересный и позитивный сигнал. Время покажет, найдет ли он свое развитие или окажется случайным. В случае проявления устойчивости наблюдаемого явления это будет означать, что не только городская, но и сельская местность Белгородчины обладает привлекательностью для мигрантов. А ведь это вообще не характерно для русскоязычных регионов страны в последние полвека.

На примере двух регионов мы видим, как проблемы территориального развития постепенно стягиваются во все более тесный узел с другими про-

3. Доктрина развития потребительских кооперативов, имеющих своей специализацией сферу небанковского финансирования приобретения и строительства недвижимости в современных российских социально-экономических условиях (см.: <http://www.vmeste.ru/doctrine>).

блемами социально-экономического развития страны. Среди них в первую очередь следует отметить *демографическое развитие, запустение территорий, формирование малого бизнеса и среднего класса*.

Спорны предложения, связанные с поиском выхода из сложившейся ситуации на путях изменения административно-территориального деления страны. Предлагается, например, воссоздать Ленинградскую область в границах 30-х годов, что означает ее слияние с Новгородской и Псковской областями (1).

Эти предложения исходят из предпосылки единства системы расселения и административно-территориального деления. Они наследуют и развивают уже показавшую свою ограниченность идеологию «единого народнохозяйственного комплекса», «единой общесоюзной системы населенных мест» и тому подобных «всеединств», канувших в лету. Трудно понять, какие стимулы развития при таком повороте событий получают Псков, Опочка, Порхов и другие старинные исконно русские города Новгородской и Псковской областей. А ведь здесь, в направлении север – юг от Гдова до Себежа, проходит наша граница с Европой. Более правильно сформировать в Гдове и Себеже крупные научно-образовательные и производственные комплексы аграрного профиля с ориентацией на аквакультуру, мелиорацию земель и лесное сельское хозяйство.

Такие центры могли бы оказаться привлекательными и для определенной части русскоязычной молодежи Прибалтики. На указанное обстоятельство необходимо обратить внимание потому, что для многих из них, во-первых, псковская и новгородская земля – родина их родителей, дедов и бабушек, а во-вторых, на их новой родине у них, как у неграждан, ограничены возможности интеграции в так называемое европейское культурное пространство.

Конечно, власти любого уровня должны стремиться к интеграции соответствующих систем расселения. Вместе с тем нельзя забывать, что у систем расселения и административно-территориального деления разная природа. Вряд ли нужно приводить административно-территориальное деление в соответствие с тенденциями формирования систем расселения. С такой инициативой, кстати сказать, и выступил Ю. Лужков⁴.

В то же время пытаться формировать системы расселения в полном соответствии с административно-территориальным делением задача заведомо проигрышная. При таком подходе во Владимирской, Калужской и Смоленской областях следует вводить ограничения на опережающее развитие районов, граничащих с Московской областью. На практике это значит начать административное регулирование движения труда и капитала. В условиях рыночных отношений разрушительные последствия такого подхода дадут о себе знать очень быстро.

4. Ю. Лужков считает необходимым ставить вопрос об объединении Москвы и Московской области в единый регион (<http://www.prime-tass.ru/news/show.asp?id=792384&ct=news>).

В культурологии и урбанистике сложилось трепетное отношение к городу (3; 7). Сомнения, которые гложут авторов этой работы, состоят в следующем. Если урбанизация и сопровождающее ее повышение качества жизни – благо, то почему нарастают напряжения в демографическом развитии? В природе в условиях благоприятной среды все живое плодится и размножается. Приходится констатировать: либо повышение качества городской жизни противоречит природе человека, либо то, что мы принимаем за повышение качества жизни, представляет собой результат ошибочных взглядов и заблуждений.

Ссылки на особенности процессов демографической модернизации, как демиурга, изменяющего вековые социальные и воспроизводственные механизмы, публицистически весьма привлекательны. Например: «Демографическая модернизация изменяет пространство человеческой жизни» (6). Вместе с тем они скорее догматичны, чем познавательны. Поэтому говорить об их конструктивно-прикладном характере довольно сложно.

Если мы констатируем, что урбанизация вошла в противоречие с демографическим развитием, то вполне возможно, что в решении этих проблем акцент необходимо перенести на сельскую местность, уделив ей, как минимум, такое же внимание, какое уделялось развитию городов в течение продолжительного времени.

С учетом сказанного решение демографических проблем, предполагает: устойчивое развитие сельской местности (в самом широком смысле этого слова: от производства до инженерной и социальной инфраструктуры) (см.: 22; 23), поощрение на селе индивидуального жилищного строительства усадебного типа (см.: 19; 20), а также увеличение численности больших многопоколенных семей (см.: 23).

Вряд ли можно сомневаться в том, что, если в ближайшие годы в сельскую местность вложить сопоставимый с городом объем материальных затрат и организационных усилий, результаты, как в демографическом развитии, так и в других секторах социальной жизни и экономике не заставят себя ждать.

Литература

1. Арабкин В. И корабль плывет. (<http://www.csr-nw.ru/content/library/default.asp?shmode=8&ids=46&ida=685>).
2. Белгородская областная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года». (<http://www.belregion.ru/lowmaking/programme/archive4>).
3. Ванчугов В. Философия города. (<http://emsu.ru/um/view.asp?c=716&p=1>).
4. Веселова С. Б. Город – Архитектура – Философия. <http://anthropology.ru/texts/veselova/city.html>).
5. Вишневский А. Вперед или назад? Заключение к книге «Демографическая модернизация России, 1990–2000». (http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/demography-position/vishnevsky/forward).
6. Вишневский А. Демографическая модернизация в контексте общей модернизации России (http://www.opec.ru/docs.aspx?id=385&ob_no=88204).
7. Глазычев В.Л. Урбанистика. – М., 2008. (<http://lib.rus.ec/b/161244/read>).

8. Городские поселения РСФСР. – М.: ГОСКОМСТАТ РСФСР, 1991.
9. Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2007 году. – М.: ФАКОН, 2008.
10. Градостроительный кодекс РФ. – М., 2008.
11. Демографический ежегодник. 2008. – М.: ФСГС, 2008.
12. История Псковской земли. (http://www.pskov.ru/about_region/history/?about_region/history).
13. Капица С. Демографическая революция и будущее человечества // В мире науки. 2004. – № 4. – С. 82–91.
14. Капица С. Демографический переход и будущее человечества // Вестник Европы. 2007. – № 21.
15. Крупнов Ю. Поместная урбанизация. (http://www.kroupnov.ru/5/67_1.shtml).
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. (<http://lib.ru/PSIHO/LEONTIEV/dsl.txt>).
17. Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Демографическая война против России. Демография, планирование семьи и геноцид: аналитический доклад. (<http://www.pravoslavie.ru/analit/global/demograf.htm>).
18. Население СССР. 1987. – М.: ГОСКОМСТАТ СССР, 1988.
19. Пациорковский В.В. Ориентиры формирования сельского среднего класса: 2010–2015 гг. – Мичуринск: МГАУ, 2009. – 28 с.
20. Пациорковский В.В. Приоритеты демографического развития: семья и домохозяйство // Национальные проекты. – М., 2009. – № 3 (34). – С. 84–87.
21. Пациорковский В.В. Сельская Россия: приоритеты развития. – М.: Поколение, 2009.
22. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003.
23. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Большая семья в демографической ситуации России // Социологические исследования. – М., 2009. – № 3. – С. 121–128.
24. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Домохозяйства в инновационной экономике // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Выпуск 4. Часть 1. – М.: ИНИОН РАН, 2009. – С. 95–101.
25. Пациорковский В.В., Пациорковская В.В. Домохозяйство и семья // Национальная идентичность России и демографический кризис. – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 134–147.
26. Почему Россия вымирает / Под ред. И.П. Востоковой, Л.В. Березниковой. – М.: Жизнь, 2003.
27. Россия в цифрах. 2009. – М.: ФСГС, 2009.
28. Рыбаковский Л. Стратегия демографического развития России на ближайшие 20 лет. (http://www.perspektivy.info/rus/demo/strateg_demogr_razvitiya.htm).
29. Савченко Е.С. Нужны неординарные решения // Сельская жизнь. 1998. – 8 декабря.
30. Спиридонов В.Ю. Проблемы гармонизации системы расселения. (http://archvuz.ru/magazine/Numbers/2006_022/template_article?ar=K41-60/k62).
31. Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Том 1. – М.: ФСГС, 2003.
32. Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2009 года. – М.: ФСГС, 2009.
33. Численность населения РСФСР. – М.: Госкомстат РСФСР, 1990.
34. Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. – М.: Научный эксперт, 2009. – С. 159

А.А. Акмалова, В.М. Капицын

ФОРМИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ СНГ

Акмалова Альфия Азгаровна – доктор юридических наук, профессор
Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук,
профессор кафедры социологии и политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Факторы формирования трансграничной миграционной системы

В XXI в. роль трансграничной миграции и сопутствующих ей процессов диаспоризации будет возрастать (16, с. 85–86). Исходя из системного подхода исследователи рассматривают миграцию как перенос энергии (энергогенез), устойчивый обмен населением, потоками рабочей силы, финансов, культурных образцов. Предметом данной статьи является анализ формирования трансграничной миграционной системы (далее ТМС) в регионе СНГ.

Необходимо определить понятие «трансграничная миграция». Адекватным представляется определение международной миграции населения как «территориальные передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленным различными факторами (экономическими, семейными, национальными, политическими и др.) или с пребыванием в стране въезда, имеющим долгосрочный (более 1 года), сезонный (менее 1 года) и маятниковый (ежедневный) характер, а также с циркулярными (или эпизодическими) поездками на работу, отдых, лечение и тому подобное» (9).

Социальная природа ТМС объясняется взаимосвязанными условиями: **неравновесностью** и **дополняемостью** развития разных обществ, что находит отражение в разных темпах и направлениях формирования рынков труда, демографических особенностей, услуг образования, межнациональных отношений. Все это приводит к движению населения в определенных социально-

географических и социокультурных параметрах. Взаимозависимость и дополняемость обществ и государств в СНГ позволили смягчить последствия беспрецедентных миграций 1980–1990-х годов.

Можно выделить факторы, которые и в настоящее время в СНГ усиливают неравносность и дополняемость и ведут к формированию ТМС.

Взаимная заинтересованность государств. Развитые нации предъявляют постоянный спрос на труд мигрантов из стран, обладающих большим эмиграционным потенциалом (19, с. 5). Происходит систематический обмен: а) рабочей силы различной квалификации – на развитие и стабилизацию экономики и социальных систем; б) приема переселенцев – на оптимизацию демографического состава обществ; в) притока туристов – на репрезентацию территориальных и культурных особенностей стран. Взаимные выгоды могут обеспечиваться и для принимающих государств, и государств исхода, и самих мигрантов. Такая дополняемость впервые была отмечена на Всемирном конгрессе по народонаселению и развитию в Каире в 1994 г.

Влияние исторических связей. Трансграничное движение населения быстрее приобретает системный характер при наличии исторически сложившихся связей. В свое время черты ТМС приобрела миграция из Европы в США. ТМС в СНГ (с Россией в качестве «ядра») формировалась, благодаря таким бывшим структурам СССР, как единые рынок труда и система образования, русский язык как государственный язык и язык межнационального общения.

Программирование миграции. Системность трансграничной миграции усиливается в связи с разработкой международных программ ЕС, Совета Европы, СНГ, НАФТА, ЮНФПА ООН, 20-летней Программы действий в области народонаселения и развития, принятой в Каире в 1994 г., а также национальных миграционных политик государств.

Демографический аспект миграции. Миграция во многом объясняется демографической ситуацией в странах СНГ и Балтии. В России сокращение населения шло на фоне беспрецедентного миграционного прироста после распада СССР (около 6 млн человек), восполнившего за период с 1992 г. – 47% естественной убыли населения (2, с. 40). Общий коэффициент рождаемости составлял в 2005 г. 10,2% против 14,6% в 1989 г., суммарный коэффициент рождаемости сократился с 1990 по 2005 г. с 2,01 до 1,34 ребенка (и ниже) на одну женщину. Численность населения РФ на 1 января 2008 г. насчитывала 142,0 млн человек, сократившись на 6,3 млн человек, по сравнению с 1992 г. (7). Россия в дальнейшем будет нуждаться все больше в приеме трудовых мигрантов (до 0,7–1,0 млн в год) (10, с. 29).

Территориальные асимметрии. В России усиление факторов неравносности связано с огромными асимметриями развития регионов. Подобные проблемы, но с выраженным этническим уклоном (переселение русскоязычных в Россию), возникли и в Казахстане. Восточные регионы России в силу «запад-

ного дрейфа» населения и высокой смертности потеряли от 25 до 50% численности (Чукотка, Магаданский край, Курилы). В 2000 г. валовой региональный продукт на душу населения в «регионе-лидере» (Тюменской области) был в 12,8 раза выше, чем в «регионе-аутсайдере» (Республика Ингушетия); в 2003 г. разрыв составил 35,9 раза; в 2005 г. — 43,3 раза. (1, с. 11). Асимметрия носит и трансграничный характер: плотность населения на Дальнем Востоке в среднем составляет 4 человека на 1 м², т.е. в 30 раз меньше, чем в соседних провинциях КНР. В Еврейской автономной, Амурской, Читинской, Сахалинской областях, Приморском и Хабаровском краях проживают 6,7 млн человек, а в сопредельных регионах КНР — более 110 млн (18, с. 330).

Экономическое влияние трансграничной миграции. Самостоятельным экономическим фактором стали денежные переводы мигрантов. Среди стран СНГ, получивших в 2007 г. переводы мигрантов на сумму 1 млрд долл. США и более, наиболее высокая доля переводов в ВВП характерна для Молдавии (28–34%), Таджикистана (36–45%), Кыргызстана (28%), Армении (20%) (22; 10, с. 31). Банки разных стран, в том числе России, борются за рынки переводов мигрантов, поскольку те представляют собой безрисковые финансовые операции, дают стабильные прибыли, в отличие от весьма рискованных доходов от кредитов и вкладов физических и юридических лиц. Из всех денежных переводов из России на страны СНГ (Украину, Таджикистан, Узбекистан, Армению, Азербайджан, Молдавию и Грузию) приходится 80% (2, с. 43).

Миграция усиливает стабилизацию пенсионных систем развитых стран. С ростом объемов выплат стареющему населению растет степень необходимости «импорта налогоплательщиков» для поддержания активов пенсионных фондов. Начавшееся с 2007 г. сокращение трудоспособного населения будет нарастать и может достигать в 2010–2018 гг. ежегодно 1 млн человек. В Европе от трансграничной трудовой миграции уже в немалой степени зависит стабильность функционирования фондовых рынков; в них много активов принадлежит пенсионным фондам, которые для выплат пенсий стареющему населению будут вынуждены продавать ценные бумаги, провоцируя финансовый кризис (2, с. 44).

Неравновесность и дополняемость усиливают связь между организацией торговли услугами и потоками мигрантов. Наметился сдвиг в формировании иммиграционной политики в сторону интересов торговли; некоторые государства и компании стремятся представить временную трудовую миграцию как часть формирующегося режима торговли услугами (23, с. 7). Это особенно актуально в отношении эпизодической и челночной (маятниковой) трансграничной миграции (9).

Предпосылки и признаки формирования миграционной системы СНГ

Миграционный потенциал СНГ относительно России как ядра системы можно оценивать, исходя из количественных и мотивационно-целевых оснований: количество людей, предполагающих переезд в Россию на постоянное жительство (замещающая миграция); временные приезды с целью заработка и обучения (трудовая и образовательная миграция); использование России как транзитной зоны (транзитная миграция); туристские и деловые поездки (эпизодическая миграция). Потенциал переселения в Россию, если судить по этническому и количественному признакам, уменьшился по сравнению с началом 1990-х годов. Тогда в бывших республиках СССР жили около 25 млн русских, а с представителями других национальностей, видевшими в России лучшие жизненные возможности, этот потенциал мог быть оценен в 37–38 млн. Он уменьшился за счет уже переехавших: в 1989–2009 гг. переселились более 4 млн русских. Миграционный прирост в 2001–2006 гг. был уже в 5 раз меньше, чем в 1989–2000 гг. Кроме того, часть русских сменила этнонациональную принадлежность (1,8 млн русских на Украине, 0,5 млн в Казахстане причислили себя к титульной нации данных государств). С учетом естественной убыли и рождения детей всего русских в ближнем зарубежье осталось около 16,5–17 млн человек. Представителей других титульных для России наций в ближнем зарубежье, судя по переписям населения, всего около 1,5 млн человек (17, с. 33–34).

Что касается временной трудовой миграции, то в СНГ и России для данного потока были характерны: а) ограниченность в основном границами бывшего СССР; б) нацеленность в основном на российский рынок труда; в) преобладающая форма социальной мобильности населения в СНГ – трудовая миграция; г) значительная доля «теневой» формы труда мигрантов; д) притяжение в Россию трудовых мигрантов как из постсоветских, так и других стран (КНР, Турции, КНДР, Сербии и т.д.); е) незначительный пока экспорт рабочей силы за пределы СНГ. По официальным данным, в общей сложности в ЕС насчитывалось в начале 2000-х годов примерно 120 тыс. трудовых мигрантов из СНГ (9), что объяснялось «языковым барьером», слабой информационной базой о трудоустройстве; отсутствием в регионе опытных агентств по трудоустройству за рубежом, опыта трудоустройства и проживания в странах импорта рабочей силы, наличием жесткой конкуренции на европейском рынке труда, слабостью этнических миграционных сетей в странах-реципиентах (11, с. 99–100); д) несбалансированность структуры спроса и предложения на рынке труда: в основном спрос на лиц, занимающихся физическим трудом в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, торговле. В России и Казахстане этот спрос не покрывается за счет своих трудовых ресурсов; при этом россияне не всегда готовы занять эти

рабочие места (низкий уровень оплаты, непрестижность, тяжелые условия труда); работодателям выгодно использование «теневой» миграции.

Приток иностранной рабочей силы в Россию в значительной своей части происходит в скрытой, нерегистрируемой, «теневой» форме. Так, в 2001 г. в России были зарегистрированы только 283 тыс. иностранных работников. По официальным данным, общее число разрешений на работу, выданных за период 1992–2001 гг. составило более 1,5 млн штук. Однако реальное число незаконных рабочих-мигрантов оценивалось в 3–5 млн человек. В 2008 г. легальных трудящихся-иностранцев прибыло всего 2,4 млн человек. Из них 1 млн человек был занят в строительстве (плюс около 2 млн нелегалов), 384 тыс. – торговле, 234 тыс. – обрабатывающих производствах, 185 тыс. – сфере услуг, 135 тыс. – лесном и сельском хозяйстве, 87 тыс. человек – на транспорте. Нелегальных трудовых мигрантов было порядка 4–5 млн (8, с. 19, 22). За этими цифрами скрывается огромный, неиспользованный потенциал трудовой миграции в странах СНГ. «Теневая» миграция должна рассматриваться в комплексе с замещающей, временной трудовой, транзитной, эпизодической. Системность трансграничной миграции будет усиливаться с уменьшением «теневой» миграции и блокирования криминальной.

Оценка развития потенциала ТМС в СНГ предполагает рассмотрение разных ситуаций трансграничности. В приграничных регионах неравномерность и дополняемость проявляется наиболее наглядно в интенсивной трудовой и эпизодической миграции. Особенно важный для России аспект – протяженность приграничных регионов, обладающих миграционной спецификой в силу природных условий, инфраструктуры, степени трудообеспеченности, и соответственно разной потребностью в трансграничных миграциях.

Вводятся различные приграничные режимы пересечения государственных границ граждан Белоруссии с Украиной, Литвой, Латвией; России – с Украиной, Казахстаном, Азербайджаном, Финляндией, Грузией, КНР, Монголией; Калининградской области России – с государствами ЕС. Интенсивно взаимодействует население российских и казахстанских приграничных областей, где инфраструктура, политический фон, практические шаги для развития сотрудничества официальных и других структур, ресурсы – все располагает к использованию замещающей, трудовой миграции из Казахстана и обоюдной эпизодической миграции (3).

Социальные и политико-правовые основы ТМС в СНГ

На глобальном и региональном международном уровнях коллективная миграционная политика и нормотворчество способствуют созданию инфраструктуры взаимодействия миграционных ведомств, взаимно учитывающих особенности национальных миграционных моделей. В СНГ выделяются сле-

дующие национальные модели: а) в основном отдающие мигрантов (Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Молдавия, Армения); б) в основном принимающие (Россия, Казахстан, Украина, Белоруссия); в) транзитные (почти все государства СНГ).

Наличествуют конфликты целей миграционной политики разных государств СНГ. В 2007–2008 гг. новые представительства ФМС России за рубежом, предусмотренные Указом Президента РФ (20), не были созданы в государствах – участниках СНГ, располагающих наибольшим миграционным потенциалом (Казахстан, Молдова, Узбекистан, Украина), так как местные власти тормозили этот процесс, столь важный для реализации Государственной программы содействия переселению в Россию соотечественников. К примеру, для Казахстана, где имеются малозаселенные земли, переселение людей из Казахстана в Россию невыгодно. По состоянию на 1 января 2009 г. функционировало только пять представительств ФМС России и 15 временных групп (14). Чтобы разрешить эти трения, необходимы специальные двухсторонние и коллективные договоренности.

В идеале будущее за системной миграционной политикой СНГ, основанной на принципе взаимовыгодного регулирования миграционных отношений, обеспечивающей «со-развитие» принимающих и посылающих стран. Концепция «со-развития» в широком смысле предусматривает использование миграции для целей экономического развития, а в практической плоскости фокусируется на возвратности мигрантов как факторе развития посылающих стран (2, с. 39). В рамках СНГ возможны, например, такие принципы «со-развития»: если часть русскоязычного населения Казахстана переселится в Россию, то это можно компенсировать совместной работой по переподготовке специалистов для Казахстана, кроме того, можно способствовать миграции туда из трудоизбыточных стран (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан).

Основные правовые механизмы в таком сотрудничестве – двухсторонние и коллективные соглашения и договоры. Россия заключила ряд соглашений о трудовой деятельности и социальной защите граждан одной страны, работающих на территории другой страны, о социальных и юридических гарантиях для мигрантов, переезжающих на постоянное место жительства из одной страны в другую. Многие соглашения устаревают. С Кыргызстаном и Таджикистаном подписаны и ратифицированы новые двухсторонние соглашения, оснащенные организационно-правовыми механизмами (рабочие группы, мониторинг, взаимодействие на региональном уровне). 4 июля 2007 г. подписано соглашение между правительствами России и Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, вступившее в силу после ратификации с 15 июля 2009 г.

Но двухсторонние соглашения не всегда эффективны, например в отношении транзитной и нелегальной миграции. Необходимы коллективные соглаше-

ния, имеющие системный характер, регулирующие в комплексе все виды миграции, основные ее каналы и направления, в том числе легальную и «теневую», блокирующие криминальную. В 1990–2000 гг. Туркмения, Узбекистан, Россия, Казахстан и Азербайджан вышли из Бишкекского соглашения (1992), по которому граждане государств – участников СНГ имели право свободного въезда, выезда и передвижения по территории СНГ. 6 марта 1998 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией. В 2004 г. создан координирующий орган – Совместная комиссия по борьбе с незаконной миграцией государств – участников соглашения 1998 г. (восемь государств). Была одобрена Концепция сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции от 16 сентября 2004 г. В 2007 г. главы государств – участников СНГ подписали Декларацию о согласованной миграционной политике данных государств, намечающую информационное взаимодействие, противодействие нелегальной миграции, взаимопомощь в предупреждении, выявлении и пресечении ее каналов, а также стремление к сближению законодательств в сфере миграции, разработке миграционных программ и их реализации (18, с. 286–289). Реализовались и реализуются программы сотрудничества данных государств на 2006–2008 и 2009–2011 гг.

На глобальном уровне проблемами трансграничной миграции населения и трудовых ресурсов занимается ООН, в частности МОТ и Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев. В 1998 г. московское отделение МОТ было преобразовано в Субрегиональное бюро для стран Восточной Европы и Центральной Азии. Это мотивировалось наличием единого миграционного пространства в СНГ. Деятельность бюро распространяется на десять стран СНГ (исключая Украину и Молдову).

Национально-государственный уровень субъектности ТМС имеет важное значение для государств СНГ и особенно для России, играющей роль «ядра» СНГ (10, с. 39). Многое зависит здесь от развития федерального миграционного законодательства, а также законодательства субъектов РФ. Российские законодатели выступали в качестве своеобразного «локомотива» в Межпарламентской ассамблее СНГ при подготовке модельных законов, которыми пользовались в процессе законотворчества страны СНГ.

Для России, при всей непоследовательности ее политики, знаменателен поворот в сторону системных мер регулирования, согласно решению Совета безопасности РФ «О мерах по совершенствованию миграционной политики РФ» от 17 марта 2005 г. Приняты Программа работы с соотечественниками за рубежом на 2006–2008 гг., Федеральная целевая программа «Русский язык (2006–2010)», Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом (2007–2012). Складывается система миграционного права на основе законодательства, решений Конституционного суда РФ, судов общей юрисдикции, юридической практики,

норм международного права, решений Европейского суда по правам человека. Приняты новые редакции федеральных законов «О беженцах», «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», «О государственной границе Российской Федерации», федеральные законы «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», Правила осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, административные регламенты для ФМС России.

Оживлению потенциала переселения в Россию призвана послужить Государственная программа по переселению в Россию соотечественников (5), рассчитанная в основном на использование репатриантов из СНГ в течение 2007–2012 гг. Пока реализация данной программы дает скромные результаты. В момент ее разработки и принятия в 2006 г. строились прогнозы о приеме до 2010 г. из-за рубежа более 300 тыс. соотечественников. По состоянию на январь 2010 г. в Россию прибыло чуть более 17 тыс. участников программы. Это немногим более 4% всего миграционного прироста. В основном это жители Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Украины, Молдавии (14; 18, с. 351).

Пакет проектов правовых нормативных актов, который, по мнению специалистов, предстоит еще принять, остается солидным. В частности, необходимы разработка и принятие законов «О репатриации», специальных норм закона «О социальном партнерстве», поправок в Кодекс об административных нарушениях, Трудовой кодекс РФ (или принятие отдельного закона о регулировании привлечения и использования трудящихся-иностранцев на территории России), документов учитывающих особенности миграционных режимов для разных типов муниципальных образований.

Практика адаптации и интеграции мигрантов

От того, как осуществляется практика адаптации и интеграции мигрантов в России – «ядре» ТМС, зависит во многом становление коллективной миграционной политики в СНГ. Площадками взаимодействия разных уровней ТМС выступают Всемирные конгрессы соотечественников, где выступают главы государств, представители ООН, международных НПО, диаспор.

II Конгресс (2006) стимулировал презентацию Государственной программы содействия добровольному переселению в Россию соотечественников. III Конгресс (2009) ускорил подготовку поправок в ряд законов, в частности способствовал реанимации Федерального закона «О государственной политике России в отношении соотечественников за рубежом», уточнению

самого понятия «соотечественники за рубежом». Расширены полномочия регионов России по работе с соотечественниками; прорабатывается вопрос о создании фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом (15, с. 2–3).

Растет понимание, что системная политика должна включать в себя организационную и социальную работу с мигрантами, подготовку их к работе и пребыванию в принимающих странах, разные программы обучения и направления интеграции (4, с. 57–58). Такая работа ведется, хотя и не везде. Финансировались программы Московского дома национальностей, центра межнационального образования «Этносфера» (Москва), Международного педагогического общества в поддержку русского языка, Саратовской областной общественной палаты, где представлены все диаспоры данной области. По линии Московского дома национальностей проводились курсы для мигрантов по изучению русского языка и культуры.

Для миграционной политики необходимо решить проблему выбора стратегии, исходя из антиномий «открытость – закрытость», «опасность – безопасность», «плюрализм – консолидация». В разных сочетаниях различные страны используют модели изоляции (полного исключения), сегрегации (дифференцированного исключения), интеграции (разные степени), плюрализма (мультикультурализма) (24, с. 54). Ряд стран склоняется к моделям, сочетающим дифференцированное исключение (частичную эксклюзию) с интеграцией, т.е. миграционный учет и контроль, дифференциацию мигрантов по их готовности к труду в новом социуме вкупе с мерами по вовлечению (инклюзии) в общественную жизнь в зависимости от уровня готовности (образовательная, правовая, социальная инклюзия).

Инклюзия и интеграция в принимающем социуме предполагает четыре взаимосвязанных направления: пространственно-территориальная натурализация – место поселения, структура расселения, акклиматизация; естественно-антропологическая инклюзия – семья, быт, жилье, здоровье; духовная аккультурация – образование, смягчение конфессиональных различий, правовое воспитание; профессиональная адаптация – трудоустройство, профориентация, повышение квалификации, охрана труда.

Все это должно реализовываться в комплексе. Игнорирование пространственно-территориальной натурализации приводит к росту территориальных асимметрий в размещении мигрантов и анклавизации – возникновению замкнутых поселений по этническому признаку, асимметрии в территориальном размещении (например, в Московском регионе работают от 35 до 45% всех мигрантов, занятых в экономике России – см. 6). Недостатки естественно-антропологической инклюзии ведут к усилению зависимости иностранцев от этнических миграционных сетей, воспроизводству и закреплению нисходящей мобильности, ее «наследованию» детьми мигрантов, игнорированию се-

мейной миграции. Этническая миграция требует серьезной работы как с мигрантами, так и с принимающим сообществом, сближением позиций по ряду вопросов, политкорректности в работе СМИ. Например, создается карта межэтнической напряженности с отметкой проблемных мест Москвы (12). Игнорирование духовной аккультурации ведет к социокультурному отчуждению, снижению толерантности, отвержению принимающим сообществом «чужаков». Незнание русского языка усиливает недоверие к мигрантам, случаются и межконфессиональные конфликты.

Недостатки в профессиональной адаптации, злоупотребления работодателями, принудительный труд, потеря работы – все это способствует превращению мигранта в безликий «трудовой ресурс», низведение до уровня «слепого орудия труда», а соответственно срыву адаптации и интеграции.

Наивны ожидания, что в условиях довольно острой конкуренции на рынках труда в Россию будет приезжать «готовая рабочая сила», «толерантные мигранты», знающие русский язык, культуру, миграционное законодательство России. Не случайно, глава ФМС России в своем докладе по итогам 2007 г. говорил о подготовке проекта ведомственной целевой программы по привлечению в Россию квалифицированных трудовых мигрантов, согласно которой предполагается создать условия, чтобы еще в стране исхода мигрант овладел базовым знанием русского языка, прошел профессиональную подготовку и въезжал в Россию с целью трудоустройства на конкретное рабочее место. Для решения проблем миграции придется работать не только с мигрантами, но и с принимающими и посылающими сообществами: они должны стать органичной частью ТМС. В структуре ФМС России создаются специальные подразделения, в обязанности которых будут входить организованное привлечение трудовых мигрантов, их адаптация и интеграция в российское общество, работа с местными жителями, направленные на повышение толерантности российских граждан по отношению к мигрантам (13).

Реализация данной цели возможна в рамках ТМС, использующей преимущества единого миграционного пространства СНГ.

Литература

1. Алешковский И. Внутренняя миграция населения в современной России: тенденции, детерминанты, политика. – М.: ТЕИС, 2007. – 112 с.
2. Глушенко Г.И. Влияние международной трудовой миграции на развитие мирового и национального хозяйств: Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2008. – 54 с.
3. Голунов С.В. Этнокультурное измерение миграционных процессов в западной части российско-казахстанского пограничья. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/center/fincenter/golunov.html> (Дата посещения: 30.03.2010).

4. Горячев Ю. Школа интеграции в контексте миграционных процессов в Москве // *Этнодиалог*. Альманах. – М.: Издательский дом «Этносфера», 2006. – № 1 (24). – С. 56–60.
5. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Утверждена Указом Президента РФ от 22.06.2006 № 637.
6. Гринберг Р. Экономические и гуманитарные аспекты взаимодействия стран СНГ: (Доклад в Вольном экономическом обществе) // *Взгляд. Деловая газета*. – М., 2006. – 8 авг. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/society/2006/8/25/46562.html> (Дата посещения: 10.04.2010).
7. Демография. Федеральная служба государственной статистики (Электронный документ). – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B08_00/IssWWW.exe/Stg/d04/8-0.htm (Дата посещения 19.02.2010).
8. Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Принимающий социум: практики взаимодействия с трудовыми мигрантами // *СОЦИС*. – М., 2009. – № 10. – С. 18–28.
9. Ивахнюк И.В. Две миграционные системы в Европе: Тенденции развития и перспективы взаимодействия: Доклад на 4-й региональной конференции Совета Европы «Миграционная политика накануне расширения ЕС: Вызовы будущему сотрудничеству в Восточной Европе». Киев, 9–10 октября 2003 г. // *Русский архипелаг*. Сетевой проект «Русского мира». – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/europa-dis/tendentsii/> (Дата посещения 29.03.2010).
10. Ивахнюк И.В. Формирование и функционирование евразийской миграционной системы. Автореф. дисс. ... д-ра экон. наук: – М., 2008. – 46 с.
11. Каменский А. Современное участие России в международной трудовой миграции // *Мир в зеркале международной миграции*. – М.: МАКС-Пресс, 2002. – С. 97–111.
12. Петрова А. Разыграли национальную карту // *Взгляд. Деловая газета*. – М., 2010. – 22 марта. – URL: <http://www.vz.ru/society/2010/3/22/385848.html> (Дата посещения: 10.04.2010).
13. Петрова А. Также наши люди. Адаптацией мигрантов и их интеграцией в российское общество займются специальные подразделения ФМС // *Взгляд. Деловая газета*. М., – 31 марта. – URL: <http://www.vz.ru/economy/2010/3/31/388543.html> (дата посещения 08.04.2010).
14. Программа возвращения соотечественников в Россию // *Википедия*. Свободная энциклопедия. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата посещения 06.04.2010).
15. Медведев Д.А. За спиной Россия. Речь Президента РФ на III Всемирном конгрессе соотечественников 1–2 декабря 2009 г. // *Российская миграция*. – М., 2009. № 7–8 (38–39) ноябрь–дек. – С. 2–3.
16. Россия и мир в 2020 году. – М.: Европа, 2005. – 265 с.
17. Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал. Понятие и критерии оценки // *СОЦИС*. – М., 2009. – № 2. – С. 29–36.
18. Тюркин М.Л. Миграционная политика в Российской Федерации: Опыт и перспективы развития. – М.: Зимогляд, 2009. – 368 с.
19. Тюрюканова Е. Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. – Женева: Международное бюро труда, 2006. – 216 с.
20. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г., № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // *Российская газета*. – М., 2006. – 28 июня.
21. Уникальным откроют дорогу. Глава ФМС озвучил новые предложения относительно регулирования трудовой миграции // *Взгляд. Деловая газета*. – М., 2010. – 8 апр. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/society/2010/4/8/388543.html> (Дата посещения: 09.04.2010).

22. Щербакова Е. Международная миграция: тенденции и перспективы // Демоскоп Weekly. – М., 2009. – № 399–400. 23 нояб. – 6 дек. – Электронная версия бюллетеня «Население и общество». Институт демографии Государственного университета – Высшей школы экономики. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0399/barom01.php> (Дата посещения: 13.02.2010).

23. Эпплеярд Р. Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире // Мир в зеркале международной миграции. – М.: МАКС-Пресс, 2002. – С. 10–19.

24. Юдина Т.Н. Московский мегаполис: миграционные процессы в зеркале общественного мнения москвичей // Миграционные процессы и межэтнические отношения в Москве. – М.: МГПУ, 2007. – С. 42–56.

25. International migration systems: A global approach / Kritz M., Lean Lim L, Zlotnik H. (eds.). – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 274 p.

Л.Е. Востряков, Е.П. Чириков

**УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА РУКОВОДИТЕЛЕЙ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ:
МЕЖСТРАНОВЫЙ АНАЛИЗ**

Востряков Лев Евгеньевич – доктор политических наук, профессор
Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург).

Чириков Евгений Петрович – аспирант Института социологии РАН.

Управленцы разных уровней не случайно являются предметом пристального исследовательского внимания во всем мире. Иерархия управления и его качество, как справедливо отмечает М. Черныш, способны оказывать значительное влияние на состояние общества (13). Одним из первых убедительно доказал взаимный изоморфизм состояния группы менеджеров и общества в целом Макс Вебер.

Принято считать, что в основе успеха менеджеров лежит управленческий профессионализм. Однако консенсуса среди специалистов относительно концептуальной трактовки данного понятия не достигнуто до сих пор. Причины этого многообразны и вряд ли отличаются от разногласий, свойственных научному сообществу в отношении практически любого научного понятия.

У. Хёрш и С. Биван выделяют четыре важнейшие проблемы, тормозящие осознание управленческого профессионализма:

- 1) отсутствие методологии перевода видов деятельности или функций в основные навыки или характеристики менеджера;
- 2) разнообразие, фрагментарность и изменчивость управленческого труда;
- 3) отсутствие методов оценки комплекса всех личностных навыков или качеств, необходимых для управленческого профессионализма;
- 4) критерии, определяющие преуспевающих менеджеров сегодня, могут не соответствовать завтрашним требованиям к хорошим менеджерам (18, с. 83).

Сами менеджеры, описывая суть управленческих задач и компетенций, необходимых для их успешного выполнения, также ссылаются лишь на общие характеристики эффективных руководителей (20). Некоторые из исследователей тем не менее предлагают подходить к определению профессионализма менеджеров через оценку знания принципов управленческой деятельности. Однако, как доказывают К.С. Камерон и Д.А. Йеттон, знание принципов управления – важный, но недостаточный компонент управленческого профессионализма (16). М. Силвер подчеркивает, что базовые характеристики профессионализма в сфере управления следует изучать в контексте их практического применения, в «совокупности внешних, личностных и межличностных факторов» (20, с. 65), придающих управленческой практике определенный характер.

Подобное признание важности конкретных навыков управления над управленческими знаниями наиболее ярко отражается в подходе «примата управленческих компетенций»: управленческий профессионализм основывается на понятии «компетентности в управленческой практике», что противопоставляется «знаниевой компетентности» и является сутью характеристики управленческого профессионализма. Согласно данному подходу, в первую очередь менеджерам, следует развивать управленческие навыки. Поэтому исследователи изучают развитие управленческих навыков в «совокупности внешних, личностных и межличностных факторов», которые описываются с помощью концепции управленческих компетенций.

Сам термин «компетенция» происходит от латинского слова «competere», что означает, «добиваться», «подходить», «соответствовать». В современной трактовке под компетенцией принято понимать круг вопросов, в которых носитель компетенции хорошо осведомлен, либо объем полномочий какого-либо органа или должностного лица (8, с. 19). На Западе понятие «компетентность» (competency) вошло в широкое употребление после выхода книги Р. Бояциса «Компетентный менеджер» (15)¹, где компетентность определяется в широком смысле как «основополагающая характеристика личности, которая является либо мотивом, чертой, навыком, аспектом представлений о самом себе, социальной ролью, либо запасом знаний, используемым этой личностью» (15, с. 21).

Еще более широкое понятие «компетенции» содержат работы других западных исследований. Так, согласно Констаблю, компетенция – совокупность характеристик, включая способность выносить разумные суждения, креативность, способность брать на себя инициативу, ориентацию на достижение результата, твердость воли, способность действовать самостоятельно, честность, приспособляемость, гибкость, умение работать с подробной информацией, неординарный подход к делу (см.: 20, с. 73). Р. Албаниз определяет

1. См. также: (3).

управленческую компетентность как «навыки и личностные характеристики, способствующие эффективному выполнению работы в сфере управления» (14), а Ч. Вудраф – как «совокупность поведенческих моделей, которые должны реализовываться в работе человека, занимающего управленческую должность, с целью компетентного выполнения его задач и функций» (22, с. 17).

Достоинство компетентностного подхода кроется, во-первых, в детальном изучении того, чем в действительности занимаются управленцы и, во-вторых, в попытке пролить свет на ключевые характеристики, обеспечивающие эффективное управление.

Вопрос о компетенциях профессионалов-управленцев сферы культуры наиболее последовательно разрабатывается западными исследователями. В российской науке эта проблематика находится сегодня в стадии становления. Можно привести лишь немногие исследования, в которых предпринята попытка обобщить деловые и личностные качества или управленческие компетенции управленцев сферы культуры (см., напр.: 2; 5; 9). Согласно этим исследованиям, наиболее востребованным качеством для российского управленца сегодня остается не креативность, а исполнительность (ср.: 1). В то же время можно говорить о наличии у российских управленцев стремления совершенствовать свои управленческие навыки, овладевать новыми технологиями. И все же процесс осознания важности формирования нового профессионализма пока опережает реальное овладение этими навыками.

По мнению западных исследователей, которые обратились к проблеме специфики управленческого профессионализма руководителей в сфере культуры, управленцы культуры зачастую обладают более глубокими профессиональными навыками, чем иные государственные и местные чиновники. К такому выводу приходит, в частности, П. Кланси², выделившая ключевые задачи и необходимые для этого компетенции, которые требуются управленцу культуры для эффективного осуществления деятельности (17, с. 79).

Западные – особенно европейские – аналитики достаточно часто используют понятийные категории «администратор» и «менеджер» культуры. В Европе подобное разграничение профессиональной принадлежности управленцев в культуре получило развитие в 1960-е годы, когда доминировавшая идеология демократизации культуры способствовала усилению позиции культурных политиков и организаторов³.

2. П. Кланси опросила первых руководителей 539 организаций культуры и 168 старших менеджеров.

3. Четкое разграничение администрирования и менеджмента дано в концепции канадского философа К. Ходжкинсона, определявшего администрирование как процесс абстрактный, философский, качественный, стратегический и гуманистический по сути, а менеджмент – как процесс конкретный, практический, прагматический, ко-

Европейские и американские исследователи и аналитики последовательно занимаются также изучением проблемы успешного управленческого профессионализма менеджеров культуры в условиях рынка, особо подчеркивая неэффективность нерыночных методов работы. На первое место западные исследователи ставят те из них, которые дают возможность формировать «социальный капитал» в рыночной экономике: способность оценивать ситуацию и побуждать других к действиям посредством тесных межличностных контактов», «мобильность, умение рисковать, принимать жесткие решения, отсутствие страха перед ошибками и умение их признавать» (12, с. 59). Важной составляющей новых умений и фактора успеха, по их мнению, является способность сформировать команду, учитывая интересы и пристрастия сотрудников и интегрируя их в общие цели развития организации.

Достаточно важно выяснить, как сами руководители сферы культуры разных стран оценивают управленческие компетенции, которые позволяют им достигать успеха в осуществлении управленческой деятельности. Сравнение подобных представлений позволяет понять разными или совпадающими являются такие позиции, какие механизмы лежат в основе наблюдаемых различий, в чем российские управленцы сферы культуры отличаются от западных. Ответы на эти вопросы мы попытались найти, проводя опросы руководителей сферы культуры из разных стран. Поскольку исследования проводились в разные годы, это позволило выявить не только межкультурные различия и совпадения, но и динамику наблюдаемых изменений.

Представления об успешном управленце российских и европейских руководителей культуры в сравнении с самооценкой

Эмпирическое сравнение представлений российских и европейских руководителей сферы культуры было впервые осуществлено одним из авторов в 2004 г.⁴ В выборку исследования вошли западноевропейские, восточноевропейские и российские руководители сферы культуры⁵. Исследование проводилось с помощью специально сконструированного опросника, содержащего 40 профессиональных и личностных качеств, на которые в своей деятельности должен опираться руководитель (образ успешного управленца) и на которые

личественный, технический и технологический по природе. Администратор «делает политику» (через «идею» – ее аргументацию, диалектику и разъяснение, «планирование» и «политический процесс убеждения»); менеджер – «претворяет политику в жизнь» посредством мобилизации ресурсов, осуществляя непосредственное управление и мониторинг. См.: (19).

4. Предварительные результаты исследования см.: (4).

5. В 2004 г. в исследовании с использованием оценочных шкал приняли участие 813 российских и 120 респондентов из Западной и Восточной Европы.

он фактически опирается в процессе своей работы (самооценка). При разработке шкалы мы опирались на известные исследования, в которых сформулирован набор качеств, необходимых для осуществления менеджерской деятельности (см.: 6; 7; 22 и др.). В основу сконструированной нами шкалы были положены два принципа. Во-первых, внимание фокусировалось на качествах, которые представлялись исследователям необходимыми в условиях неопределенности. Во-вторых, шкалы включали качества, отражающие личностную специфику управленцев: коммуникативную активность, характер конфликтных стратегий, способность к риску, инновационный потенциал, креативность и др.

Участники исследования должны были проранжировать предлагаемые качества в зависимости от их важности для успешного управления и для собственной деятельности. Более высокие по значимости качества получали меньшую ранговую позицию (начиная с 1)⁶. Качества были подобраны таким образом, чтобы избежать «жесткой привязанности» к управленческой деятельности в каком-либо из секторов культуры. Это позволяло в дальнейшем сравнивать определенную группу управленцев с любыми другими интересующими группами.

Исследования показали, что информативность результатов, полученных посредством шкалы из 40 качеств, не снижается, если перейти к агрегированной шкале, что позволяло оперировать менее громоздкими данными и избавляло интерпретацию от излишних подробностей. Важно, что превращение 40 качеств в восемь агрегированных показателей производилось посредством экспертных оценок. К каждому из агрегированных показателей эксперт мог отнести от четырех до шести качеств. Полученные экспертные оценки по суммации качеств и позволили выделить агрегированные показатели (см. табл. 1).

Полученные в 2004 г. результаты позволили убедиться в том, что представления российских и европейских руководителей сферы культуры относительно образа успешного управленца в сравнении с самооценкой имеют свои особенности, показывающие специфику адаптации этих групп администраторов к рыночным отношениям в культуре. Данные табл. 1 наглядно демонстрируют как различия в представлениях трех выделенных групп управленцев, так и совпадения, свидетельствующие о том, что расхождения в оценках российских и европейских администраторов являются скорее локальными, нежели всеобъемлющими.

Анализ агрегированных показателей позволил убедиться в том, что существенных расхождений при построении образа успешного управленца между россиянами и европейскими руководителями не наблюдается. Синхронизированы оценки трех групп администраторов по показателям партнерства и коммуникативности, доминирования, консерватизма и прагматизма. Показатель солидарно-

6. Подробное описание сконструированной шкалы качеств см.: (5).

сти в образе успешного управленца для западных европейцев, по сравнению с коллегами из Восточной Европы и России, имеет большую значимость.

Таблица 1

**СРАВНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКИХ И РОССИЙСКИХ
АДМИНИСТРАТОРОВ КУЛЬТУРЫ О КАЧЕСТВАХ УСПЕШНОГО УПРАВЛЕНЦА
И САМООЦЕНКИ (агрегированные показатели, ранговые позиции, 2004 г.)**

Агрегированные показатели	Западная Европа		ЦВЕ		Россия	
	Образ успешного управленца	Само-оценка	Образ успешного управленца	Само-оценка	Образ успешного управленца	Само-оценка
Партнерство и коммуникативность	1	1	1	1	1	2
Инновационность	2	2	2	2	4	4
Креативность	3	4	4	5	2	6
Солидарность	4	3	5	3	5	3
Стрессоустойчивость	5	5	3	4	3	1
Прагматизм	6	6	6	7	6	5
Консерватизм	7	7	7	6	7	7
Доминирование	8	8	8	8	8	8

Различия тем не менее есть. Показатель инновационности в сознании россиян предстает как менее значимый по сравнению с европейскими администраторами сферы культуры. И наоборот, отечественные управленцы в отличие от своих коллег несколько преувеличивают значение таких качеств как креативность и стрессоустойчивость, тем самым как бы подтверждая заинтересованность в том, чтобы в одном случае развивать свою креативность, в другом – добиваться снижения уровня стресса в повседневной работе. Некоторые различия в оценках при построении образа успешного администратора наблюдаются также между западными и восточными европейцами. Они касаются такого качества как стрессоустойчивость. Восточные руководители в отличие от западных придают ему большее значение, что, по-видимому, свидетельствует о более высоком уровне напряжения в работе восточноевропейских управленцев.

И хотя у исследованных групп администраторов культуры существуют определенные различия в образе успешного управленца, утверждать, что они носят принципиальный характер, нельзя. Скорее полученные данные позволяют говорить о том, что руководители сферы культуры разных стран движутся в одном направлении в осознании качеств успешного управленца.

Этого, однако, нельзя сказать относительно самооценок опрошенных. Представленные в таблице данные указывают, что расхождения относительно самооценок администраторов разных стран весьма выражены, за исключением таких качеств как доминирование и солидарность. Доминированию управленцы всех стран отводят в самооценке последнюю ранговую позицию. Солидарности – синхронно отводят третью позицию, подчеркивая, что это важное качество.

Наибольшие расхождения в самооценке наблюдаются относительно такого качества как стрессоустойчивость. В самооценке россиян это качество стоит на первом месте, у восточных европейцев оно занимает только четвертую, а у западных – даже пятую позицию. Это свидетельствует о том, что российские руководители испытывают серьезные перегрузки в работе и вынуждены ежедневно бороться со стрессами в условиях финансового дефицита и нарастающей неопределенности. Более взвешенное отношение к стрессоустойчивости европейских администраторов свидетельствует о более комфортных условиях работы, что обуславливает меньший запрос на развитие в себе подобного качества.

Отмечены расхождения в самооценках и по таким качествам как инновационность и креативность. И россияне отводят этим качествам соответственно лишь четвертую и шестую позиции, но европейцы – значительно более низкое место. Причем различия между восточноевропейскими и российскими администраторами в оценке креативности выражены менее заметно, чем с западноевропейскими руководителями.

Это, скорее всего, свидетельствует о том, что россияне, хотя и осознают уже важность инновационности и креативности для ежедневной управленческой деятельности, но сами должным потенциалом этих качеств пока не обладают и, что более важно, – фактически не могут использовать их в своей повседневной работе.

Итак, европейские и российские руководители ориентируются на близкие представления, когда речь идет об образе успешного администратора культуры. Однако различия в руководимых ими институтах остаются весьма значительными, что предопределяет более существенные расхождения в самооценках качеств, наиболее востребованных в повседневной управленческой деятельности.

Наличие выраженных различий в самооценках российских и европейских администраторов свидетельствуют, скорее всего, о том, что в российских условиях эффективными оказываются принципиально иные стратегии управленческой деятельности. Российские руководители сферы культуры вполне готовы к работе в рыночных условиях, однако управляемые ими социальные институты, формальные и неформальные правила их функционирования фактически не обладают должным ресурсом.

Управленческие компетенции в оценках руководителей сферы культуры Европы и Северо-Запада России

В 2009 г. было решено отказаться от авторских шкал, заменив их инструментарием, разработанным ирландской исследовательницей П. Кланси, а также американским социологом П. ДиМаджио. Исследование, выполненное с привлечением иного социологического инструментария, должно было показать, насколько достоверны полученные ранее результаты, изменились ли представления руководителей сферы культуры России относительно востребованных управленческих компетенций⁷, отличаются ли эти представления от мнения европейских коллег.

В первую очередь выяснялось как складываются представления россиян относительно важнейших управленческих компетенций, которыми они должны обладать. Затем эти оценки сравнивались с результатами, полученными пятью годами раньше. Следующий шаг предполагал сравнение этих оценок с мнением европейских коллег. В первую очередь анализировалось, в чем различия между этими тремя группами управленцев, велики ли расхождения позиций относительно наиболее востребованных управленческих компетенций. Эмпирическое исследование проведено по методике П. Кланси, которая в 1994 г., опираясь на материалы интервью с работниками сферы культуры Ирландии, разработала перечень управленческих компетенций работников сферы культуры, объединив их в группы: административные, финансово-правовые, личностные, коммуникативные и информационно-сетевые (17).

Полученные нами данные представлены в таблице 2. Как из нее следует, высший ранг в перечне компетенций, необходимых для управленческой деятельности в сфере культуры, по мнению россиян, занимает способность эффективно распределять время, планировать действия и организовывать ресурсы для достижения целей организации.

Наиболее важными, по мнению российских специалистов, являются административные управленческие компетенции (ср.: 10). Следующие за ними – финансово-правовые компетенции, на третьем месте – информационно-сетевые. Как это ни парадоксально, но личностным и коммуникативным компетенциям россияне отводят последние позиции. Можно предположить, что такого рода компетенции в повседневной деятельности респондентов наименее востребованы.

7. Анализ управленческих компетенций основывается на опросе 650 руководителей культуры Северо-Запада России в 2004 г., опрос, проведенный в мае 2009 г., включал группу руководителей и специалистов одного из региональных органов культуры СЗФО в количестве 47 человек (обработку данных 2009 г. выполнил Е.П. Чириков). Полученные оценки сравнивались с результатами исследования, проведенного П. Кланси в 1994 г. в Ирландии.

Таблица 2

**РУКОВОДИТЕЛИ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ИРЛАНДИИ
О ЗНАЧИМОСТИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ (РАНГОВЫЕ ПОЗИЦИИ)**

	Россия				Ирландия	
	Администраторы, 2009 г.	Администраторы Северо-Запада России 2004	Директора музеев 2004	Руководители театров 2004	Администраторы культуры 1994	Менеджеры музеев 1994
Способность эффективно распределять время, планировать действия и организовывать ресурсы для достижения целей организации	1	1	1	1	1	1–2
Способность ставить задачи другим и контролировать их эффективное выполнение	2	2	4	2	12	7
Знание законов	4	3	5	3	16	16
Способность быстро охватить всю проблему	3	4	2	5	9	8
Способность рассчитывать и распределять необходимые финансовые ресурсы и аккуратно следить за их расходованием	5	5	3	4	4	9
Способность выслушивать иную точку зрения, тонко проводить переговоры и принимать во внимание нужды других	6	6	8	7	3	3–4
Знание потенциальных источников финансирования	8	7	6	6	8	14
Способность быть уверенным и убедительным	7	8	7	8	2	5
Способность создавать и сохранять контактные сети и каналы связи с внешним миром	9	9	9	9	7	11
Способность не отставать от подходящего местного, национального и международного политического, экономического и культурного опыта	10	10	10	12	14	12
Способность придерживаться плана и избегать лишнего контроля над собой	11	11	11	10	11	6
Знание местных, национальных и международных организаций	12	12	13	16	15	15
Способность проводить эффективные собрания	13	13	16	15	13	13
Способность влиять на людей и быть «победителем дня»	15	14	14	11	10	10
Способность к эффективной устной презентации	14	15	12	13	6	3–4
Способность хорошо готовить письменные презентации	16	16	15	14	5	1–2

В отличие от россиян ирландцы наиболее важными считают коммуникативные компетенции, более высоко оценивают личностные компетенции (третье место).

Особенно выпукло различия выражены относительно презентационных навыков. Европейские администраторы отмечают особую важность подобных способностей для успешного руководства, тогда как россияне отводят им более скромное место.

Наибольшие расхождения касаются знания законов, потенциальных источников финансирования, административных навыков ставить задачи другим и контролировать их выполнение, а также рассчитывать и распределять необходимые финансовые ресурсы и аккуратно следить за их расходованием, а также таких личностных качеств, как способность придерживаться плана и избегать лишнего контроля над собой. Важную роль ирландцы отводят умению вести переговоры, тогда как россияне в представлениях об успешном руководителе отводят этому навыку лишь среднюю позицию.

В полной мере мнение отечественных и зарубежных управленцев совпадает относительно способности эффективно распределять время, планировать действия и организовывать ресурсы.

Итак, данные, полученные с использованием другого социологического инструментария, и пять лет спустя свидетельствуют как о наличии межкультурных, так и внутригрупповых различий исследуемых групп управленцев сферы культуры. Различия эти обусловлены как социокультурными особенностями стран, так и собственно спецификой управленческой деятельности каждой из групп респондентов.

Как и пять лет назад можно говорить о том, что современные российские руководители сферы культуры ориентируются как на схожие с европейцами, так и на принципиально иные стратегии управленческой деятельности. Пять лет назад россияне недооценивали значение инновационности и креативности, переоценивая значение стрессоустойчивости, что серьезно отличало их от европейских управленцев. И сегодня российские руководители остаются заложниками формальных схем управления, предполагая, что контроль за ситуацией, знание законов и способность ставить задачи другим важнее всего остального. Европейцы убеждены в необходимости для эффективного управления несколько иных качеств: в их ряду самые главные позиции занимают коммуникативные навыки управленческой деятельности. Более внимательно европейцы относятся к своему личностному потенциалу, справедливо полагая, что личностные навыки иногда важнее формальных навыков управленческой деятельности. Россияне же явно недооценивают значение личностного ресурса, предполагая, что знание принципов организации управленческой деятельности, повсеместный контроль и знание законов обеспечат им успех в управленческой карьере.

Безусловно, это не означает, что российские управленцы хуже или лучше своих европейских коллег 15-летней давности, однако явно указывает на переоценку российскими руководителями значения институциональных условий своей деятельности по сравнению с личностными ресурсами.

Однако не исключено, что управленцы сферы культуры не просто недооценивают значение личностных качеств, а выделяют среди них те, которые напрямую с осуществлением управленческих функций не связаны, а имеют более широкий общегуманитарный характер. Данное предположение мы попытаемся проверить в рамках исследования, представленного ниже.

Успешный управленец сферы культуры: Сравнительный анализ американских и российских администраторов

Для решения поставленной задачи была использована методика американского социального психолога П. ДиМаджио.

Несмотря на то, что в методике П. ДиМаджио не было совпадения с набором управленческих навыков, предложенных П. Кланси, как и не было совпадения в наборе качеств и с нашей авторской методикой из 40 управленческих позиций, сравнение представлений российских и американских управленцев по новой шкале позволяло определить, насколько российские руководители ориентированы на рыночные, а, следовательно, конкурентные методы работы, какие из предлагаемого набора управленческих качеств они считают более важными, ориентируются ли они на опыт управления в сфере культуры или на любой другой опыт в смежной с культурой сферой.

Таблица 3 свидетельствует, что для российских администраторов культуры первостепенное значение при построении образа успешного управленца имеют: понимание специфики культуры, эрудиция, тактичность, утонченность и стиль.

Данные предпочтения российских руководителей, где понимание специфики культуры сочетается с широкой эрудицией и одновременно с высокой сензитивностью к общегуманитарным личностным ресурсам, таким как тактичность, утонченность, целеустремленность, позволяют убедиться в том, что управленцы сферы культуры в меньшей степени ориентированы на волевые и лидерские качества, а в большей – чувствительны к общегуманитарным ценностям, к высокому уровню человеческого воспитания, которые непосредственно не связаны с управленческими компетенциями как таковыми. Интересно, что это является общей тенденцией и для американских, и для российских руководителей, хотя принято считать, что американцы отличаются от россиян большей прагматичностью.

Особое место в структуре выделенных качеств у российских управленцев занимает эрудиция. Не исключено, что работники российских региональных

органов культуры, как правило, являются трансляторами действующих норм и правил для широкого круга лиц, работающих в сфере культуры, что предполагает наличие разнообразных знаний. Не будем забывать, что, оценивая эрудицию как необходимую составляющую своей деятельности, российские управленцы культуры имеют в виду именно профессиональную эрудицию. Американцы же отдают эрудиции весьма скромную позицию, предполагая, что управленческий опыт, умение составить бюджет, тактичность, утонченность и стиль являются наиболее важными качествами по сравнению с остальными.

Таблица 3

	Администраторы культуры России	Руководители художественных агентств США
Понимание специфики культуры	1	4
Эрудиция	2	7
Тактичность, утонченность и чувство стиля	3	3
Целеустремленность	4	5
Профессиональная подготовка по одной из отраслей культуры	5	10
Опыт работы в организации культуры	7	8
Умение составить бюджет	8	2
Управленческий опыт	9	1
Способность руководителя добиваться грантов	10	6

Оценки, данные российскими управленцами, где два качества из трех, самых важных для американцев, фактически оттеснены на периферию «успешных качеств». Почему столь различаются представления этих двух групп управленцев сказать однозначно сложно. Но ясно одно, что та незначительная роль в управленческих навыках, придаваемая такому качеству как умение «составить бюджет», может объясняться привычкой российских управленцев работать в более «жестких финансовых рамках», где все процедуры в большинстве своем весьма ограничены. Это может приводить к явной недооценке этих навыков со стороны российских коллег.

Зоной совпадения представлений отечественных и американских руководителей культуры является высокая оценка важности тактичности, утонченности и стиля, что свидетельствует, скорее всего, о желании отразить специфику культуры как общественного института, управление которым предполагает понимание уникальности возникающих ситуаций, способность учитывать их многообразие, использование «тонких» управленческих методов для их преодоления.

Обращает на себя внимание тот факт, что американцы весьма скептически относятся к наличию профессиональной подготовки по одной из отраслей культуры, в то время как российские управленцы продолжают считать

наличие такой профессиональной подготовки относительно значимым фактором (десятая позиция у американцев, пятая – у россиян).

* * *

Подведем некоторые итоги. Во-первых, европейские и российские руководители сферы культуры ориентируются на схожие представления, когда речь идет об образе успешного управленца. Это означает, что у них складывается приблизительно совпадающая картина относительно того, куда целесообразно двигаться в профессиональном и личностном развитии, чтобы добиться успеха в управлении сферой культуры своих стран, несмотря на существующие социальные, экономические и политические различия. Иные тренды характерны для самооценок. Там различия заметны и существенны. Особенно это касается трех важнейших качеств: стрессоустойчивости, инновативности и креативности, которые собственно и лежат в основе модернизационного потенциала отрасли. Наблюдаемые в исследовании расхождения в самооценках могут быть следствием принципиальных различий в формальных и неформальных правилах, действующих внутри и вовне руководимых ими институтов культуры. Можно говорить, что в России институты оказываются сильнее действующих в них игроков, предопределяя тем самым характер выбираемых ими управленческих стратегий. Более того, различия в самооценках российских и европейских администраторов свидетельствуют, скорее всего, не о том, что российские управленцы в личностном и профессиональном плане слабее адаптированы к рыночным условиям, нежели европейцы, а о том, что в отечественных условиях эффективными оказываются принципиально иные стратегии управления.

Во-вторых, сравнение представлений ирландских и российских управленцев сферы культуры относительно навыков, которые нужны в повседневной работе современному управленцу, показывает, что системы их представлений существенным образом различаются. Объединяет их лишь одно – понимание того, что современный управленец должен уметь эффективно распределять время, планировать действия и организовывать ресурсы для достижения целей организации. В остальном – такое складывается впечатление – речь идет чуть ли не о разных сферах. Если ирландские руководители к самым главным навыкам управленца сферы культуры причисляют коммуникативные навыки, то российские управленцы на первые позиции выводят административные задачи. Если для ирландцев важно умение тонко вести переговоры и добиваться своих целей, то для россиян большее значение имеет способность охватить всю проблему. Это означает, что ирландские руководители действуют в открытом пространстве, тогда как российские управ-

ленцы продолжают обслуживать накопившиеся проблемы, не ставя перед собой более значимых целей.

В-третьих, российские и американские управленцы успехов в работе намерены добиваться за счет различных управленческих ресурсов. Образ успешного руководителя у российских управленцев является скорее традиционным, нежели рыночным. Не исключено, что система представлений российских управленцев отражает тот скрытый запрос, который формирует к ним система государственной службы. Отказаться прислушиваться к таким сигналам – значит жить «не по правилам». Именно поэтому переориентация установок руководителей сферы культуры с традиционных на модернизационные может состояться только тогда, когда будет изменена система сигналов, идущая от системы государственного управления в целом, когда будет изменена система сигналов, идущая от системы государственного управления в целом, когда принципы развития, модернизации и открытости перестанут быть декларативными, а превратятся в реальные инструменты развития системы государственной службы.

Литература

1. Атаманчук Г.В. Управление и персонал государственного аппарата // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2008. – № 2. – С. 66–77.
2. Барбакова К.Г., Васильева Е.Н. Управленцы в сфере культуры: проблемы подготовки и профессиональной деятельности // Социологические исследования. 2007. – № 4. – С. 65–69.
3. Бояцис Р., Гоулдман Д., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.
4. Востряков Л.Е. Европейские и российские администраторы культуры: образ идеального управленца // Россия и современный мир. 2004. – № 4. – С. 39–55.
5. Востряков Л.Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение – СПб: изд-во СЗАГС, 2005.
6. Вудкок Д. Раскрепощенный менеджер. – М.: «Дело», 1991.
7. Карпов А.В. Психология менеджмента. – М: 1999.
8. Косов Ю.В. Методологические основы компетентностного подхода // Материалы научно-методической конференции СЗАГС, 2009. Современное образование: опыт, проблемы, качество. – СПб, изд-во СЗАГС, 2009. – С. 18–24.
9. Кротова Н.В. Психологическая структура личности молодого менеджера социально-культурной сферы: диагностика профессиональной и психологической пригодности // Культура: управление, экономика, право. 2003. – № 2. – С. 20–28.
10. Марков В.Н. Личностно-профессиональный потенциал управленца и его оценка. – М: Изд-во РАГС, 2001.
11. Романов В.Л. Организационная культура государственной службы // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2009. – № 2. – С. 5–24.
12. Сьючи Ш. Подготовка музейных директоров нового тысячелетия // Экология культуры. – Архангельск, 1999. № 5.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

13. Черныш М.Ф. Менеджеры: управление и культура // Россия реформирующаяся. М. Academia, 2002. С. 34–51.
14. Albanese R. Competency-based management education // Journal of Management Development, 1989. – № 8(2). – P. 66–76.
15. Boyatzis R.E. The Competent Manager: A Model for Effective Performance. – New York: Wiley, 1982.
16. Cameron K.S. and Whetten D. S. Developing Management Skills. – Illinois and L.: Scott, Foresman & Co, 1984.
17. Clancy P. Managing the Cultural Sector. Essential Competencies for managers in Arts, Culture and Heritage in Ireland. – Dublin: Oak Tree Press, 1994.
18. DiMaggio P. Managers of the Arts, Washington: Seven Locks Press, 1987.
19. Hirsh W. and Bevan S. Managerial competences and skill languages // Competent to Manage: Approaches to Management Training and Development. / Ed. by M. Silver. – L.: Routledge, 1991.
20. Hodgkinson C. Administrative Philosophy: Values and Motivations in Administrative Life. – Kidlington; Oxford: Pergamon, 1996.
21. Silver M. Defining and delivering the product: an overview // Competent to Manage: Approaches to Management Training and Development / Ed. by M. Silver. – L.: Routledge, 1991. – P. 65–82.
22. Stogdill R. M. Handbook of Leadership. – N.Y., 1974.
23. Woodruff C. What is Meant by a Competency // Designing and Achieving Competency: A Competency-based Approach to Developing people and Organisation / Eds. R. Boam and P. Sparrow. – L.: McGraw-Hill, 1992.

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

С.Ю. Казеннов, Е.М. Королева

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБОРОННОГО КОМПЛЕКСА РФ: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ

Казеннов Сергей Юрьевич – кандидат экономических наук,
заведующий группой геополитики ИМЭМО РАН.

Королева Евгения Михайловна – научный сотрудник ИМЭМО РАН.

Модернизация оборонного комплекса предполагает не только совершенствование чисто военной сферы, переход к так называемой «инновационной армии» (ИА), но и развитие невоенной компоненты, которая сегодня играет все более важную роль в обеспечении национальной безопасности, оптимизации сил и средств для решения данной задачи. Особенно эта комплексность актуальна в современной России, с учетом текущего состояния ее военной мощи и очевидных серьезных проблем на пути ее качественного укрепления. Чем принципиально отличается ИА от «традиционной»? В первую очередь ИА предполагает резкое наращивание боевых возможностей, многовариантность применения в пространстве и времени, расширение (в том числе и территориальное) боевых и связанных с ними задач, включая военнополитические. ИА, а также смежные и обеспечивающие ее деятельность структуры, такие как оборонно-промышленный комплекс (ОПК), военнориентированные исследования и разработки – НИОКР и так далее обладают новыми свойствами и качествами. Причем не только по своему военнотехническому оснащению и «облику», но и по организации и управлению, представлениям о военном искусстве и параметрах военной деятельности, измененному характеру выполняемых персоналом функций, качественному преобразованию «технологий» всего «производственного процесса» в сфере военной деятельности и национальной безопасности в целом.

Существует три взгляда на возможность глубокой модернизации и реформирования оборонной сферы РФ, в том числе появления в России в обозримом будущем ИА. Первая группа оценок, назовем ее «министерской», делает упор на то, что в вооруженных силах (ВС) РФ успешно и по плану идут комплексные, масштабные, радикальные реформы, включая Госпрограмму вооружений на 2007–2015 гг. К 2016 г. будут полностью переоснащены новым и новейшим вооружением части постоянной готовности, а к 2020 г. – вся армия. Второй подход – «алармистский» – делает (причем совершенно справедливо) акцент на трудностях и ограничителях модернизации оборонной сферы РФ, ставя тем самым под вопрос саму возможность осуществления глубокой инновационной модернизации, создания в этих условиях ИА в России в обозримый период, тем более на фоне кризиса. Причем проблемы и сложности нынешней модернизации выглядят значительными даже по сравнению с «лихими 90-ми», когда еще оставались технологические заделы и «железные» кадры советских времен, их опыт, ответственность за порученное дело. Заметим, что если бы не эти люди во главе тогдашней оборонки, не было бы многого из того, что и сегодня определяет наш военный и оборонно-промышленный потенциал.

Наконец, третья группа оценок – на наш взгляд, реалистичная – концентрируется на вопросе, *какая* армия и оборонная сфера в целом, включая ОПК, нужны России для выполнения задач по обеспечению ее национальной безопасности, каким критериям, образцам должна соответствовать российская военная мощь и ее ИА. *Как «сделать ИА»* в конкретных российских условиях, а также как аккумулировать и на что направить в первую очередь те не слишком значительные ресурсы, которыми Россия располагает в настоящее время. И почему с созданием ИА никак не следует тянуть. А значит, необходимо даже в сложных экономических условиях изыскивать ресурсы (не сводимые к финансовым) для данных преобразований. Тем более что в российском оборонном комплексе, наряду с очевидными трудностями, имеются и неоспоримые достижения в ряде секторов того же ОПК. По крайней мере, в данном подходе присутствует вера в способность исправить сегодняшнее положение вещей и совершить своего рода «прорыв в завтра». И в любом случае, тем более при ограниченной возможности создания в РФ современной конкурентоспособной ИА в обозримом времени, нужно очень тщательно заниматься поиском способов нейтрализации ИА, уже имеющих в распоряжении наших потенциальных противников или только создаваемых. Выявлять, как Россия практически может противодействовать этой очевидной угрозе ее национальной безопасности. В этом же ряду задач – правильная оценка соотношения и функционального предназначения прямого и непрямого использования ВС, военной и невоенной компонент совокупной мощи государства. С учетом взаимодополняемости и взаимозаменяемости имеющих сил и средств, характера международной обстановки и т.д.

Особо подчеркнем, что осуществляемая в современном мире модернизация оборонного комплекса – не что-то уникальное в мировой военной истории. Военная деятельность, как и многое другое, – циклична, развивается по спирали. Каждый инновационный виток менял представления, подчас коренным образом, о возможностях военной силы как инструмента политики, в том числе для решения с ее помощью различных задач, характере военных приготовлений, соотношении сил и векторов в геополитике и т.д. Так что не следует ни преуменьшать значения нынешнего цикла модернизации и его всесторонних последствий, ни испытывать перед ним священный трепет, парализующий волю к конструктивным действиям. Если кратко охарактеризовать главное в теперешней инновационной модернизации оборонного комплекса, – это теснейшая интеграция различных элементов силовой деятельности на базе новейших военно-технических достижений и их наиболее полное встраивание в общую систему обеспечения безопасности военными и невоенными средствами. Именно резкое повышение управляемого взаимодействия всех этих элементов и дает эффект кардинального, порядкового наращивания военной и сопряженной с ней мощи и возможностей по ее результативному использованию.

Не может быть двух мнений – в РФ инновационная модернизация всего оборонного комплекса, безусловно, необходима. Тем более сегодня, в условиях растущей геополитической нервозности, в том числе вызванной глобальным кризисом, когда военная сила становится еще более важным страхующим средством. Так что проблема создания ИА в России – это не дань моде в погоне за мировыми стандартами и даже не только вполне объяснимая попытка закрепить за собой место в новом миропорядке, по крайней мере в его силовой сфере. Более 80% всех вооружений в Российской армии морально или даже физически устарело и требует замены. Что, кстати, показали даже события августа 2008 г. Особо подчеркнем, доля новых и новейших вооружений у армий ведущих в военном отношении стран мира в несколько раз выше, чем у России, причем на подходе – еще более совершенные вооружения и военная техника (ВВТ) следующих поколений. И нынешнее состояние военного, военно-экономического, военно-технического потенциала РФ явно не соответствует требованиям и задачам по обеспечению национальной безопасности страны, ее военной составляющей. По крайней мере, если рассматривать ситуацию уже обозримой перспективы, даже вполне близкого будущего. Другой вопрос, если Российская армия получит новые вооружения – сможет ли (и будет ли кому) их правильно использовать для решения каких-либо доктринальных задач. И какие вооружения, технологии, кадры будут для этого нужны, в каком количестве. Какие ограничители являются наиболее существенным препятствием на пути создания ИА и как их обойти или минимизировать.

Поэтому инновационная модернизация оборонного комплекса – действительно «комплексная» задача. Она не сводима к военно-техническим преобразо-

ваниям, не меняя в армии всего остального, а также отношения к армии и ОПК, вопросам национальной безопасности со стороны общества, к «служению Отечеству». А это предполагает формирование реалистичного видения роли и места армии, военной компоненты в обеспечении национальной безопасности РФ для парирования реальных и потенциальных угроз, их предвидения и предупреждения. Под которые и следует проводить инновационную модернизацию армии, все строительство ВС и ОПК РФ. Сегодня без особого риска ошибиться можно назвать угрозы и набор конфликтов, к которым России нужно готовиться (с соответствующим наличием сил и средств). Разумеется, принимая во внимание вероятность их возникновения и интенсивность на различных направлениях, в разных сферах. Так что, подчеркнем это, общий вектор реформ, круг проблем и перечень необходимых шагов для их решения, приложения ресурсов, общие пропорции инновационного развития оборонного комплекса РФ в целом ясны. Тем более что при любом типе угроз есть набор требований, своего рода «техминимум», которым должны соответствовать современные ВС. При этом важно избежать перекосов и в доктринальных оценках, и в акцентах модернизации, общем построении и масштабах оборонного комплекса.

Россия, безусловно, может столкнуться с необходимостью осуществления контртеррористических операций (КТО), действий в рамках локальных конфликтов. Но и возможность «большой войны», при определенном неблагоприятном стечении условий и обстоятельств, — отнюдь не самый невероятный сценарий для РФ. Причем это не только пресловутая «угроза с Запада». Особенно важно: российская внешняя и оборонная политика должна строиться таким образом, чтобы у страны и ее ВС была возможность маневра, «выбора», в каких конфликтах, какого уровня и в каком качестве следует участвовать, а в каких нет. Где-то ограничившись демонстрацией амбиций, намерений, выражением «дружеской поддержки» и иными шагами. Есть и конфликты, участие в которых является для РФ и ее национальной безопасности абсолютно неприемлемым, а потому необходимо сделать все для их недопущения, эффективного сдерживания, по крайней мере скорейшего решения или локализации.

Непременное условие инновационного развития в военной сфере — учет состояния экономической, технологической, даже идеологической базы. Выработка доктринальных целей и задач, приоритетных направлений развития оборонного комплекса, его инновационной модернизации должна рассматриваться в тесном взаимодействии, взаимоувязке с готовностью, реальными и конкретными возможностями их осуществления. Так, в РФ в отличие от советского времени отсутствуют прежние рычаги воздействия на оборонную сферу и ОПК. Например, наращивание в кратчайшие сроки военного потенциала по необходимым направлениям, тем более инновационным, в том чис-

ле и за счет других сфер жизнеобеспечения государства и общества, сегодня трудновыполнимо как организационно, так и технологически.

Таким образом, далеко не праздный вопрос – в каком ключе проводить модернизацию ВС РФ и оборонного комплекса в целом в нынешних весьма стесненных и сложных обстоятельствах, при ограниченных ресурсах. Должно быть полное понимание того, что создание ИА – очень дорогой проект. Если сравнивать с лучшими современными образцами ВС, например, с США, то заметим: военные расходы РФ практически на порядок меньше американских и сопоставимы только с расходами США на военные НИОКР. Это не считая несопоставимых уже ранее сделанных вложений в совершенствование оборонного потенциала. Совершенно очевидно, что у РФ и США несоизмеримые экономические, технологические возможности и заделы. Правда, при этом у них и во многом разные геополитические задачи, для РФ вполне доступен поиск асимметричных ответов, не предусматривающих зеркальных решений с ее стороны, дабы, в числе прочего, не вносить ненужную конфронтационность в отношения РФ и США. То есть для РФ, ее оборонного комплекса это не просто «игра в догонялки». Принимаемые Россией решения должны быть реалистичны, экономичны и в то же время способны надежно обеспечить военную безопасность РФ и ее национальные интересы, в том числе перед лицом превосходящих по мощи, оснащенности ВВТ и другим параметрам сил. И Россия по целому ряду направлений способна дать достойный ответ инноватике даже ведущих в военной сфере стран мира, для этого существуют свои возможности.

Так, все более важную роль сегодня играют информационное оружие, оружие, «виртуальная мощь», которые мы достаточно успешно осваиваем. Значимые для проблем национальной безопасности сегменты российского «софта» общепризнанны одними из наиболее эффективных в мире. Если у нашего потенциального противника (или союзника?) такая компьютеризированная, «сетевая» армия, с широчайшим использованием информационных технологий (ИТ) на реальном поле боя и во всей военной сфере, то, может быть, здесь и есть его самое уязвимое место? И возможный ущерб от использования средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ), ИТ, кибертехнологий, хакерства для дезорганизации управления военной деятельностью и иных жизненно важных областей, например элементов ПРО, даже при всех системах защиты и дублирования, может оказаться весьма значительным. В США с полным на то основанием считают, что Россия и Китай – два главных противника Америки в глобальных «информационных войнах» будущего, причем не только в сугубо военной сфере.

Особый вопрос – статус РФ как ядерной сверхдержавы, наличие у нее значительных средств ядерного сдерживания (пусть даже имеющих сегодня свои немалые проблемы) для обеспечения ее национальных интересов. Обладая высоким ядерным потенциалом, этой нашей главной асимметричной «козырной картой», Россия в состоянии нанести противнику неприемлемый ущерб, даже

намного уступая ему по всему спектру военной мощи. Тем более с учетом того, что уровень неприемлемого ущерба постоянно и резко снижается в условиях высокой и быстрорастущей технoзависимости и общей системной взаимозависимости современного глобализованного общества, включая и оборонную сферу, инверсии фронта и тыла. Очевидно, что понимание этого, а также вероятность в определенных условиях эскалации обычного конфликта до уровня ядерного, способны охладить пыл иных оппонентов РФ. В частности, серьезно повлиять на чьи-либо планы агрессии (не только военной) или жесткого силового давления на Россию, тем более развязывания против нее «большой войны».

Значение ядерной компоненты, стратегических ядерных сил (СЯС) как средства сдерживания может усиливаться в ситуации, если возникают сомнения в способности сил общего назначения ВС РФ самостоятельно и надежно решать основные военные и военно-политические задачи по обеспечению национальной безопасности страны, разумеется, с учетом складывающейся внешней обстановки. Поэтому вполне уместна при планировании оборонной деятельности РФ постановка вопроса о снижении так называемого «ядерного порога» (расширения границ, перечня условий и обстоятельств для задействования варианта ядерного сдерживания). В этом свете сегодня России тем более логично было бы крайне осмотрительно отнестись к переговорам с Западом по глубокому сокращению СЯС и ядерных потенциалов в целом. Курс на создание Западом системы глобальной ПРО, стратегического неядерного высокоточного оружия и без того девальвирует возможности стратегического сдерживания со стороны РФ с помощью традиционной ядерной «триады». Разумеется, сценарий ракетно-ядерного обмена с Западом относится к категории крайне маловероятных, однако у России есть и другие потенциальные стратегические соперники, обладающие как ракетно-ядерными, так и мощными обычными вооружениями (и заметим, серьезными амбициями). Хотя самый главный враг российских СЯС – это значительное «сжевивание» существующего собственного потенциала без адекватной замены.

Впрочем, вполне допустимо, что при коренной модернизации военного потенциала ведущих мировых держав, появлении принципиально новых ВВТ и прочих атрибутов войны, сама постановка проблемы ядерного сдерживания может измениться. Другой вопрос – насколько радикально. Например, насколько изменятся сама парадигма, основные константы ядерного сдерживания, их абсолютность, как и возможность их преодоления. В том числе и в плане влияния на амбиции и представления основных мировых игроков о реальности достижения с помощью «инновационной» военной силы искомым результатов, не встретив при этом достойного отпора, «неприемлемого ответа». По крайней мере, глядя в перспективу со всеми ее инновационными неопределенностями, не следует все же переоценивать роль «ядерного зонтика»

(при ее несомненной приоритетности и важности) как фактора, полностью компенсирующего многие нынешние недочеты в военных приготовлениях РФ.

Для ВС РФ есть «специфическая» проблема, которую без инновационной модернизации не решить даже гипотетически, а не решив ее, мы не сможем в должной мере обеспечить обороноспособность страны. Очевидно, что наша армия не может быть «мобильной и компактной» – хотя бы в силу размеров территории страны (17,6 млн. км²) и протяженности границ (более 67 тыс. км.), а также неразвитости инфраструктуры, логистики, средств доставки. Это не Израиль размером в половину Московской области. И России придется, наверняка, выбирать свой «суверенный» вариант модернизации ВС, где необходимо и количество («гарнизонная» армия, особенно на малоосвоенных территориях, прежде всего на севере и востоке страны), и качество.

Уже через 10–15 лет, в силу естественных причин «демографической ямы» 90-х, численность ВС РФ может составить 600–700 тыс. человек «в погонах» плюс 0,5 млн. человек гражданского персонала. А это в полтора раза меньше, чем сама Россия планировала бы иметь к этому времени в армии. При сохраняющихся военных и военно-политических задачах этой численности без серьезной модернизации ВС явно недостаточно. Кстати, нынешний кризис и последующие за ним годы грозят России еще одним демографическим провалом. Среди всей массы призывников сегодня в России годны к службе безо всяких ограничений только 30%, еще 30% годны ограниченно. Переход на годичную службу (по сути, популистский шаг) не решил проблем с воспитанием и дисциплиной, при этом усугубил многие другие. Все меньше лиц из призыва идет на контракт. Второй контракт подписывает только каждый четвертый-пятый, третий контракт – единицы. Так что не исключено внесение новых коррективов в комплектование ВС России.

К сожалению, в настоящее время солдатский и сержантский контингент ВС РФ отнюдь не всегда в должной степени образован, подготовлен и мотивирован для решения существующих задач и при нынешней боевой технике. Что же говорить о технике следующих поколений, даже если она «вскорости» массово появится в войсках. Кто будет ее осваивать, кому ее можно доверить? В этом плане к оружию и системам оружия будущего должны предъявляться очевидные требования. При увеличении их сложности и эффективности одновременно необходимы простота и надежность, безальтернативность в их управлении и обслуживании персоналом, с этими вооружениями (или оборудованием) взаимодействующим (так называемая «дуракоустойчивость»). В связи со всем этим комплексом проблем встает вопрос: правильно ли мы ориентируемся в кадровой структуре ВС РФ на Запад? Возможно, у нас объективно должна быть выше доля офицеров и унтер-офицеров, способных овладевать и на протяжении длительного периода обслуживать сложную, тем более новейшую, технику. Для которых армия – это не «временка», а смысл жизни и карьеры.

Сегодня мы действительно находимся в процессе революции в военном деле, в том числе кадровой. Уже теперь, а не в войнах будущего, меняется само представление о «поле боя». Оно многомерно, растянуто и дискретно в пространстве и одновременно функционально локализовано. Применение боевой техники все более носит дистанционный характер и не требует соприкосновения с неприятелем и его средствами поражения. А значит, нет и прежних «особенных» требований, предъявляемых к части операторов оружия и другого персонала. И это расширяет базу комплектования именно для ИА за счет так называемых «очкариков», женщин, а также прочих недоступных в нынешних условиях потенциальных кадров для ВС. Средства и объекты координации, информационного обеспечения, сопровождения, управления боевыми средствами и зоны непосредственного боеконтакта могут быть разнесены в пространстве. Неизбежен рост в армии «беловоротничковой» прослойки, мало отличающейся от обычных гражданских служащих по характеру и месту работы. Это могут быть как военные, так и супергражданские специалисты, причем находящиеся в центрах дистанционного управления, в том числе в тыловой зоне. Для все более значительной части персонала ВС война становится «бесконтактной».

Таким образом, сама жизнь, включая кадровые проблемы при смене характера и сути военной деятельности, заставляет повышать «органическое строение» армии, все больше ориентироваться на так называемый «прошлый труд», предъявлять особые требования к интеллекту, переводить многие элементы в цикл оборонной деятельности с непосредственного поля боя на более ранние стадии – в производственные цеха, лаборатории, компьютерные центры управления и т.д. Роль человека в ИА не снижается, наоборот, она возрастает, но при значительном изменении характера и расширении набора выполняемых функций. Никуда не уйти и от постепенного «выведения» человека с линии прямого боеконтакта с частичной заменой «живой силы» робототехникой, кибертехнологиями. Причем не только по причине особой «чувствительности» современных развитых обществ к боевым потерям, даже небольшим по меркам прошлого.

Одновременно необходимо резкое повышение всестороннего обеспечения военнослужащих на передовой – экипировкой, вооружением, связью, разведанными и информацией, системой защиты, питанием, постоянной поддержкой боевыми средствами и т.д. Нужно сделать их «работу» как можно более безопасной и престижной в их собственных глазах, а также не допустить раскола в ИА на «белую кость» и «пушечное мясо». Но для реализации всего этого нужны не только очень большие средства, но и соответствующая исследовательско-конструкторская и производственная база, совершенно другому подготовленный и мотивированный персонал, нужно время, нужна действительно *другая* армия. Зададимся вопросом – способна ли сегодня Россия на подобные кардинальные преобразования в сжатые сроки? Или наш

путь реформирования военной сферы все же будет иным по времени, содержанию, объему?

Увы, но оборонному комплексу, ОПК РФ до конца так и не удалось преодолеть последствия погрома перестроечных и постперестроечных лет, пресловутой «борьбы с милитаризацией», переломить негативные тенденции. И сегодня ситуация не слишком улучшается. При этом в качестве главного препятствия указывается недофинансирование оборонного комплекса, на которое есть большой соблазн списать значительную часть проблем ВС и ОПК. Однако во многих случаях ситуация куда более запутана и запущена, проблемы лежат гораздо глубже, а разрешить их гораздо труднее. Подчас даже при выделенных средствах это просто отсутствие реального потенциала, в том числе творческого, инновационного, для создания, серийного (и более экономичного) производства современных и перспективных образцов в ОПК и надежной эксплуатации ВВТ в войсках. Эксперты указывают на общую неэффективность оборонной сферы, слабый менеджмент, давно устаревшую производственную и технологическую базу, безрадостные кадровые вопросы и многое другое. Для всего оборонного комплекса РФ характерны финансовая непрозрачность, прямые финансовые нарушения. Утрачена целостность оборонного комплекса, управления им, маневра в его рамках. Обеспечению его полноценного функционирования очень мешают корпоративность, организационная неразбериха, здесь, как правило, не до инноватики. Необходимо осуществление реинтеграции различных элементов оборонного комплекса, устранение искусственных барьеров (организационных и денежных) между ВС, ОПК, военной наукой.

Что касается недофинансирования, зашкаливающих ставок по кредитам для оборонных предприятий, то действительно средства на оборону в последние 20 лет выделялись не слишком щедро, их ежегодный рост практически покрывал лишь реальную инфляцию. При этом в структуре военных расходов доля на ВВТ практически не менялась, несмотря на обещания, особенно с учетом груза социальных программ. Однако даже то, что было выделено по военному бюджету (а это в среднем 2,6–2,7% ВВП), зачастую расходовалось не полностью даже в годы секвестра. А из того, что осваивалось, до 40% приходилось на четвертый квартал (можно догадаться, как и с каким результатом). Однако кто объяснит, почему на сопоставимые средства, например, индийская армия умудряется закупать реальных вооружений в несколько раз, на порядок больше, чем российская? Почему в погоне за мнимыми выгодами «копеечной» стандартизации в ракетной промышленности РФ в результате технических нестыковок, субъективизма в принятии решений был нанесен серьезный урон отрасли и значительно ослаблены возможности развития морской компоненты стратегического ракетно-ядерного сдерживания?

В последние годы в России в структуре расходов на ВВТ довольно значительно были повышены расходы на военные НИОКР. Однако отдача от этого шага оказалась крайне слабой. По-настоящему эффективной является лишь малая часть НИОКР по оборонной проблематике, многие из них «мусолятся» по 10–15 и более лет, оттягивая силы и средства, создавая иллюзию благополучия и в итоге полностью теряя актуальность. И это при том, что по расходам на военные НИОКР и численности занятых в них РФ входит в группу ведущих стран мира. Важно понимать, что мультипликатор неоптимальных, невыверенных решений в сфере обороны и ОПК, военных НИОКР очень серьезно бьет не только по экономике, но и по боеготовности ВС, по всей системе национальной безопасности РФ. Для России с ее нынешними достаточно ограниченными возможностями это тем более недопустимо. Так что военная экономика современной РФ должна быть очень (очень!) экономной.

Кто-то считает, что для того, чтобы мы действительно встали на путь инновационной модернизации, России нужна очень большая встряска. После которой, однако, возможно, мы вообще долго не будем в состоянии что-нибудь серьезно «модернизировать» в оборонном комплексе, как после событий начала 90-х годов. Создается впечатление, что попытка перевода всей сферы национальной безопасности РФ, военной безопасности на сугубо рыночные рельсы (что стоит одно предложение выборочного премирования «отличившихся», вносящее разброд в воинские коллективы) лишь усугубляет ситуацию, по крайней мере, демонстрирует непригодность на российской почве этой схемы (до этого она с треском провалилась в Китае). Подчеркнем: не только это, но многие другие шаги в ходе нынешней «шоковой» военной реформы отнюдь не приближают появление в России эффективной и полноценной ИА. И необходим поиск иных стратегий для выхода отечественного оборонного комплекса из кризиса, тем более для его инновационной модернизации.

Современная ИА России в любом случае необходима. Причем в первую очередь – чтобы *не воевать* и сохранить не только значительные средства, но и стабильные условия для развития страны, сохранить человеческие жизни. Сильная (даже избыточно сильная) армия – это мощный стабилизатор, фактор сдерживания агрессора, консолидации государства и общества, важнейшая государствообразующая структура. И она в итоге все равно окажется дешевле, чем ликвидация последствий, возможных в случае внешней агрессии (или угрозы таковой), силового давления по отношению к слабой России.

Пока же, с учетом существующих у России очевидных трудностей по созданию ИА и модернизации всей оборонной деятельности, имеется настоятельная необходимость решать проблемы национальной безопасности РФ, в том числе и иным путем перераспределить часть задач по ее обеспечению, традиционно возлагаемых на ВС, на другие структуры и сферы. Сюда относится использование «замещающих», в том числе невоенных компонентов совокупной мощи, так на-

зываемой «мягкой силы». (Между тем сегодня в США уже широко оперируют термином «умная сила», объединяющим весь комплекс средств и подходов к ведению внешней и оборонной политики.) Так, следует максимально «сократить работу» для Российской армии, оптимизировать ее участие в решении задач типа КТО на Северном Кавказе, отвлекающих от выполнения иных функций. Для этого нужно превентивно, действуя на опережение, поставить надежную преграду на пути сепаратизма и национализма внутри страны, подпитывающих их (и прикрывающихся ими) бандитизма и оргпреступности, политического и религиозного радикализма. И тем самым лишить почвы и повода для возможного вмешательства извне в целях поддержки этих уродливых явлений, их использования в качестве пятой колонны, в том числе практикующей методы вооруженной борьбы. В этом плане приоритетной является задача создания Россией собственных крепких тылов – экономических, технологических, идеологических, демографических, политико-административных, правовых без чего невозможны не только никакие инновационные прорывы, но само существование государства.

Самое пристальное внимание должно быть уделено осуществлению выверенной многовекторной внешней политики, поиску коалиционного взаимодействия с действительно цивилизационно близкими, «естественными» (а не «назначенными») партнерами. В числе прочего и для создания надежной политической базы в целях взаимодействия в сфере совместной разработки, производства, эксплуатации современных и новейших ВВТ. Необходимо как можно более полно использовать возможности геополитического маневра, неоднозначность мира, разнонаправленность интересов в нем, а значит, и шанс решать часть своих проблем «чужими руками», получить передышку. Особенно это важно в период глобального системного кризиса, при этом главное – самим не стать заложниками данных противоречий. Очевидно, что военная сила, даже самая «продвинутая», – не всесильна, даже контрпродуктивна. Как показывает нынешний американский опыт, военный блицкриг вовсе не гарантирует конечной политической победы, он способен на долгие годы втянуть страну и ее армию в трясину конфликтов, не имеющих решения. Надо четко понимать, что успешное решение задачи по сокращению и предотвращению угроз подчас значит никак не меньше, а то и намного больше, чем наращивание собственной военной мощи. И уж во всяком случае может оказаться экономически гораздо более дешевым вариантом.

К.К. Султанов

**ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ОБЩЕРОССИЙСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЕСТЬ ЛИ ПРЕДЕЛЫ СОВМЕЩЕНИЯ?**

Султанов Казбек Камирович – доктор филологических наук, заведующий
отделом ИМЛИ РАН, лауреат Государственной премии Республики Дагестан.

Проблема ментальной и культурной самоидентификации, столь характерная для постсоветского сознания, в 90-е годы XX в. приобрела ярко выраженное вертикальное измерение, существенно изменившее тональность описания национальных культур. Самоидентификация, о которой все охотно заговорили, свелась исключительно к репрезентации этносамости, а деидеологизация национального вопроса – к идеологии этнической мобилизации, или этнокультурного реванша. Демифологизация советского периода зашла так далеко, что затронула одну из основ российского социума – государствомберегающий принцип взаимопонимания народов, культур, людей. Вместо перехода от конъюнктурной «дружбы народов» к межкультурному диалогическому взаимодействию мы получили взрывное обострение извечных культурных оппозиций «свой – чужой», «мы – они».

Обращение к этнокультурной проблематике было двойственным: с одной стороны, оно выполняло функцию национально-культурного оппонирования доктрине монолитного «единства», а, с другой – ему сопутствовало угасание интереса к межкультурной коммуникации, которая воспринималась как рецидив языка «дружбы народов». Так возникший в советскую эпоху кризис национально-культурной идентичности трансформировался в кризис межкультурной коммуникации постсоветской эпохи.

Общественно-политическую остроту приобрел вопрос о пределах мобилизационного этноцентризма в полиэтническом обществе. В ряду признаков негативной идентичности, выражением которой стал этноцентризм, выделим следующие: иррационально понятый коллективный интерес; идеократический характер, санкционирующий насилие по отношению к «другому»; бегство от сложности современного мира в среду, где доминирует доступная и легко обо-

зримая групповая лояльность; неадаптированность к современным информационным и технологическим вызовам.

Ограниченность интеллектуального ресурса этноцентризма провоцировала такое отношение к родной истории, когда на первый план выходила активизация охранительного культурного традиционализма и неоархаики. Этноцентризм стал также инструментом изменения политического статуса кланово-родовых сообществ. Избегая публичной сферы и прозрачности, они абсолютизировали принцип этнодоверия и, как сформулировал Э. Банфилд в книге «Моральные основы отсталого общества», аморальной семейственности.

В Дагестане, например, эскалация этнокорпоративных интересов была настолько мощной, что общедагестанская доминанта, исторически сформированная и символизирующая нечто большее, чем союз этнических анклавов, перестала преобладать на политическом поле, уступая давлению этнократических групп влияния. Торжество кланового эгоизма, возведенного в ранг политической практики, обернулось понижением уровня общедагестанской идентичности. Принцип этнодоверия, подменяя собой идею гражданского равноправия, превратился в двигатель отрицательной кадровой селекции. Под удар была поставлена веками выстраданная система сдержек и противовесов, механизм межэтнической адаптации.

Об «ахиллесовой пяте» современного Дагестана мне неоднократно приходилось писать в местной прессе. Позволю себе сослаться на одну из своих публикаций: «Мы как будто застряли в промежутке между ностальгическим традиционализмом и поиском адекватного ответа на запросы времени... Налицо дефицит интеллектуальной смелости, которая требует другого стиля мышления: называя вещи своими именами, заглядывать за привычный горизонт... Нельзя думать о будущем, связывая его только с размерами московских кредитов...»¹.

Будущее региона связано с исходом противостояния мифологизирования и прагматизма, этноцентристской утопии и трезвой эффективной самоорганизации, инфантилизма кланово-родового эгоизма и демократической перспективы развития, катастрофического и модернизаторского сценариев общественного развития. От результатов этой внутренней полемики, от готовности выработать новый рациональный дискурс напрямую будут зависеть конфигурация и содержание региональной безопасности как условия устойчивого развития и становления новой политической культуры, как фактора сдерживания рецидивов и авторитарного этноцентризма, и великодержавной риторики. Речь идет о главном — о выборе между раскрепощением культурно-творческого потенциала и реализацией фундаментального права на развитие и перманентным кризисом, неуправляемым хаосом и превращении в конфликтотенную периферию со-

1. Султанов К.К. Что с нами происходит? // Новое дело. 2004. – 12 ноября.

временной цивилизации, в остров экзотической неоархаики. Регион истосковался по возвращению созидательного смысла, по раскрепощению культурно-творческого потенциала, которые позволят реализовать право на развитие, перейти от тактики выживания к стратегии достойной жизни.

Сложилась фактически пограничная ситуация, характер которой определяет спор культурно мотивированных ценностных ориентаций. Культура в широком смысле выступает не только как совокупность ценностей, идей, норм, особенностей менталитета, моделей поведения, ритуалов, но и в роли генератора гражданской макроидентичности как социального оппонента политизированного этноцентризма, блокирующего демократические импульсы на уровне этнокорпоративного интереса.

Есть и другая сторона медали: пережитые страной постсоветские конфликты обнаружили типологическое сходство их предпосылок, а именно – нарастающую культурную разъединенность, наглядно проявленную в примитивизации отношений к другому, к соседу. Конфронтационная логика вырывалась на поверхность общественной жизни, отягощенная культурными и историческими коннотациями (коллективная память, взаимные обиды и т.д.). Мы хорошо помним как кризис межкультурного взаимопонимания невероятно усложнил в ситуации чеченского кризиса в 90-е годы XX в. продвижение к спасительному политическому компромиссу.

Вырываясь из-под советского патернализма с надеждой на лучшее, национальная мысль оказалась под прессом этноцентристского агитпропа и стала утрачивать, с одной стороны, навыки конструктивной национальной самокритики, с другой – готовность к диалогическому взаимодействию. В период постперестроечной этнокультурной эйфории идея диалога изрядно потускнела, почти обесценилась. В 90-е годы все вдруг стали жить с ощущением, что ресурс «дружбы народов» исчерпан раз и навсегда. Возникло странное ощущение какой-то ускоренной разобщенности... Свою роль сыграла и бывшая идеологическая передозировка «дружбы народов», но в ее развенчании как идеологемы зашли так далеко, что с водой выплеснули ребенка – саму идею взаимопонимания людей и культур, хотя она, конечно, несводима ни к какой идеологической конструкции по причине своей принадлежности к разряду вечных ценностей. Несложно было списать «дружбу» по графе «коммунистическая утопия», куда труднее оказалось заново открыть или переоткрыть существенный смысл межкультурного диалога.

Сейчас лучше понимаешь, что охлаждение к «дружбе» стимулировало дискредитацию самого фактора «многонациональности». Мы стали утрачивать понимание его судьбоносной роли. В статье под более чем ответственным названием «Будет ли существовать Россия?» (1929) Г. Федотов, раздраженный культурной политикой большевиков, поначалу дал волю сарказму: «Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полунинтел-

лигенции». Но тональность главного вывода совершенно иная, куда более значительная: «Многоплеменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу»². Если думать и говорить предельно серьезно о будущем России, то стоит ли упускать из виду эту прагматически значимую для нашего исторического выживания силу российской «многозвучности»?

Сегодня судьбы этнических сообществ и национальных культур напрямую зависят от решения основополагающей задачи – интеграции этнокультурных различий, которая предполагает не только законодательное совершенствование федеративных отношений, но и повышение уровня духовной сплоченности сограждан одной страны независимо от их этнокультурной прописки и религиозной принадлежности. Словосочетание «Российская Федерация» отсылает нас к тому уровню надэтнической идеологии *ex pluribus unum* («единого из многого»), на котором «преодолевается» многоголосица этноразличий. Конституционно закрепленное понятие «многонациональность» предполагает спектр определенных культурных и политических коннотаций, исключаящих абсолютизацию различия как такового: союз народов (с уточнением: исторически выстраданный), мир миров, многонародное евразийское мироустройство.

Однако, привычно говоря, что российскую культуру цементирует сопряжение разноразнонациональных миров, воспринимаем эту данность с тем инерционным самоуспокоением, которое исключает постоянство наших духовных усилий по непрекращающемуся строительству межнационального мира с учетом новой реальности. Речь идет об одной из тех задач, стоящих перед Россией, которые для нее неизменно стратегические, всегда жизненно важные: сохранить на любом историческом перевале философию и идеологию межэтнического согласия, приверженность одной цивилизационной перспективе на основе межконфессионального и межнационального диалога, идеал многонародной нации, которые убежденно отстаивали Н. Трубецкой, И. Ильин и другие русские мыслители.

В ряду определяющих признаков многонародной нации выделяются воля и решимость людей жить вместе при всем понимании и признании религиозных, культурных, политических различий, выстраивая шаг за шагом ту культуру межнациональных отношений, о которой мы так много говорим. В своем докладе, прочитанном в Сорбонне 11 марта 1882 г. Э. Ренан подчеркнул содержательную двуплановость понятия «нация», выступающую в общественной практике и как «духовный принцип», и как «великая солидарность». Нация, продолжал он, «резюмируется вполне осязаемым фактом: это ясно выраженное желание про-

2. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Вестник РСХД. – Париж, 1929. – № 1–2. – С. 13, 20.

должать общую жизнь. Существование нации – это... повседневный плебисцит, как существование индивидуума – вечное утверждение жизни»³.

«Идентичность» и «диалог», связанные презумпцией взаимообусловленности – ключевые категории современного гуманитарного знания. Идентичность, конечно, не есть торжество автаркической самобытности, узко и статично понятой только в соотношении с культурными архетипами и детерминированной исключительно этнической спецификой. Современная трактовка идентичности настаивает на ее динамичности, процессуальности, культурной взаимопроницаемости, когда самоутверждение в «своем» входит в сплав с открытостью навстречу «чужому». Интегральная идентичность, формирующаяся в неизолированном культурном пространстве, тяготеет к сопряжению верности базовым основаниям национальной характеристики и восприимчивости к «иному», к диалогу идентичностей, – хотя сейчас нередко встречается с описанием конфронтационной модели «войны идентичностей» (словосочетание вошло в оборот после нашествий иммигрантских погромов во Франции).

Уместно затронуть и такой аспект. Парадоксальный эффект глобализации состоит в том, что, опрокидывая барьеры и размывая границы, она интенсифицирует идеологию национальной самобытности и национально-культурной локальности. М. Бахтин отмечал, что «внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах... Каждый культурный акт существенно живет на границах...»⁴ Эти слова чаще всего воспринимаются в том смысле, что границы, разделяя, соединяют, тем самым как бы самоупражняются. Но стоит помнить и о не менее важном нюансе: соединяя, они продолжают существовать и разделять, испытывая нивелирующее давление глобализации, сохраняют значение дифференцирующего фактора. Угроза унификации активизирует чувство культурной дистанции, тяготение к «внутренней территории» своей культуры. Эта напряженная амбивалентность во многом определяет природу и сложность происходящих процессов.

Экспансия этнокультурного подхода в сферу гуманитарного знания привела, однако, к тому, что в роли чуть ли не единственного критерия культурных ценностей стала выступать актуализация этнической специфики. Культурологическая дихотомия «свой – чужой» может не декларироваться, но непременно присутствовать как фоновое знание в размышлениях об этнической идентичности, воспринимаемой как «бытие-в-себе и для себя». Сложилась статическая модель национально-литературного самосознания, адаптированная преимущественно к поиску и гиперболизации этнокультурной самобытности.

3. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч. в 12 томах. – Т. 6. – Киев, 1902. – С. 101.

4. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 25.

Самобытность, чтобы остаться таковой, требует коммуникативного пространства, поиска своего места в циркуляции социокультурных, художественных, политических идей. Неотвратимое следствие недооценки того факта, что для национальной культуры нет ничего заведомо ненужного или заведомо чуждого, сужение культурного горизонта. Локальное начинает утрачивать притягательный привкус культурной общезначимости, обнаруживая признаки избыточной самодостаточности, отдаления от перекрестка разнонациональных традиций, дающего возможность взглянуть на себя со стороны или глазами других культур. На этом перекрестке острее и точнее отличаешь богатство «особенного» от духовной нищеты «отдельного». Особенное нуждается в диалоге с особенным, в отражении в зеркалах других культур, чтобы убедиться и подтвердить свою непохожесть. Полноценный межкультурный диалог возможен только при встрече «особенного» с «особенным». Поэтому совершенно оправданной представляется оценка Н. Трубецким профанации великой идеи братства: «"Братство народов", купленное ценой духовного обезличения всех народов, – гнусный подлог»⁵.

Преодолевая инерционность и тривиальность словосочетания «межкультурный диалог», важно переоткрыть идею диалога, ничего общего не имеющую с нивелировкой культурной самобытности. По частоте употребления слово «диалог» побilo все рекорды, выступая в современных дискурсивных практиках чаще всего в аксиоматической роли культурного трюизма, обязательного признака хорошего тона, или, как выразился А. Пятигорский, «коммуникационной заточки». Привлекает предложенная «Новой философской энциклопедией» трактовка диалога: «не спор самомнений, ...а беседа разных культур в сомнении относительно собственных возможностей мыслить и быть». Через продуктивное сомнение, возникающее в межкультурном собеседовании, «развертывается и преобразуется неисчерпаемый смысл каждой культуры»⁶. Формулировка хороша тем, что диалог воспринят как генератор творческих смыслов, как ресурс идентичности и самоопределения национальной культуры. Он перестает быть «декларацией о намерениях», всего лишь демонстрацией толерантности, благим пожеланием. Кого может не устроить такой подход, основанный на признании равноправия культур и не посягающий на самостоятельность каждой из них?

Эйфория этнокультурного самоутверждения в постсоветский период, утрачивая избыточность, входит в берега более соразмерного взгляда на вещи, предполагающего не только реконструкцию историко-культурного статуса, но и представление о неизолированной локальности, понимание того, что для достижения искомой полноты недостаточно смотреть только в зеркало своей культуры, вырванное из системы зеркал. Возвращаются понимание культуры

5. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М., 2007. – С. 456.

6. Новая философская энциклопедия: В 4 томах. Т. 1. – М., 2000. – С. 660.

как сферы интеграции различий, понимание того, что самобытная национальная культура есть одновременно и место встречи культур.

Э. Ауэрбах в статье «Филология мировой литературы» отмечал, что «...в высшей степени ценным и необходимым достоянием филолога еще являются язык и культура его народа; однако они становятся действительными только тогда, когда удастся изъять их из обособленности и преодолеть их самодовление». Немецкий филолог акцентирует мысль о «взаимном обогащении за счет разнообразия», о насущной необходимости «...удержать и укрепить сознание судьбоносной взаимосвязи между отдельными народами»⁷.

В словаре В. Даля слово «чужой» получило двойное толкование: «не свой, сторонний» и «незнаемый»⁸. Если «сторонний» всего лишь констатация непреодолимости, разделяющей дистанции, то «незнаемый» предполагает перспективу открытия и приобщения. Вы встречаетесь с явлением «чужим» в смысле «незнаемым» и понимаете, что оно только сейчас «незнаемое» – незнаемую ментальность можно отвергнуть как заведомо враждебную, а можно, не жалея духовного усилия, продвинуться в ее познании, себя же обогащая.

В этом контексте вспоминаю пятилетней давности интернетовскую статью под броским названием «Заноза». После решительно сформулированного вопроса «кто тут римляне, а кто варвары?» автор повел разговор о «паре десятков малочисленных, но чрезвычайно самоуверенных этносов» Кавказа. Вернее, об их вине как неоспоримой данности: «двести лет не желают трансформировать хотя бы кое-какие из базисного набора своих архаических традиций...» Отсюда искреннее недоумение: «...так мы должны это уважать...?»⁹ Что это – рецидив странной, чтобы не сказать – убогой, тоски по унификации? Или нелепое в своей утопичности требование к другому (народу, человеку) перестать быть самим собой? За отрицанием права быть иным, равноправия различий находишь прискорбную односторонность, которую еще А. Пушкин назвал «пагубой мысли». Иначе, чем пагубным для межнационального согласия в нашей стране и не назовешь это нелепое в своей утопичности требование к другому (народу, человеку) перестать быть самим собой. Однажды поэт А. Тарковский увидел «длинные нерусские ноги» верблюда. Вместо призыва «трансформировать» неправильные конечности он почему-то написал о «верблюжьей душе». Наверное, потому что исторически сложившаяся самобытность инонационального мира – не повод настораживаться, воспринимая его непохожесть как «занозу».

Выдающийся представитель одного из вышеупомянутой «пары десятков» этносов ингушский просветитель В.-Г. Джабагиев на заре XX в. выступил на

7. Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы. – М., 2004. – № 5. – С. 38.

8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. – М., 1955. – С. 613.

9. Аеев А. Заноза // www.russ.ru/ 09.11.2005.

страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» с призывом «свободно принять участие в общей культурной работе человечества». На страницах той же газеты в статье «Инородцы и Россия» он проникновенно сказал о «верных сынах отечества без различия веры и крови» – о тех, кто способен «сплотить Россию в однородный моральный организм»¹⁰. Помимо очевидной общественной актуальности мысли существенно и то, что сплочение в «однородный моральный организм» нисколько не предполагает такую непомерно высокую цену, как отказ от своей ментальности.

Россия не оспаривала, не ставила под сомнение опыт переживания, отстаивания каждым народом своей культурной субъектности во имя того, «чтоб не был малым человек, принадлежащий к малому народу» (Р. Гамзатов). В то же время она оставалась общим домом для своих граждан независимо от их этнической и конфессиональной принадлежности.

Одним из самых ярких и вдохновляющих примеров культурной поддержки и одновременно взаимоузнавания остается для меня лаконичное и на редкость емкое по смыслу пушкинское примечание к рассказу Султана Казы Гирея «Долина Ажитугай», опубликованное в первом номере журнала «Современник» (1836) вместе с «Путешествием в Арзрум» и повестью Гоголя «Коляска». Вглядимся в логику провидческой, угадывающей мысли А. Пушкина, которого Достоевский так и назвал – «угадчиком»¹¹.

Угадчик чего? Пушкин начинает броско: «Вот явление, неожиданное...» Не потому ли что текст воспринят как всего-навсего этнографически маркированный? Нет, ход пушкинской мысли другой: «...неожиданное в нашей литературе». И дальше педалируется притяжательное местоимение «наше»: «становится в ряды наших писателей». Первое произведение и сразу – «в ряды наших писателей»? И кто становится – «сын полудикого Кавказа»? Но именно он «изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно». Более того, Пушкин не скрывает своего серьезного отношения: «Мы ни одного слова не хотели переменить...» Поэт поднимает планку, исключая покровительственное похлопывание по плечу: надо же, черкес, а так владеет русским языком. Представление этнически нерусского автора Пушкин перевел в регистр уважительного, мудрого в своем поэтическом преувеличении отношения, снимая ощущение периферийности, возникающее при встрече с неожиданной для русского читателя фамилией, хотя не упускает из виду тот факт, что Казы Гирей «остался верен привычкам и преданиям наследственным»¹². Вовлечением нерусского

10. Джабагиев В.-Г. Что нужно Кавказу? // Санкт-Петербургские ведомости. 1905. – № 236.

11. Ф.М. Достоевский об искусстве. – М., 1973. – С. 361.

12. Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. – СПб., 1836. – Т. 1. – С. 169.

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

автора в состав «нашей литературы», Пушкин угадывал грядущую культурную нераздельность, задавал камертон союза народов и культур. Смело и непредвзято продемонстрирована та широта взгляда, которая открывала иную перспективу вопреки складывающейся в пушкинскую эпоху общественно-политической ситуации на Кавказе: имам Шамиль уже два года верховный глава теократического государства, огонь войны разгорался, несовместимость двух миров нарастала и казалась непреодолимой. Состоящее из нескольких фраз примечание феноменально по необычайной культурной щедрости, которая и есть квинтэссенция взаимообогревающего диалога.

Само это прилагательное подсказано опытом русской литературы. Если конкретнее, то ее особого рода чувствительностью к каждому проблеску сближающей диалогичности, к каждому сдвигу от отчуждения к доверию – будь это ссыльный кавказский мальчик Алей, осваивавший русский язык по Нагорной проповеди («Записки из Мертвого дома» Ф. Достоевского, где повествователь вспоминал «о встрече с ним как об одной из лучших встреч в моей жизни») или отношение толстовского Хаджи-Мурата к Марье Дмитриевне: «Ему нравилась и ее простота, и особенная красота чуждой ему народности». Не чужой, которая может перестать быть таковой, а чуждой, т.е. изначально, абсолютно иной, чуждой навсегда. Именно эту непреодолимость «чуждого» Л. Толстой тонко дезавуирует, акцентируя его «особенную красоту», которая даже сурового горца не оставила равнодушным.

Лермонтовский Измаил-Бей в одноименной поэме в разгар кавказской войны встречает в горах «русского воина». Тот вдруг, как бы разоружая противника, переходит на язык горского закона гостеприимства, который надлежит соблюдать при любых обстоятельствах. Вот эти сакраментальные слова: «Твоей я чести предаюсь!» Последовал незамедлительный ответ Измаил-Бея: «Ты прав; на честь мою надейся!.. / Вот мой огонь: садись и грейся». Редкий момент истины: кризис взаимного понимания, инициированный войной, преодолен в порыве взаимной открытости. Противники пусть на время, но выпадают из зловещего контекста войны, становясь «взаимообогревающими» собеседниками.

Так и вижу перед собой человека, который садится у примиряющего огня и греется, доверяя другому человеку по закону чести. И не могу не думать о том, какой могла бы быть всех устраивающая формула межкультурного диалога...

В.С. Елистратов

РЕЧЕВОЙ КРИЗИС В РОССИИ НАЧАЛА XXI В.

Елистратов Владимир Станиславович – доктор культурологии,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова.

В течение трех-четырех последних лет в российских СМИ очень активно обсуждаются проблемы русского языка. Причин подобного интереса к языку много, но самая главная из них – это огромное, все нарастающее количество самих СМИ и постоянный дефицит тем для обсуждения.

Сотни тысяч газетных и журнальных полос и сотни, тысячи часов теле- и радиозфира надо чем-то ежедневно заполнять. Хорошо известно, что здоровье и язык – самые популярные темы в СМИ. Как неоднократно отмечал академик Н.М. Амосов, люди очень любят обсуждать проблему здорового образа жизни, но очень мало делают для того, чтобы быть здоровым. Примерно та же ситуация и с языком. Все говорят: язык портится, люди перестали читать классику, грамотность падает и т.д. и т.п. Но почти ничего не меняется.

Сегодня, правда, можно уже говорить о двух положительных сдвигах.

Во-первых, появились кое-какие деньги для так называемой языковой политики, осуществляются федеральные целевые программы по развитию и распространению русского языка, был создан фонд «Русский мир». Все это, конечно, неповоротливо, отчаянно забюрократизировано, но какое-то движение в нужном направлении все же происходит.

Во-вторых, за последние годы (опять же – в недостаточной степени) было предоставлено слово лингвистическому сообществу, которое получило, наконец, возможность публично высказаться. Сообщество это очень разнородно, разобщено и весьма «цветасто». Здесь есть свои «шишковисты» и свои «карамзинисты», есть «консерваторы», «либералы» и «радикалы».

С одной стороны, скажем, раздаются призывы к тотальной «ёфикации» русского языка (общество «ёфикаторов» призывает сделать обязательным использование буквы «ё»), раздавались даже голоса за возвращение к дорево-

люционной графике. С другой – было высказано, и совершенно серьезно, предложение перевести русский язык с кириллицы на латиницу. По этому поводу была даже устроена целая дискуссия в журнале «Знамя».

При всем разнообразии мнений все отчетливее вырисовывается в наши дни то, что китайцы уже не первую тысячу лет называют «срединным путем». У нас это сформулировано в словосочетании «ничто не слишком». Все чаще и убедительнее лингвисты, и шире – гуманитарии, выносят трезвые, взвешенные суждения по поводу происходящего, очень резко контрастирующие с «паникой-эйфорией» 90-х годов.

Самая, как мне кажется, большая проблема современного русского языка – не его «деградация», «засорение» и т.д. (все это – отдельная тема), а отсутствие достоверной, объективной, исчерпывающей информации о его состоянии. Формулируя современным термином – отсутствие системного языкового мониторинга. Мониторинга общенационального масштаба.

Выходит множество прекрасных статей, монографий и словарей, где освещаются актуальные тенденции развития русского языка. Но в целом все эти исследования носят точечный характер. Часто ценнейшая информация тонет в море печатной и интернет-продукции, и пока мы очень плохо знаем, что же реально происходит с нашим языком. Информации, блестящих идей – море, шквал. И в «бумажном» виде, и в цифровом. Но системное реферирование происходящего находится в зачаточном состоянии.

При этом СМИ играют весьма двусмысленную роль. С одной стороны, они призваны освещать проблемы, делать их «достоянием масс», не давая обществу успокоиться, остаться равнодушным к родному языку. С другой – они явно забалтывают серьезные вопросы. Это не упрек: такова природа СМИ. Такова диалектика информационного пространства начала XXI в. Приведу относительно недавний пример. В СМИ поднимается вопрос о языковой норме. Появляется несколько словарей, прошедших тендер и претендующих на статус нормативных. Начинается бурная дискуссия, нормативны ли они на самом деле. Замечу, что все эта кампания совпадает по времени с аварией на Шушенской ГЭС. Авария на время отходит на задний план: все спорят о норме и о словарях. Заместитель директора Института русского языка имени В.В. Виноградова за один день дает более 40 интервью по этому поводу (я сам, будучи не столь важной лингвистической персоной, за два дня дал пять!). В центральные СМИ попадает сюжет со словом «йогурт» (где в нем правильно ставить ударение, на первом или на втором слоге). В продолжение двух-трех дней вся страна обсуждает «йогурт». Поднимаются еще две «наиглобальнейшие» проблемы: 1) как правильно – «тврорг» или «творорг» и 2) какого рода существительное «кофе»? Журналисты клянутся, что их тошнит от словосочетания «черное кофе» и т.п. На этом – все. Через три дня тема была закрыта.

Серьезнейшую проблему нормирования утопили в кофейно-творожном йогурте.

Еще один пример – не столь вопиющий, но тоже показательный.

Через три-четыре месяца после кофейной эпопеи, в декабре 2009 г., под новый год, в СМИ поднялся ажиотаж по поводу выбора Слова года. Потратили десятки дорогостоящих часов радио- и телеэфира. Выбрали слово «антикризисный» и... успокоились. Очень мило, а главное – полезно. И тем не менее: «срединный путь» все-таки постепенно вырисовывается. Мне думается, он заключается в том, что лингвисты начинают сходиться в общих диагнозах происходящего с языком. Не во всем они сошлись, но все понимают, что это крайне необходимо.

Попытаюсь сформулировать тезисы, которые представляются очень важными для системного осознания происходящего. Попробую сделать это в максимально доступной форме, чтобы их суть была понятна и тем, кто не посвящен в лингвистическую терминологию.

Лингвистика XX в. утверждает, что язык – это система. А речь – это реализация системы. И каждый говорящий волен реализовать ее как угодно.

Системны все уровни русского языка от фонетики до синтаксиса. Никто не может отменить синонимию, суффикацию, времена, придаточные предложения и т.д. и т.п. Система, конечно, меняется, но происходит это очень медленно, тысячами. Нас же интересует временной отрезок, куда более скромный.

Так вот: все существенные изменения в русском языке (а вернее – в речи) за последние бурные четверть века никак не изменили систему русского языка. Она осталась прежней. Мне кажется, что все серьезные лингвисты сошлись в этом мнении.

Колоссальная опасность заключается в другом, о чем говорят намного реже: изменилась речь людей. Дело не в «порче» языка, а в «порче» речи. Никакого кризиса языка нет и быть не может, а вот кризис речи – налицо! И это очень серьезная проблема. Ведь кризис речи – это, если употребить расхожий лингвистический термин, кризис языковой личности. Портится не язык, а речь людей, а значит, в конечном счете – сами люди!

Существуют отчетливые симптомы кризиса языковой личности начала XXI в. И эти симптомы не носят чисто лингвистический характер, а отражают глубинные сдвиги в сознании людей. Причем, как правило, это не чисто российское явление – речь идет о глобальных, интернациональных тенденциях. Неоправданное ускорение темпа речи, «смазанные» артикуляции («чек» вместо «человек»), слова-паразиты («короче», «как бы», «на самом деле», «...да?») и т.д. и т.п. Все эти явления имеют аналоги во многих языках мира и отражают некую глобальную деформацию личности современного так называемого цивилизованного человека.

Мы говорим об усредненном, во многом негативном образе языковой личности, о том, что академик Л.В. Щерба называл отрицательным языковым материалом. Это особенно важно потому, что многие отрицательные явления языка в прямом смысле слова заразны. Эпидемия пресловутого «как бы» охватила Россию в 90-х годах и продолжается до сих пор, «как бы» мы слышим в речи писателей, президентов, журналистов. Примерно в то же время в Америке наблюдается эпидемия слова «like», являющегося аналогом нашего «как бы».

Итак, мы говорим о собирательном отрицательном образе современной языковой личности. Что его характеризует? Как минимум – два качества.

Первое – это глубинная неуверенность в себе, ощущение зыбкости, непрочности мира. Этот человек торопится высказаться, потому что боится, что его не услышат, не дадут сказать. «Как бы» или «да?» (вставляемое в конец каждой фразы) отчетливые индикаторы такого мироощущения («Я как бы пришел, да?»). «Короче», предвещающее длинный и нудный рассказ, – это есть не что иное, как извинение за неспособность выразить свою мысль кратко и четко. «На самом деле» – попытка агрессивно самоутвердиться. Ведь «на самом деле», например, при обсуждении какого-либо вопроса является резким отрицанием мнения собеседника. Это своего рода сублимация внутренней слабости, растерянности. Проще говоря: хамство, прикрывающее страх.

Второе качество – как альтернатива постоянному внутреннему страху, «мандражу» – внутренняя несобранность, расхлябанность. В современном мире массовая культура, в частности реклама, постоянно призывает человека к расслаблению, релаксации. Отсюда, кстати, резкая актуализация жаргонного синонимического ряда: «оторвись», «оттянись», «забей», «не парься». Синонимические ряды на пустом месте не удлиняются, за этим всегда стоит какой-то массово-мировоззренческий подтекст.

Лингвистическая, речевая релаксация приводит ко многим последствиям, в частности, к «релаксации» речевого аппарата, которую в народе называют «каша во рту». Речь, как писали лингвисты еще в начале XX в., это напряженная трудовая деятельность, трудовой процесс. Говорить – значит работать, иначе мы получаем «чек» вместо «человека», так называемую назализацию речи (говорение в нос), манерное растягивание первых предударных гласных – гипераканье («гвѣриль», «птѣмушть»), э-образный или ы-образный призыв в последнем гласном в слове (попробуйте прислушаться, как произносится в метро: «Поезд следует в депо»), вы услышите что-то вроде «ды-поэ». Список симптомов можно было бы продолжить.

В связи с финансовым кризисом в разговорную речь вошли словосочетания «зеленая зона» и «красная зона». Так вот, языковая личность, живущая в условиях «речевого кризиса», постоянно мечется между «красной зоной» страха и неуверенности и «зеленой зоной» расслабления. Агрессивность чередуется с безволием, хамство со страхом и т.д. И все это отчетливо отража-

ется в речи. Человек словно бы всячески отклоняется от середины, от срединного пути, от той самой языковой нормы, о которой СМИ так много говорят и так ничего по существу не сказали.

По поводу языковой нормы ведутся бурные дискуссии. Пожалуй, можно выделить два основных подхода.

Подход первый: все пространство человеческой речи делится на «правильное» (высокое) и «неправильное» (низкое). В этом случае норма мыслится как безальтернативный образец. Эта концепция имеет глубокие корни в истории человечества. Если говорить непосредственно о России, то подобный подход был сформулирован в XVIII в. прежде всего М.В. Ломоносовым. В сущности, это подход французский. Именно французы примерно на 100 лет раньше, чем мы, в XVII в., в эпоху классицизма «рассказали» миру о трех языковых стилях, единстве места, времени и действия в театре и пр. Мы заимствовали эту галльскую модель, и она практически без изменений работает до сих пор. Детали, конечно, изменились, но суть осталась та же.

Подход второй. Норма – это совокупность возможных вариантов выражения одного и того же. Это арсенал средств. Чем больше вариантов, средств, альтернатив, возможностей, тем лучше. Такой подход скорее свойствен Востоку, например индийской, арабской культурам. Средневековые арабы изощрялись в накоплении синонимических рядов. Достаточно вспомнить тысячу синонимов слова «верблюд». Они считали, что чем больше синонимов, тем богаче язык. Кстати, ту же концепцию нормы исповедовали и древние греки.

Разумеется, эти две концепции пересекаются, взаимодействуют, но приоритеты остаются.

Я уверен, что в современной русистике продолжает доминировать первый, «галльский», подход в ущерб второму. В то время как необходим их баланс. Правильность – это очень важно, но второй подход делает акцент на языковом творчестве, а именно языкового творчества как раз и не хватает современной языковой личности.

Современный глобализм, в орбиту которого вписалась Россия, берет на вооружение именно безальтернативность, убивающую творчество. К сожалению, основные тенденции развития современного общества и языка формируются именно в его русле. Так, массовая «художественная» проза становится совершенно универсальной и все более легко переводится с любого языка на любой. Переведенный текст при этом совершенно неотличим от оригинального. Сегодня 40-летний русский еще способен отличить оригинальный русский текст от нерусского, почувствовать его «идентичность», российские же подростки в большинстве своем сделать это уже не в состоянии.

Что, помимо вышесказанного, характеризует современную речь? Приведу термины, неоднократно уже употреблявшиеся в лингвистической литературе.

Современной языковой личности свойственна так называемая тестовость мышления, когда говорящий склонен думать, что есть только один правильный способ выражения той или иной мысли. Он ищет из многих вариантов один, как он думает, правильный. На этом построена вся современная система экзаменов, в том числе и недавно введенный ЕГЭ. Человек становится словно бы одномерным. Я убедился на собственном опыте, что самое мучительное задание для школьников, абитуриентов и студентов в наши дни – это выразить одну и ту же мысль разными способами. Интересно, что при обучении иностранному языку это упражнение является обязательным, при обучении же русскому – оно практически не используется. Современный человек «уважает» антонимию, т.е. разделение мира на правильное и неправильное, и очень теряется перед синонимией. Ему неуютно в ситуации широкого выбора. Элементарная ситуация, когда школьнику объясняют, что в данном случае можно поставить запятую, а можно тире, а можно и вообще ничего не ставить, потому что это зависит от интерпретации фразы, очень дискомфортна для него. Типичный вопрос: «А правильно-то как?». Ответ «и так, и так» приводит его в полное замешательство.

Еще одна черта современного языкового мышления – его прецедентность. Человек стремится пользоваться готовым набором цитат, монтировать цитаты в цитаты, говорить и писать такие фразы, в которых угадываются знакомые всем тексты. Современные СМИ переполнены прецедентными высказываниями. Например, если речь идет о богатых людях, то десятками вариантов будет обыгрываться прецедентное название сериала «Богатые тоже плачут»: «А плачут ли богатые?», «Кризис – богатым время плакать», «Богатые больше не плачут», «Не плачь, богатый!», «Бедные тоже смеются», «Выдь на Рублевку, чей плач раздается?» и т.д.

Вроде бы все очень «живенько». Но у прецедента есть и обратная сторона. При всем многообразии возможностей игры с прецедентом он сам ставит предел творчеству. Все крутится вокруг него. Говорящий уже не может вырваться из этого замкнутого круга и придумать что-то свое, принципиально новое и свежее.

Кроме прецедентности и тестовости, современной языковой личности свойственна так называемая клиповость сознания. Клиповость подразумевает, что время, отведенное человеку для речи, крайне ограничено. И он должен «вложиться» в это время с максимальной выразительностью.

Конечно, за очень короткое время ничего серьезного хорошо выразить нельзя, поэтому говорящий начинает подключать максимально экспрессивные средства, которые исключают нормальную человеческую эмоцию. В рекламных роликах мы никогда не встретим адекватности. Здесь все всегда взвинчено, будь то страх, восторг, нежность, ревность и т.д. Таков же формат интервью по радио или телевидению, когда один ведущий говорит пригла-

шенному, например, следующее (пример реальный, из жизни): «У нас осталось всего двадцать секунд... Так в чем же, по-вашему, заключается истинное предназначение искусства?» Думаю, что ни Пушкин, ни Толстой, ни Чайковский на этот вопрос за 20 секунд ответить бы не смогли. А современный человек – обязан.

Как видим, приведенные выше параметры (лучше сказать – антипараметры) современной речи максимально сковывают творческие возможности языковой личности. Тот же дефицит творчества или, как говорят в наши дни, креатива, проявляется и в тех сферах, которые обычно наиболее активно подвергаются критике защитников чистоты языка, т.е. тех, кто стоит на позиции «правильно-неправильно».

Обычно защитники чистоты языка называют трех главных его врагов. Это иностранные заимствования, жаргон и мат. Нет никакого сомнения, что данные явления действительно несут в себе глубоко отрицательный заряд. Но, даже говоря о них, я вынужден, может быть, несколько парадоксально «развернуть» проблему.

Бездумно заимствовать нехорошо, изъясняться жаргонными словами тоже нехорошо, ругаться матом – совсем плохо. Но и здесь мне хочется вернуться к теме языкового творчества и его деградации в наши дни.

Филологи давно заметили, что всплеск творческой активности в высокой культурной сфере (высокая поэзия, изысканная проза) всегда сопровождается аналогичным всплеском в сфере сниженного языка. Куртуазная поэзия Средневековья шла в ногу с разнузданной площадной карнавальной поэзией, «Илиада» Гомера сопровождалась пародийной «Батрахомиомахией» (война мышей и лягушек), русский поэт Сергей Есенин был последним, кто помнил так называемое матерное колено, или матерный загиб, который в расширенном варианте помнил еще Петр I, кстати, великий реформатор русского языка и культуры. В наше время наблюдается падение творческой активности и в сниженных сферах языка. Казалось бы, защитники чистоты языка должны радоваться: жаргона становится меньше, мат становится беднее, заимствования становятся все однообразнее и однообразнее. Но многих лингвистов этот факт очень сильно смущает.

Я долго, более четверти века, занимался русскими жаргонами и могу сказать, что жаргон 70–80-х годов прошлого века был намного разнообразнее, я бы сказал, поэтичнее. Нынешнее цифровое пространство делает жаргонотворчество более прагматичным и рациональным. О мате не будем. Сказать, что раньше ругались красочнее, чем сейчас, было бы кошунством, хотя, замечу в скобках, по моему глубокому убеждению, это правда. Об этом свидетельствует колоссальный по объему фольклорный корпус текстов, начиная с «Кирши Данилова» и заканчивая сводками частушек XX в. На их фоне современное «матотворчество» выглядит более чем убого.

СООБЩЕНИЯ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Если говорить о заимствованиях, то бросается в глаза совершенно очевидный факт. Заимствования были всегда. В целом масштабы заимствований из английского в наши дни ничуть не больше, чем масштабы заимствований из тюркских языков во время татаро-монгольского ига или из французского и немецкого языков в XVIII – начале XIX в. Но вновь возвращаюсь к проблеме языкового творчества. Что разительно отличает современную языковую ситуацию от ситуации конца XVIII – начала XIX в.? Двести лет назад заимствований было очень много, но существенный процент из них – это были кальки.

Напомню, что калька это не прямое заимствование, а некое творческое переложение иностранного материала на русский язык. Например, греческое «хронограф», состоящее из «хронос» – время и «графо» – пишу, переводится на русский как «летопись». Прямое же заимствование – это чисто фонетическое, нетворческое переложение иностранного слова на русский лад (сайт, телефон, гастроскоп и пр.).

Среди заимствований конца XX – начала XXI в. я лично не обнаружил ни одной кальки. Очень хочется надеяться, что я ошибаюсь. В данном случае стоило бы воспользоваться опытом наших чешских, финских, венгерских и даже украинских коллег, которые упорно используют механизм кальки для защиты родного языка.

В истории русского языка было несколько периодов, когда он переживал не лучшие времена. Эти периоды лингвисты называют по-разному, например варваризациями. Откуда-то со дна поднимаются на поверхность мутные волны, которые, казалось бы, должны размыть и уничтожить основу, остов языка. Но каждый раз русский язык преодолевал эти сложности, преодолевает их, уверен, и на этот раз.

В.А. Бачинин

МОЛОДЕЖНАЯ «ТЕЛЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ»: ПРОБЛЕМЫ И ПАРАДОКСЫ

Бачинин Владимир Аркадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Социологического института РАН (СПб).

Детство, отрочество и юность составляют единую социально конструируемую реальность, выстраивающуюся вокруг ценностного ядра, каковым являются дети, подростки, юноши и девушки. Этот конструкт имеет процессуальную природу: он разворачивается одновременно в социальном пространстве и времени при участии фактически всех основных социальных институтов, в том числе и института телевидения. Несколько десятилетий существования в нашей стране телевидения для детей и юношества позволяют проследить в этом процессе определенную логику. Так, во времена Советского Союза телевидение служило одним из основных инструментов. Эта направленность сохранялась на протяжении более 30 лет, вплоть до падения коммунистического режима.

В 1990-е годы государство фактически самоустранилось от участия в деле развития детского и молодежного ТВ. В условиях отсутствия зрелого и влиятельного гражданского общества остаточные формы юношеского ТВ погрузились в стихию анонии и достаточно быстро трансформировались в орудие интервенции безнравственности в жизненный мир молодежи. Вместо прежних идеологических доминант в нем возобладали атмосфера низкосортной развлекательности, этической бесконтрольности, переходящей в безудержную вседозволенность. На телеэкран выплеснулись и мгновенно легализовались матерная брань, грязные скандалы, демонстрации всех видов непристойностей, эпатирующие сексуальные сцены, энциклопедическое разнообразие всевозможных форм агрессии, насилия и демонизма. Телевидение с его вульгарно-брутальным языком, идеалом естественного человека, поэтикой распушенности и обаянием вседозволенности превратилось в одного из главных *растлителей нации*, в орудие деморализации детей и взрослых, в

собирателя мировой коллекции всевозможных пороков, в рупор пропаганды всех смертных грехов.

Для характеристики духовного состояния российской медиасреды рубежа тысячелетий в наибольшей степени подходит категория аномии, выражающая дисфункцию социальных или личностных систем. Поскольку мир молодежного ТВ не располагает единым центром аксиологического или нормативного характера, не подчиняется никаким этическим доминантам, то его содержимое имеет вид россыпи всевозможных сведений о разных сторонах человеческого существования. Об его аномийном состоянии свидетельствует то, что в центре телевизионной картины мира оказалась девиантная личность с деструктивными наклонностями, что всевозможные проявления зла занимают в телепрограммах непропорционально большое место, а человеческие пороки преподносятся в них не как девиации, но как нормы социальной жизни. В итоге зритель лишен возможности испытывать чувство духовной, экзистенциальной безопасности.

Разумеется, ТВ – это только зеркало, отображающее аномию российской социальной макросистемы. Одновременно оно само является источником распространения аномийных импульсов и волн. Накатываясь на массовое сознание и захлестывая его, они лишают телезрителей, в первую очередь молодых, нравственного иммунитета, делают их невосприимчивыми ко многим формам социального зла, отнимают способность сопротивляться порокам. Характерным примером такого зеркала и одновременно распространителя аномии служит популярное реалити-шоу «Дом-2».

Его идея имеет литературно-художественную предысторию. В начале XX столетия писатель Евгений Замiatин создал роман-антиутопию «Мы». Его герои, обладавшие всем необходимым для жизни – пищей, одеждой, кровом, общением, развлечениями, не имели только одного – свободы. Никто не имел права на то, чтобы сохранять в себе сокровенные уголки внутренней жизни, куда бы не заглядывали посторонние.

У обитателей «Дома-2» похожая ситуация. Они имеют все необходимое для жизни физической, плотской и располагают крайне малыми, практически мизерными возможностями для жизни внутренней. Ведь, как известно, первичное условие внутренней жизни – это часы уединения, когда наедине с собой можно размышлять, воспоминать, мечтать и при этом знать, что ты один, за тобой никто не наблюдает, и никто не потребует от тебя отчета о том, что ты чувствовал и о чем думал. Когда-то Достоевский, описывая свое пребывание в сибирской каторге, в томском остроге, заметил, что для него там самым страшным было четырехлетнее отсутствие возможности побыть хотя бы самое малое время одному, наедине со своими чувствами и мыслями. Подобная невозможность уединения, навязанная публичность всех жизненных отправлений, начиная с

самых интимных, придает существованию участников шоу внутри периметра сходство с пребыванием в армейской казарме или тюремной камере.

Почти шестилетний опыт существования подмосковного телепаноптикума приводит к удручающему выводу: в таких условиях «построить любовь» невозможно. Не помогают ни отсутствие забот о хлебе насущном, ни молодость с ее неодолимой игрой гормонов, ни сбалансированный половозрастной состав, ни постоянный приток новых кандидатур. Внутри периметра уже давно построен вожделенный приз – великолепный дом, когда-то обещанный паре победителей. Воздвигаются все новые и новые постройки, но любовь никак не желает «строиться». Вместо нее возникают жалкие, убогие, а порой и откровенно гнусные «симулякры» любви. Примечательно и то, что как только зарождается некое подобие семейной пары, то проект безжалостно исторгает их как нечто чужеродное и мешающее установившемуся порядку жизни. Ибо в проекте господствуют «ценности» *настоящего*: живи сегодняшним днем, лови мгновение, наслаждайся сей минутой.

Контингент «Дома-2» достаточно разнообразен и вместе с тем характерен. Кого только не лицезрел российский телезритель – стриптизеров, барменов, девушек по вызову, лиц с нетрадиционными ориентациями, транссексуалов, «детей индиго», мошенников, торговцев наркотиками, умудряющихся попасть почти сразу же из одного «периметра» в другой, тюремный, и т.п. Словом, это целая коллекция современных социальных типов, в том числе откровенных девиантов.

Среди них представлены разные натуры – прагматичные циники, холодные индифференты, неразвитые грубияны, сластолюбивые бездельники, агрессивные скандалисты, прирожденные интриганы, профессиональные лицедеи и т. д. При всем разнообразии типов, всеми ими движут сходные мотивы, почерпнутые из одного, довольно скудного набора. Первый – это жажда публичной презентации своей персоны («засветиться»). Второй – желание хотя бы какое-то время пожить в обстановке беспечности и свободы для своих гедонистически-сексуальных эмоций («оттянуться»). Третий – стремление любой ценой и как можно дольше удержаться на подмостках («закогтиться»).

Все участники с головой погружены в атмосферу театра непрерывных импровизаций, где на первом месте стоят скандал, интрига и откровенная сексуальная атака. Когда-то Салтыков-Щедрин сетовал, что на улицах российских городов собаки публично и совершенно безнаказанно «предаются распушенности нравов». Но городские сценки, беспокоившие классика, тускнеют рядом с теми сценами распушенности нравов, которые видит зритель нашего телешоу. Он вынужден едва ли не каждый день (я не говорю о ночных просмотрах) созерцать, как разные участники «Дома-2» время от времени пытаются взгромоздиться на тех или иных участниц. При этом надо отдать им должное: верхняя одежда остается на месте. Очевидно, это последнее

обстоятельство позволяет устроителям шоу расценивать подобные сцены как невинный флирт юных шалунов, который можно демонстрировать юным телезрителям в то время, когда до сна еще далеко.

Особое место в этом телешоу занимают сюжеты, когда на проект приходят молодые люди, заявляющие, что они хотят «строить любовь» с юношами, и девушки, намеревающиеся заняться тем же с девушками. Вряд ли надо специально доказывать, что подобная запредельная либерализация сексуальной морали, сопровождающаяся фактической легализацией половых аномалий, погружает молодежное сознание миллионов телезрителей в мир сексуальной вседозволенности.

Ведущие проекта – две молодые особы. Одна из них столь одиозна по скорости проникновения в самые низменные сферы шоу-бизнеса, что ее можно считать чемпионкой России в этом виде соревнований. Обе они легко справляются с ролями говорливых и бесцеремонных экскурсоводов, охотно водящих зрителей по закоулкам создаваемых ими же самими лабиринтов грязных интриг, разборок и скандалов. За годы существования проекта они так поднатерели в искусстве сводничества, что им впору открывать самостоятельные «мастер-классы» по сексуальному менеджменту. Совершенно очевидно, что под патронажем таких ведущих построить можно всё, что угодно, но только не любовь. Причина этого проста: в их собственных духовных багажах нет того материала, из которого любовь строится. И они не могут предложить своим подопечным ничего, кроме каких-то мутных, ядовитых снадобий, которые способны вызвать лишь духовное отравление, но никак не любовь. Ведь природа любви какова? Вот одно из ее классических определений: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (Первое послание к Коринфянам апостола Павла; гл. 13, с. 4–7).

Распространенные либеральные программы полового воспитания, доведенные телевидением до абсурда, лишены истинно духовной, религиозной составляющей и пребывают целиком во власти бихевиористской схематики. Вместо формирования одухотворенной полоролевой позиции подростка они нацеливают его на осознание собственного пола исключительно через гениалии. И не удивительно, что подобная биологизация полового просвещения не способствует, а препятствует развитию у юношей и девушек супружеских и родительских установок.

Выводы из этих размышлений носят отнюдь не воодушевляющий характер. Во-первых, социальная реальность, которая нас окружает, не просто «лежит во зле», но погрузилась в него полностью и при этом не слишком стремится высвободиться из этой темной пучины. Во-вторых, сегодня (если

судить по контингенту аналогичных телешоу) злых, эгоистичных, агрессивных субъектов обнаруживается несравнимо больше, чем людей добрых и мягких. Эта аномальная пропорция утвердилась и продолжает утверждаться благодаря тем порядкам, которые господствуют сегодня вокруг, в том числе благодаря телевидению и тому, что данный социальный институт превратился на наших глазах в мировую фабрику по производству всех видов зла, рассчитанного на все вкусы.

Благодаря телепередачам, подобным «Дому-2», распространяется та самая «разруха в головах», о гибельности которой говорил булгаковский профессор Преображенский. Совершенно чуждое чувству нравственной ответственности, секулярно-аномийное ТВ резко подорвало духовное здоровье народа, лишило несколько поколений молодых людей этического иммунитета, который позволял бы им успешно сопротивляться воздействию множества атакующих их темных соблазнов, противостоять напору деструктивных умонастроений.

Сегодня на смену прежним принципам консолидации общества на основе единой богоборческой идеологии пришла модель атомарного социума, в котором индивиды разобщены и связаны между собой лишь сугубо прагматическими зависимостями, не отвечающими духовно-нравственным критериям. В этих условиях обнаружились несколько основных тенденций, в русло которых устремились основные телеинформационные потоки. Во-первых, это тенденция *учебно-школьного атеизма*, унаследованного от советской эпохи и не желающего сдавать своих позиций. В ее плену и по сей день продолжает оставаться практически вся сфера российского детского воспитания, среднего и высшего образования, радио- и телевещания. Большая часть аудио- и видеосюжетов, рассказывающих о функционировании этой сферы и о ее героях, строится в основном таким образом, как будто двухтысячелетней истории христианства вообще не было. При этом любые попытки изменить подобную ситуацию нередко расцениваются как нечто антинаучное, идущее вразрез с «требованиями прогресса», отдающее клерикализмом и даже мракобесием.

Другая тенденция выступает в формах духовной неприкаянности, мировоззренческой растерянности. В явном или скрытом виде подобные умонастроения присутствуют там, где требуются внятные этические оценки описываемых фактов и событий. Оценочные затруднения становятся непреодолимым препятствием для секулярного сознания тех радио- и тележурналистов, чье мышление сформировалось внутри стихии безбрежного релятивизма. Пребывающее в отстраненности от мира абсолютных смыслов, норм и ценностей, оно ничем не может помочь юным и взрослым читателям, слушателям и зрителям, для которых состояние непонимания сути того, что происходит в окружающем мире и с ними самими, стало уже привычным.

Третья тенденция связана с актуализацией неоязыческой архаики. Волна увлечений всех слоев населения предсказаниями астрологов, советами знахарей и колдунов захлестнула российское информационное пространство. Одновременно она заполнила те мировоззренческие пустоты, которые образовались во внутренних мирах миллионов людей «смутного времени», переходной эпохи. При активном участии резидентов неоязычества осуществляется теледемонизация детского и молодежного сознания.

Приходится констатировать, что абсолютное большинство каналов современного секулярного ТВ сегодня не в состоянии обеспечить детям, подросткам, юношам и девушкам достойное духовное бытие, неспособны помочь им в восхождении на должные уровни нравственности и духовности. Зато насаждение деструктивных наклонностей в детском и юношеском сознании идет полным ходом.

Альтернативой секулярно-аномийному ТВ можно считать христианское телевидение. Оно уже существует в России, делает свои первые шаги и вселяет определенные надежды на возможность выхода страны из глубокого духовного кризиса.

В отличие от децентрированного секулярного ТВ, христианское телевидение обладает строгой внутренней организацией своего ценностно-нормативного пространства. Главным принципом ее существования, развития и функционирования является *принцип теоцентризма*. Он предполагает два основных значения – объективное и субъективно-личностное, обозначая мироздание, в центре которого пребывает триединый библейско-христианский Бог, и внутренний мир личности, в семантических, аксиологических и нормативных структурах которого Бог также доминирует.

Теоцентрически ориентированные телеканалы помогают своим зрителям успешно преодолевать те темные соблазны, которым человек склонен поддаваться. Они позволяют рассматривать Бога и культуру как единое целое. При этом Бог, присутствующий в культуре, предстает как необоримая сила, очищающая смыслы, возвышающая ценности и утверждающая библейские нормы морали и права. Бог привносит в семантику и аксиологию теледискурса те качества, которые без Него, сами по себе никогда не смогли бы в нем утвердиться, выступает направляющим, руководящим началом, сопровождающим людей во всех их трудах по созданию и сохранению ценностей культуры.

Одно из наиболее важных направлений деятельности христианских телеканалов «Спас», TBN, «Родной» и других – это христианское просвещение. Если в прошлом христианские знания распространялись через книги, брошюры, журналы, библиотеки, школы, то теперь появились электронные носители и трансляторы религиозной информации. В России, где абсолютное большинство населения – люди, религиозно непроясненные, не умеющие ни

самостоятельно читать Библию, ни правильно осмысливать ее содержание, просветительскую роль христианских телеканалов трудно переоценить.

Необходимо неустанно подчеркивать, что эти телеканалы не представляют никакой угрозы для чистоты духовного пространства современной России, для духовного здоровья россиян. Они – открытые, честные, достойные оппоненты всех тех, кто привык безнаказанно загрязнять духовную среду различными «развратительными идеями» и низменными продуктами распада человеческих душ.

Тех молодых людей, чья духовная жизнь протекает исключительно в секулярном пространстве современной культуры, нередко посещает острое переживание кризиса идентичности, чувство потерянности и духовной неприкаянности. Примечательно, что когда современные ученые-гуманитарии рассуждают о вопросах европейской идентичности, то они называют Библию в качестве ее традиционных культурных оснований. Папа Иоанн Павел II существенно уточнил это положение: «Европейская идентичность, – писал он, – невозможна без христианства. Именно в нем общие корни, из которых вырастает цивилизация старого континента, его культура, динамизм, предприимчивость, способность созидательного расширения на других континентах»¹. Аналогичным образом можно рассуждать не только о Европе, но и о России, где русская идентичность также опирается на традиционные ценностные структуры христианского происхождения.

Человеческий дух не может полноценно существовать и развиваться в среде, где все относительно и, следовательно, зыбко, ненадежно и сомнительно. Ему необходимы абсолютные основания, не подлежащие девальвации. Только на них могут опираться духовность, нравственность, правосознание и еще очень многое из того, что составляет содержание социальной и культурной жизни современных людей. Без опоры на абсолютные религиозные ценности социокультурный мир превращается в гибельную трясиину, в которой будут тонуть все надежды и чаяния новых поколений. И сегодня нет надобности в создании миросозерцательных структур из советских идеологических обломков, из недоброкачественных идейных фальшивок, когда существует христианство с его тысячелетними духовными традициями, спасительными ориентирами и прочными нравственными опорами. Оно способно помочь молодым людям идентифицировать себя достойным образом. Знакомство с библейскими основаниями своей родословной позволит им успешно преодолевать любые проявления кризиса идентичности.

Событием несомненной важности в области детского ТВ стало появление спутникового христианского телеканала «Улыбка ребенка» (Санкт-

1. Христос – источник новой культуры для Европы на заре нового тысячелетия. Предсинодальный симпозиум в Ватикане. – М., 2000. – С. 9.

Петербург), имеющего духовно-развивающую направленность, нацеленного на аудиторию из младших школьников, подростков и их родителей. Ценностные ориентиры этого телеканала:

- воспитательная направленность программ на гармоничное развитие личности ребенка – духовно-нравственное, интеллектуальное, художественно-эстетическое, физическое;
- категорический запрет на демонстрацию передач, пробуждающих в детях негативные наклонности – агрессивность, сексуальную распушенность, грубый меркантилизм;
- демонстрация чистоты и красоты русского языка, неприятие любых форм молодежных арг и сленгов;
- воспитание толерантности, отрицательного отношения к различным формам ксенофобии;
- отстаивание семейных ценностей, норм здоровой семейной морали;
- соблюдение здорового баланса между универсальными, общечеловеческими духовными ценностями и ценностями национальными, российскими.

Творческая команда телеканала учитывает, что потребность в новых впечатлениях и знаниях, характерная для юных зрителей, наилучшим образом развивается посредством игровых форм и жанров – мультфильмов, театрально-кукольных и цирковых представлений, передач рукодельного сотворчества, состязательных проектов, художественно-познавательных и художественно-воспитательных фильмов.

Задача телеканала – готовить новые поколения к жизни в сверхсложном информационном обществе с его плюрализмом мировоззрений, разнообразием ценностных и нормативных систем, учить детей отличать истину от лжи, добро от зла, помогать им совершать в каждой конкретной жизненной ситуации правильный выбор.

Особенность телеканала «Улыбка ребенка», в отличие от детских каналов с секулярной направленностью, состоит в демонстрации того, что возможен христианский взгляд на проблемы, непосредственно касающиеся детей. Это взгляд не узкоконфессиональный, не православный, протестантский или католический, а библейско-евангельский, апеллирующий к тем духовно-нравственным ценностям, средоточием которых является Библия. Данное обстоятельство составляет подлинную новизну того направления, в котором движется этот телеканал.

Язык «Улыбки ребенка» – это язык, опирающийся на универсальные ценности любви, надежды, добра, справедливости и потому доступный пониманию детей и взрослых с разными взглядами. В нем отсутствуют ноты нетерпимости, духовного превосходства, гордыни, он открыт, толерантен, сердечен. Подобное детское ТВ – это культуросозидающая информационная среда, играющая активную роль в построении детьми и подростками собст-

венной картины мира, в обретении ими своей идентичности. Она же способна сыграть неоценимую роль в деле консолидации общества на основе не переходящих идеологических схем и политических клише, но на базисе духовных ценностей высшей пробы – нравственных, религиозных, эстетических. Отличие ее программ от программ секулярных телеканалов носит глубинный, мировоззренческий характер. В них зритель не увидит сюжетов, акцентирующих внимание на безверии, безнадежности и ненависти. В них представлен взгляд на мир с позиций веры, надежды и любви. Любое событие выглядит здесь как свидетельство того, что мир не пребывает в полной власти сил тьмы, зла и разрушения, что в нем всегда присутствуют начала света, добра и справедливости.

Сегодня приходится признать, что духовный вектор христианского, библейско-евангельского телепросвещения вынужден пробиваться сквозь мощные заграждения современного бытового атеизма, академического скептицизма, школьного секуляризма, бюрократического нигилизма, обывательского неоязычества и других ложных умонастроений. Глубокая секуляризованность российского массового сознания – внушительное и весьма тяжелое наследие прошлого. За десятки лет коммунизма в душах нескольких поколений было выжжено очень многое из того, что так или иначе предрасполагало человека к вере. Большинство современных россиян – это люди, которые продолжают считать себя живущими в антропоцентричном мире, где не предусмотрено место для Бога. Однако ни российскому государству, ни российскому обществу не следует страшиться христиански ориентированных детских и взрослых телеканалов. Их передачи, способные выдержать самую строгую морально-этическую экспертизу, не подрывают моральных устоев семьи, частной собственности и государства. Напротив, они утверждают атмосферу высокой духовности, в которой сегодня так нуждаются люди.

Т.А. Воронина

**ТРАДИЦИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПОСТА В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ
В XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Воронина Татьяна Андреевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Крестьянство, которое было самым многочисленным сословием в России в XIX – начале XX в. (23, с. 83, 86) по традиции отличалось особым благочестием в соблюдении православных постов. Сельские жители более истово, чем горожане, следовали всем религиозным предписаниям.

В XIX – начале XX в. понятие «пост» («пощенье», «постованье», «постничанье») было широко распространено в крестьянском обиходе. Более широкий смысл имело слово «говение», означавшее благочестивый обычай не только быть умеренным в пище, но и частое посещение богослужений. Поведение таким образом отразилось в выражениях «говеть», «гавливать»: «Заговляйся в заговенье, а разговляйся, когда Бог приведет!» (7, т. 1, с. 364; т. 3, с. 345; т. 4, с. 22, 24).

Как сейчас, так и тогда посты были приурочены к определенным христианским праздникам: Великий пост – к Пасхе, Петров пост – ко дню памяти святых апостолов Петра и Павла, Успенский пост – к Успению Божией Матери, Рождественский пост – к Рождеству Христову. Дни Рождества Христова и Успения Божией Матери праздновались в одни и те же дни. Рождественский пост начинался 15 ноября и заканчивался 25 декабря в день Рождества Христова* (здесь и далее даты указаны по старому стилю, т.е. по юлианскому календарю). Успенский пост продолжался с 1 по 15 августа и заканчивался в день Успения Пресвятой Богородицы. День Пасхи – переходящий праздник, следовательно, Великий пост каждый год начинался в разные дни. От дня празднования Пасхи зависела и продолжительность Петрова поста, точнее, его начало, ибо конец его всегда приходился на день памяти святых апостолов Петра и Павла (29 июня). Эти четыре поста составляли самые длительные

или многодневные посты. Однодневные посты соблюдали по средам и пятницам, а также в Рождественский сочельник (24 декабря) и Богоявленский сочельник (5 января), в день Усекновения Главы святого Иоанна Предтечи (29 августа) и в день Воздвижения Креста Господня (14 сентября).

С этнографической точки зрения соблюдение поста в крестьянской среде представляет большой интерес в контексте сравнительного анализа практики воздержания от определенного рода пищи представителями разных сословий русского общества. Изучение практики поста как важного компонента не только духовной, но и материальной культуры этноса имеет немаловажное значение для определения национальных черт народа.

В соответствии с религиозными установками питание русского народа в течение года четко разделялось на постные дни, когда запрещалось есть «скоромное», и «мясоед» – дни, когда употребление пищи по составу не ограничивалось. Чтобы нагляднее представить, какое место занимали посты в народной жизни, достаточно сказать, что из 365/6 календарных дней года на посты приходилось около 220 дней, т.е. большая часть года.

Круг источников для решения поставленной задачи достаточно широк. Он включает как архивные, так и опубликованные материалы. Много бытовых подробностей можно встретить в ответах корреспондентов Русского географического общества на вопросы программы, распространенной в 1848 г. Ответы были частично опубликованы, неопубликованные рукописи находятся в архиве общества и постепенно вводятся в научный оборот. Ценным источником стали также материалы Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева, созданного в Петербурге в конце XIX в. Они представляют собой ответы на различные вопросы «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России», охватывавшей многие стороны повседневного быта земледельцев. В ответах содержатся сведения о том, насколько строго соблюдали посты, из чего состояла ежедневная пища крестьян в дни поста, что ели в праздники, как изменялось постное меню в разных семьях в зависимости от экономического бюджета и как оно менялось по временам года. В настоящее время материалы Тенишевского бюро находятся в архиве Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге. Дополнительные сведения можно обнаружить в отдельных выпусках периодических изданий, в мемуарах современников, в художественной литературе. Их оказалось достаточно, чтобы выяснить, каким образом посты отражались в хозяйственной деятельности сельских тружеников, в повседневной лексике русских крестьян и в рационе питания жителей разных губерний России.

Питание русских в целом отражало тесную связь с земледельческим характером их труда, что обусловило в традиционном пищевом рационе мучных, крупяных и растительных продуктов, но особенно много хлеба: «Был бы только хлеб ржаной – крестьянин больше ни о чем не заботится» (22,

с. 271–272). Вместе с тем природные и климатические условия существенно влияли на характер питания, поэтому пища крестьян порой различалась в пределах среднерусской, северной и южной зон, а также в Сибири и на Дальнем Востоке (17, с. 372–382). Наличие собственного хозяйства значительно облегчало соблюдение постов в крестьянской среде.

Многодневные и однодневные посты, органично входившие в жизнь крестьян, связывались в их сознании с сезонными явлениями, влияющими на характер земледелия, рыболовства, охоты. Отмечая ежегодно даты наступления сезонных изменений и сопоставляя их со временем сельскохозяйственных работ, земледельцы устанавливали оптимальные сроки обработки почвы, посева семян, уборки урожая. Начало хозяйственных и промысловых дел ставилось в зависимость от чередования астрономических и климатических явлений. На посты, например, ориентировались при начале сенокоса, уборке зерновых и огородных культур. В Казанской губернии полевые работы начинали после Великого поста, а до этого занимались другими домашними работами¹.

Сенокос всегда начинался после окончания Петрова поста. По представлениям крестьян, тот, кто соблюдал Петров пост, мог надеяться на Божию помощь в трудах. Крестьяне Олонекской губернии также с нетерпением ожидали окончания поста: «Но вот настал Петров день и после него крестьяне как по команде все принимались за сенокос². В Тамбовской губернии говорили: «С Петрова дня зарница хлеб зарит». В народе примечали: «Если просо в Петров день в ложку, то будет его и на ложку». Старались придерживаться такого правила: «До Петрова дня вспахать, до Иванова дня заборонить, а до Спаса посеять»³.

На Успенский пост приходились два «Спаса», связанные с церковными праздниками. На Первый Спас (1 августа) начинался ранний посев ржи. Этот Спас назывался еще «Медовым», пчеловоды освящали в храмах мед, а на реках совершали крестный ход, после которого народ купался. С Первым Спасом связывали проводы лета и приближение холодных дней, значит, следовало спешить с полевыми работами: «С Первого Спаса – холодные росы», «Первый Спас – первый сев, паши под озимь, сей под рожь».

На Второй, или Яблочный Спас (6 августа) освящали все плоды нового урожая, а до этого дня не ели никаких овощей, особый запрет касался яблок. Крестьяне верили, что на том свете тем детям, отцы которых не ели до этих пор яблок, раздадут яблоки, поэтому многие до Преображения яблок не ели⁴. В народе бытовала поговорка: «На Второй Спас и нищий яблочко съест». На

1. Архив Российского этнографического музея (далее – АРЭМ). Ф. 7. Оп. 1. Д. 457. Л. 3.

2. Там же. Оп. 1. Д. 878. Л. 15–16, 22–24; Д. 889. Л. 3, 3 об., 6. Вытегорский уезд.

3. Там же. Оп. 2. Д. 2061. Л. 29. Л. 26.

4. Там же. Оп. 2. Д. 2061. Л. 29.

севере, где яблок выращивали мало, освящали в церкви горох, а после службы устраивали общественный праздник – «гороховые разговины». В южных губерниях освящали виноград и другие фрукты, местами – колосья пшеницы. Примечательно, что со Второго Спаса ухудшалась погода: «На Второй Спас бери vareжки про запас»⁵.

Во время Успенского поста выбирали лен незадолго до Успеньева дня (15 августа), так как потом начинались утренние холодные росы и надо было вовремя собрать урожай. Коноплю убирали до Иванова дня (29 августа), так как после него начинались легкие морозцы, и крестьяне спешили с уборкой картофеля: «Иван Постный пришел, лето красное увел». Таким образом, в известной степени посты разграничивали времена года и были тесно связаны с земледельческим кругом занятий.

На посты ориентировались также и те крестьяне, которые, помимо собственного хозяйства, занимались отхожими неземледельческими промыслами. Большим подспорьем для крестьян Санкт-Петербургской губернии было коновальство. Так, ладожские «заправские» коновалы обычно уходили на заработки в Петербург, в Новгородскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую и другие губернии два раза в году – после окончания Петрова поста после сенокоса и с первой недели Великого поста до «вешнего Николы» (9 мая)⁶. Дополнительные заработки давали и такие сезонные занятия как истребление насекомых, торговля мешками, фруктами и разной мелочью в розницу по учебным заведениям Петербурга. С окончанием Петрова поста многие крестьяне Олонецкой губернии также уходили «на сторону», например, «в бурлаки на канаву» (на строительство канала)⁷.

По традиции во время поста или после его окончания подрядчики производили расчеты с наемными работниками. В Калужской губернии обычно это делали с завершением Петрова поста в Петров день (29 июня), после чего крестьяне возвращались в деревню на полевые работы, тогда же совершали и уплату долгов⁸. В Казанской губернии на посты также ориентировались те крестьяне, которые уходили на дополнительные заработки на фабрики. Наиболее подходящим сроком был период до Петрова дня, потом крестьяне возвращались в родные места на сельскохозяйственные работы. Условия и сроки найма работников для полевой и домашней работы включали период тоже до Петрова дня⁹.

5. Там же. Оп. 1. Д. 433. Л. 19. Вологодская губерния.

6. Там же. Оп. 1. Д. 1469. Л. 3-3 об., 5; Д. 1470. Л. 6-7. 18 об.

7. Там же. Оп. 1. Д. 889. Л. 3, 6. Вытегорский уезд.

8. Там же. Оп. 1. Д. 546. Л. 28. Мещевский уезд.

9. Там же. Оп. 1. Д. 457. Л. 3, 9–11.

В Вятской губернии отходничество было кратковременным, да и то только в зимнее время. Девушки иногда отправлялись на заработки на фабрики во Владимирскую губернию или нанимались к богатым крестьянам на работы по хозяйству, но почти всегда с Пасхи и до Филиппова заговенья¹⁰.

Мужское население Русского Устья (Восточная Сибирь) в зимние посты занималось подледным ловом рыбы, вывозкой леса и подготовкой к сплаву. В марте с установлением наста начиналась охота на медведей и лосей. При ловле рыбы также ориентировались на посты. Так, омулевый ход продолжался весь Петров пост до Петрова дня. До и после Успения начинался ход сельдятки и муксуна, который продолжался до Воздвижения. Метать икру рыба начинала к Иванову дню (29 августа). На Успенский пост ориентировались также во время промысла больших белолобых гусей, возвращавшихся на время гусевания к Успенью или к «Ивану Постному» (29 августа) (11, с. 156).

Сибирские крестьяне тоже часто уходили на различного рода работы с целью дополнительного заработка, например на камнетесные работы, в начале Великого поста, но возвращались домой до Рождественского поста. В Сибири был очень развит такой промысел как сбор кедровых орехов, из которых били масло для себя и для продажи, а также дикорастущих растений. Сбор кедровых орехов и дикорастущего хмеля приурочивали к окончанию Успенского поста (24, с. 166; 6, с. 222).

При безусловной массовости соблюдения поста часть сельских жителей не постились. Именно уход крестьян на различного рода работы, особенно в конце XIX в. с целью дополнительного заработка, послужил причиной несоблюдения поста некоторой частью крестьян. Соприкосновение с городской культурой, подвергнувшейся духовным изменениям раньше, чем крестьянская, оказывало влияние на жителей деревни, прежде неукоснительно соблюдавших обычаи и обряды предков. Например, в Псковской губернии, где в Петербург на заработки шли всегда младшие члены семьи, город, по мнению крестьян, оказывал дурное влияние на молодежь: после возвращения в деревню молодежь вела себя плохо, некоторые «бурлаки» пили, про них крестьяне говорили саркастически: «Ишь, напистерились!»¹¹ Среди центральных губерний – Московская в промышленном отношении стояла на первом месте по объему отходничества. Крестьяне быстро перенимали городские традиции: «Старое уже не пользуется уважением, мода на городское растет»¹². Та же картина наблюдалась в Калужской губернии: «Молодежь почти не молится», а кое-где «молодежь с удовольствием ест скоромное, но тайно»¹³. В Вятской

10. Там же. Оп. 1. Д. 413. Л. 12. Котельнический уезд.

11. Там же. Оп. 1. Д. 1403. Л. 5

12. Там же. Оп. 1. Д. 633. Л. 34.

13. Там же. Оп. 1. Д. 548. Л. 37–40. Мещевский уезд.

губернии молодые парни и девушки стали уклоняться от соблюдения постов, что было также связано с уходом на заработки на фабрики¹⁴.

Посту противопоставлялся «мясоед» («мясоеденье», «мясоятие»), под которым понималось время употребления мясной пищи («Бился, колотился, мясоед прошел, а все не женился»). В южных губерниях чаще употребляли слово «мясницы». Слово «мяскасть» означало просить, требовать в пост мяса и вообще мясной пищи. В повседневной лексике были распространены и такие слова как «мясоедный», «мясоистый», т.е. относящиеся к мясоеду. Слово «мясопустье», или «мясопуща», означало день, в который по церковному уставу мясная пища запрещалась, т.е. «заговенье». (7, т. 2, с. 374). В том случае, если Петров пост приходился на среду или пятницу, в народе говорили: «Мясоед с постом побранился»¹⁵.

Во время мясоеда для приготовления пищи использовали «мясник» – горшок, в котором варили мясо. В то же время почти каждая деревенская хозяйка считала своим долгом иметь «постную» посуду – горшки, миски, ложки, которыми пользовалась только в дни поста¹⁶. В Костромской губ. в горшке, в котором готовили скоромную пищу, никогда не варили постное кушанье¹⁷.

Пища крестьян различалась в зависимости от места их проживания. Соответственно различался и постный стол, сохранивший как общие черты, присущие русской кухне в целом, так и местные особенности питания.

Основной пищей жителей центральных губерний (к северу и к югу от Москвы) в дни поста, помимо хлеба и мучных изделий, были капустные щи с мучной заправкой, похлебки, ботвиньи, окрошки, блюда из картофеля, капусты, гороха, фасоли, чечевицы, репы, тыквы, грибов с добавлением небольшого количества льняного или конопляного масла, квас, овсяный и конопляный кисели, мед, ягоды. Когда разрешалось есть рыбу, – ее варили, жарили, запекали. В Калужской губернии ели много мучной пищи, включая гречневые или ячные блины с конопляным маслом¹⁸. Во Владимирской губернии в посты часто солили огурцы, грибы, капусту, замачивали яблоки. К праздникам, если они приходились на пост, привозили с Урала, Дона и Волги рыбу. Характер питания крестьян в дни постов зависел от времени года, а также от зажиточности семьи. В семьях средней зажиточности в качестве приправ использовали толченый хрен (его ели с

14. Там же. Оп. 1. Д. 413. Л. 12; Д. 416. Л. 17–20. Котельнический уезд.

15. Там же. Оп. 1. Д. 747. Л. 31; Д. 252. Л. 8. Каргопольский уезд.

16. Там же. Оп. 1. Д. 376. Л. 9–10, 16–18; Д. 339. Л. 47.

17. Там же. Оп. 1. Д. 583. Л. 4 об. Галичский уезд.

18. Там же. Оп. 1. Д. 494. Л. 1–3.

квасом), реже – чеснок. Летом и ранней осенью делали «ботвинью» из лебеды, добавив в нее соленую или свежую рыбу¹⁹.

Питание сельских жителей Тверской губернии в обычные дни было довольно простым²⁰. С осени до конца зимы ели чаще ржаной хлеб, каши, отварной картофель с льняным маслом, большим подспорьем были грибы. Соленую рыбу чаще ели зажиточные крестьяне, но в праздничный постный день ее ели все селяне²¹. В Рождественский и Крещенский сочельники пекли «наливухи» из пшеничной или гороховой муки в виде оладий²². В Пошехонском уезде Ярославской губернии постные пироги безо всякой начинки назывались «пироги с аминем», пироги под названием «трудоножки» начиняли пареной брюквой (2, с. 122–123).

В Нижегородской губернии, помимо шей из зеленых листьев капусты, ели гречневую кашу. Более зажиточные крестьяне иногда готовили блюда из гороха, картофеля (его выращивали здесь мало), огурцы и редьку, но в Лукояновском уезде овощи сажали в небольшом количестве (8, с. 40, 43).

Для северных губерний было характерно употребление в пищу жидкой похлебки из ячменной крупы, приправленной овсяной крупой или толокном, каш из ячменной и ржаной муки, репы и редьки. В Каргопольском уезде Архангельской губернии к постному столу подавали «картошные калитки» или ячневые житники, квас с редькой. Дополнением к постному рациону были дикорастущие растения – шавель («кислица»), зеленый лук («луковая трава»), грибы и ягоды (9, с. 81–90).

Главным занятием жителей прибрежного населения Белого моря «поморов» было рыболовство, поэтому в их повседневном рационе рыба была «хлебом насущным», что составляло главное отличие структуры их питания от других уездов губернии с земледельческим укладом хозяйства. Поэтому, что в дни постов в поморских селениях рыбу чаще употребляли в пищу, за исключением тех дней, когда есть ее запрещалось, например, «на Ивана Постного не ели рыбы – постничали» (3, с. 69–70).

В Олонецкой губернии зажиточные крестьяне на обед в постный день чаще ели грибы, картофель, кашу с постным маслом, иногда уху из мелкой рыбы («суща»), пирог с сайдой, а рацион бедного крестьянина был значительно уже. Из кусочков пареной и сушеной брюквы варили сладкое сусло²³.

19. Там же. Оп. 1. Д. 40. Л. 1; Д. 54. Л. 3. Шуйский уезд; Д. 33. Л. 10–12. Юрьевский уезд; Д. 54. Л. 3. Меленковский уезд; Д. 1880. Л. 8–8 об. Муромский уезд.

20. Архив Русского географического общества (далее – АРГО). Р. 41. № 35. Л. 36. Новоторжский уезд.

21. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1903. Л. 3.

22. АРГО. Р. 41. № 52. Л. 215. Калязинский уезд.

23. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 878. Л. 6, 11; Д. 886. Л. 4–6.

В Вологодской губернии овсяное толокно добавляли практически во все блюда – щи, кисели, запаривали с ягодами. Обычными были ягоды и грибы, восполнявшие нехватку витаминов. Весной и летом к обеду подавали щи из овсяной крупы, суп из сушеных грибов – «обабков», тертую редьку, смешанную с квасом и зеленым луком, пироги без начинки – «коровашки». Богатые крестьяне ели пшеничную кашу с льняным или конопляным маслом. К полднику («павжне») подавали только коровашки, к ужину – обабки, редьку, «тяпушку» – блюдо из кваса, смешанного с толокном или толокно с брусникой²⁴.

В южных губерниях Европейской части страны в постные дни чаще ели борщ со свеклой (свежей и квашеной), пшеничную и гречневую кашу, пироги и блины из ржаной муки, больше свежих овощей, фруктов и ягод, бахчевых культур в свежем виде. Впрок заготавливали варенье, пастилу, компоты. Помимо ржаного ели много пшеничного хлеба, а на Кубани пекли заварной хлеб²⁵. В Зарайском уезде Рязанской губернии с осени заготавливали впрок соленые огурцы и кислую капусту, которую ели с квасом (25, с. 107–108, 127). Жители Воронежской губернии ели сырое («соложеное») тесто или пареное с ягодами калины («кулага»), «соломату» из овсяного толокна с конопляным маслом или квасом (19, с. 211). В Черниговской губернии в посты ели капусту, огурцы, картофель, гречневую кашу²⁶.

Пост соблюдали гребенские казаки, проживавшие на Северном Кавказе на левом берегу Терека, хотя было заметно кабардинское влияние, например, в употреблении казаками «пасты» – густой пшенной каши, которую ели чаще хлеба (4, с. 86–87). В кубанских станицах Краснодарского края в дни поста употребляли в пищу борщ с квашеной капустой, «кабашную» кашу из тыквы («редкую» и крутую), добавляя сушеные фрукты – сливы, вишни, гранклеты (разновидность слив) (18, с. 27–28).

Традиционная народная кулинария населения Приуралья имела много общего с общерусской кухней. В посты готовили «репницу» из рубленой репы с крупой, кислые или «толстые щи» из ячменной или овсяной крупы с капустой и квасом, варили «толченую картофельницу» с добавлением любой крупы или «грибовницу» из грибов и сырого накрошенного картофеля с добавлением крупы (20, с. 72–171). На Среднем Урале хлеб выпекали из ржаной, овсяной и ячменной муки, а пшеничный хлеб в достатке был только в Южном Зауралье. Бедные крестьяне в неурожайные годы добавляли в хлеб суррогаты – высушенную и истолченную кору хвойных деревьев, лебеду, хвощ, жмых, крапиву (27, с. 76–79). Постный рацион крестьян, проживающих

24. АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 31. Л. 25–27, 29. Кадниковский уезд.

25. АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1440. Л. 11; Д. 1452. Л. 33; Д. 1456. Л. 14–15.

26. АРГО. Р. 46. Д. 10. Л. 10; Д. 14. Л. 4–6. Нижневицкий уезд.

в юго-западной части Шадринского уезда Пермской губернии включал блюда из тертой редьки с луком, картофелем и огурцами, капусту; пироги из груздей, щи из яшной крупы, кашу из той же, но мелкой крупы. К столу подавали также «паренки» из репы и сушеную вишню в сусле, сладкие пироги с маком, толченой черемухой, вишней, густой квас из сусла (5, с. 114).

Среди оренбургских казаков помимо русских были украинцы, поэтому неудивительно, что в их постном рационе было немало украинских мучных блюд, например, галушки (10, с. 54–55).

Посты строго соблюдались и в Сибири, где особенно много выходцев из губерний европейской части России. Крестьяне Каинского уезда Тобольской губернии ели просяную или ячную кашу с конопляным или рыжиковым маслом (из семян маслянистого растения «рыжик»), щи («шти») из рубленной капусты с ячменной крупой, картофельную похлебку, вареный горох, «репницу» с маком (похлебку из репы), репные или морковные «пареники» с суслом («сусло» – сладковатый навар на муке и солоде, использовался в качестве подливы). Оладьи и блины ели с конопляным и рыжиковым маслом. Так же питались обитатели Ишимского и Минусинского округов (6, с. 270–271).

Жители Алтайского края ели затирки, каши, отварной картофель, крупяные щи, болтушки, тюрю из хлебного крошева с квасом и водой, дикий или огородный зеленый лук с квасом. Местной особенностью была отварная лапша из ржаного теста. Пищу сдабривали льняным, конопляным, рыжиковым и кедровым маслом (16, с. 180, 188).

Пост соблюдали жители Русского Устья Верхоянского округа, расположенного в зоне тундры на реке Индигирке, хотя хлеб, мука, кирпичный чай, сахар, пшеничные или ржаные сухари привозили из Якутска. Как и поморы европейского Севера, они вынужденно вводили в постный рацион рыбу: преимущественно варили уху из свежей рыбы, заготавливали впрок вяленую рыбу («юколу»), жарили лепешки типа оладий и блины из икры, к которой пришивали корни дикорастущей «макарши». Летом собирали щавель и жарили его в рыбьем жире. Чай настаивали на травах и ягодах а то просто пили горячую воду (11, с. 156, 166–167). В культуре насельников Русского Устья было много общего с жителями с. Марково на Анадыре, которые также соблюдали посты (12, с. 155–158).

Способы заготовки, обработки и хранения продуктов жителей Дальнего Востока были общерусскими, вместе с тем они сохраняли черты кулинарии северных губерний. Основу питания местных крестьян составлял хлеб, причем пшеничный получил большее распространение в лесостепной, а ржаной хлеб – в таежной зоне (1, с. 79–80).

Пост соблюдали и в местах заключения каторжан на острове Сахалин, из них большинство были уроженцами Тамбовской, Самарской, Черниговской и

других губерний. Сахалинские ссыльные состояли на казенном довольствии и получали ежедневно печеный хлеб, крупу и другие приварочные продукты; в постные дни мясо заменялось рыбой. Но когда случалось, что полученные продукты арстанты съедали, некоторые из них, работающие на берегу Охотского моря и рек, питались выброшенными ракушками, рыбой и дикорастущими растениями. Помимо обычных поселенцев постились и охранявшие их солдаты (28, с. 296–297).

Детей приучали к посту довольно рано, причем продолжительность кормления ребенка рассчитывали по постам. Так, в Зарайском уезде Рязанской губернии обычно младенцев кормили два Великих поста и один Успенский или два Успенских и один Великий – в зависимости от даты рождения. Дети, отнятые от груди, разделяли пост вместе с большими детьми (25, с. 138–139). В Тульской губернии срок кормления ребенка также простирался обыкновенно три поста: два Великих и один Успенский, или два Успенских и один Великий пост (26, с. 82–83). На Кубани в дни поста детям скоромную пищу давали «не иначе, как только с разрешения и благословения священника» (15, с. 699). У крестьянок Дальнего Востока промежуток между родами был связан с обычаем кормить ребенка грудью «два Великих поста», а иногда и весь период лактации (1, с. 196). В Западной Сибири некоторые родители отсутствие скоромной пищи в Великий пост объясняли детям тем, что все масло сгорело на масленичных кострах (21, с. 40). На Страстной седмице соблюдали особенно строгий пост, но дети нередко хватались за корки, таких «бесстыдников» матери обычно останавливали (18, с. 313). Уроженец с. Усть-Ницы Тюменского округа (Тобольская губерния) Ф. Зобнин вспоминал, что он с трудом выдерживал это время (13, с. 43).

Таким образом, в каждой семье обычаи поститься передавались от старшего поколения к младшему. Посты, начиная с детских лет, способствовали воспитанию таких качеств как воздержание, умение владеть своими чувствами и желаниями, поступать в соответствии с традиционными нормами поведения.

В целом источники показывают, что в XIX – начале XX в. соблюдение постов в крестьянской среде было типичным и общерусским явлением. Посты сочетались с трудовой деятельностью крестьянина, его сельскохозяйственным календарем. На посты ориентировались и те, кто занимался неземледельческими промыслами и нанимались на временную работу. Традиция чередовать обычные и постные дни сформировала народный календарь. Посты отразились в народной лексике и фразеологии, чем была богата русская речь в прошлом. В той степени, в которой посты влияли на пищу и питание крестьян, они занимали важное место в традиционной культуре жизнеобеспечения. Постный стол сохранял как общие черты, присущие русской кухне в целом, так и местные особенности питания. Немаловажно, что обычная пища дополнялась дарами природы, включая

дикорастущие растения. Состав постной пищи зависел от времени года. Состав и количество употребляемых в пищу продуктов питания различались по степени зажиточности. Без преувеличения можно сказать, что на чередовании поста и мясоеда жила русская национальная кухня.

Литература

1. Аргудяева Ю.В. Семья и семейный быт у русских крестьян на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 110 с.
2. Балов А.В. Очерки Пошехонья // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). – 1899. – № 1–2. – Кн. 40–41. – С. 193–224.
3. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. – Л.: Наука, 1983.
4. Великая Н.Н. Традиционная культура гребенского казачества в дореволюционный период: основные тенденции развития // Сбережение народа: традиционная народная культура. – Краснодар, 2007. – С. 86–90.
5. Голикова С.В. Пища // Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. – Екатеринбург: УрОРАН, 1996. – С. 104–118.
6. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (18 – первая половина 19 в.). – Новосибирск: Наука, 1973. – 350 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М.: Русский язык, 1989. – 699 с.; Т. 2. – М., 1989. – 779 с.; Т. 3. – М., 1990. – 555 с.; Т. 4. – М., 1991. – 683 с.
8. Доброзраков М. Село Ульяновка Нижегородской губернии Лукояновского уезда // ЭО. – 1904. – № 2. – Кн. 59.
9. Дурасов Г.П. Народная пища Каргополя (по материалам XIX–XX вв.) // Советская этнография. – № 6. – 1986. – С. 81–90.
10. Зеленин Д.К. У оренбургских казаков (с чертежом) // ЭО. – 1905. – № 4. – Кн. 67. – С. 54–78.
11. Зензинов В.М. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа // Этнографическое обозрение. – 1913. – № 1–2. – С. 110–235.
12. Зензинов В.М. Марковцы и русско-устыинцы. Этнографические параллели и сравнения // ЭО. – 1914. – № 1–2. – С. 155–161.
13. Зобнин Ф. Из года в год. Усть-Ницынская слобода Тюменского уезда Тобольской губернии // Живая старина. – 1894. – Вып. 1. – С. 37–64.
14. Куракеева М.Ф. Пост – время господства духовно-нравственных ценностей над чувственными // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1999 год. Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар, 2000. – С. 27–29.
15. Лапинский А.В. Троицкая станица // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1883. – Т. 1.
16. Липинская В.А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). – М.: Наука, 1987. – 224 с.
17. Липинская В.А. Пища (XI–XX вв.) // Русские. – М.: Наука, 1997. – С. 354–397.
18. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Полисет, 1994. – 446 с.
19. Мальных П. Быт крестьян Воронежской губернии Нижневицкого уезда // Этнографический сборник. – СПб., 1853. – Вып. 1.
20. Маслова Г.С., Станкович Т.В. Материальная культура русского сельского и заводского населения (XIX – начало XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. – М.: Наука, 1960. – С. 72–171.

21. Новоселова Л.В. Народный календарь и его поэзия в Западной Сибири // Фольклор и литература Сибири. – Омск: Омский пед. ин-т им. А.М. Горького, 1974. – Вып. 1.
22. Потехин А.А. Крестьянские дети // Крестьянские судьбы: Рассказы русских писателей второй половины XIX века. – М.: Современник, 1986. – С. 226–311.
23. Россия. Энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991. – 992 с.
24. Салтыкова Р.К. Культурно-бытовые взаимодействия населения Среднего Прииртышья // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Сб. статей. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1983. – 203 с.
25. Селиванов В.В. Год русского земледельца (Зарайский уезд, Рязанской губернии) // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М.: Современник, 1987. – С. 24–145.
26. Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным // ЭО. – 1895. – № 4. – Кн. 27. – С. 82–83.
27. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце 16 – первой половине 19 века. – Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 1995.
28. Чехов А.П. Остров Сахалин. Из путевых заметок // Чехов А.П. Собр. соч. в 18 т. – Т. 14–15. – М.: Наука, 1987. – С. 39–372.

А.В. Палицын

**СВ. КЛИМЕНТ РИМСКИЙ – СИМВОЛ ЕДИНСТВА ХРИСТИАН
В ПАМЯТНИКАХ ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЫ МОСКВЫ**

Палицын Александр Викторович – аспирант Отдела философии ИНИОН РАН.

Мало кто из более двухсот римских первосвященников удостоился такого почитания на Руси как св. Климент I, папа Римский¹. Его жизнь и деяния на папском престоле в 92–101 гг. восходят к истокам апостольского времени (14); он принадлежит к «мужам апостольским» (13) и самым чтимым (не только католиками, но и православными) личностям из первых христиан.

По свидетельству св. Ириния Лионского († ок. 202) он видел апостолов Петра и Павла, общался с ними и слушал их проповеди (8). Находясь с ними в близком общении, Климент унаследовал их учение и опыт духовной жизни, стал прямым продолжателем Петра и Павла «в истинном слове благовествования» (Кол. 1: 5). Об этом свидетельствует написанное ок. 95–96 гг. от имени Римской церкви (12, с. 39) аутентичное «Первое послание св. Климента Римского к Коринфянам» (15). Это Послание является частью Нового Завета в Александрийском кодексе Библии (12), оно принадлежит к каноническим новозаветным текстам в Коптской Церкви (21, с. 117–118).

Непосредственным поводом к его написанию стали серьезные проблемы, возникшие в Церкви Коринфа в 90-е годы, как и при апостоле Павле (1 Кор. 1: 10–12), верующие раскололись на партии, и только немногие остались верны канонической церковной иерархии. В этой ситуации церковного раскола Климент стал символом единства христиан – и это, несомненно, стало импонировать впоследствии православным людям, стремившимся соборности собственное единство на основе ортодоксального понимания канонов христианства.

1. День его памяти Римско-католической церковью отмечается 23 ноября, Русской православной – 25 ноября (по ст. стилю, по новому – 8 декабря).

В Послании Климент говорит о необходимости церковной иерархии и призывает коринфян к единству, примирению, восстановлению мира и порядка: «Итак, будучи уделом Святого... будем делать все относящееся к святости: ...присоединимся к тем, которым дана от Бога благодать. Облечемся в единомыслие, будем смиренны, воздержны, далеки от всякой клеветы и злобных речей, оправдывая себя делами, а не словами» (15, с. 154–155).

Климент назван в Новом Завете, в Послании к Филиппийцам, одним из «сотрудников» апостола Павла, «которых имена – в книге жизни» (Флп. 4: 3); он помогал Павлу, вместе с ним трудился, проповедовал и с равной ответственностью заботился о единстве христиан. Подробнее о жизни и деятельности Климента сообщают «Климентины», относящиеся к апокрифам (9). Возникнув с целью дополнить Священное Писание, они рассказывают о путешествии Климента, встрече с родителями и братьями, разлученными с ним в детстве. В жанровом отношении этот рассказ является «первым христианским романом», он стоит в одном ряду с апокрифическими деяниями Петра, Павла, Иоанна, Андрея и Фомы, составленными в первые века н. э.

Но только ли следование наставлениям первых апостолов, забота о единстве христиан сближают Климента I с православной Россией? Нет, не только это.

Как римский первосвященник Климент был одним из самых влиятельных лиц в Риме, он влиял на духовность и культуру римлян, от рабов до членов императорской семьи. Проповедью и святостью своей жизни он обратил в христианскую веру Флавия Климента, двоюродного брата императора Домициана. Противники христиан донесли об этом императору: Климент, говорили они, «развращает народ наш» (Лк. 23: 2) и поступает «против повелений кесаря» (Деян. 17: 7), уча не приносить жертвы языческим богам.

Последовали репрессии, и Домициан в 96 г. казнил брата за веру во Христа (5, с. 18), а епископа ссылает на каторжные работы в каменоломни Херсонеса Таврического. В ссылке Климент продолжал проповедовать, он обратил в христианство многих язычников. Об этом донесли в Рим, и в 101 г. при императоре Траяне Климент был утоплен в море с якорем на шее (4, с. 657). Тело мученика, вынесенное волнами к берегу, христиане погребли на полуза-топленном островке недалеко от берега (20). Каждый год вода отступала, открывая доступ к мощам Климента. Народ шел «среди моря по суше» (Исх. 14: 22) к этой святыне молиться; было много чудес от мощей (17, с. 5)².

Почитание Климента с годами возрастало все больше, распространившись «даже до края земли» (Деян. 1: 8). Он стал первым почитаемым Русской

2. См. об этом документальный фильм «Паломничество в вечный город» (третья серия «Идущие на смерть», посвященная истории гонений на христианство в I–IV вв. Ведущий – народный артист России Юрий Соломин). – Режим доступа: <http://www.pravmedia.com/video/docfilms/290-palomnichestvo-v-vechnyy-gorod-5-filmov>

православной церковью святым, пострадавшим за Христа в Херсонесе – колыбели христианства на Руси.

В IX в. мощи Климента переносятся с островка, все более разрушавшегося морем, непосредственно в Херсонес. Это святое дело было совершено в январе 861 г. равноапостольными Кириллом и Мефодием, просветителями славян (1). Направляясь из Византии с церковно-политической миссией в Хазарский каганат для диспута с евреями и мусульманами об «истинной вере», они остановились в Херсонесе. Узнав, что мощи Климента до сих пор находятся в море, Кирилл и Мефодий провели раскопки на острове и нашли их (28, с. 557).

Обретение мощей Климента, одной из величайших святынь христианского мира, сыграет ключевую роль во введении славянского языка в качестве богослужебного у славянских народов. Во времена Кирилла и Мефодия в подчиненных Римскому престолу землях богослужение можно было совершать только на латинском, греческом и еврейском, так как именно на этих сакральных языках была сделана надпись на кресте Господнем «Иисус Назорей, Царь Иудейский» (Ин. 19: 19). На Востоке же христианского мира – у коптов в Египте, сирийцев, грузин, армян и других народов – богослужение совершалось на национальных языках. Это навело Кирилла на мысль о применении в богослужении и славянского языка. Для осуществления этой мысли, Кирилл и Мефодий, взяв из Херсонеса часть мощей Климента, отправились в свое дальнейшее миссионерское служение. Когда же мощи были принесены в Рим (27, с. 475), папа Римский Адриан II с клиром и массой верующих вышел встречать их с зажженными свечами за пределы городских стен. Восприняв принесение мощей своего предшественника на Римской кафедре как знамение Божией благодати на Кирилле и Мефодии, Адриан II в присутствии духовенства и римского народа освятил на престоле литургические тексты на славянском языке и благословил совершать по ним богослужения. Это событие стало днем рождения славянского языка в качестве богослужебного у славянских народов.

В 988 г. св. равноапостольный князь Владимир, крестившись и обвенчавшись с византийской принцессой Анной в Херсонесе, взял с собой в Киев саркофаг с мощами (главой) Климента и св. Фива, его ученика. Мощи Климента стали первой государственной святыней Руси. В возведенном в Киеве первом государственном храме – Церкви Богородицы Десятинной – был устроен придел св. Климента Римского. В этом приделе Владимир положил саркофаг с мощами этих святых. После перенесения мощей Климента в собор Софии Киевской в этом саркофаге в XI в. был погребен св. князь Ярослав Мудрый (11, с. 33).

Климент стал первым небесным покровителем Руси. Заботясь о единстве христиан своей жизнью и трудами, он оказался духовно близким русскому

православию. В XI в. ему было посвящено первое русское духовное произведение – «Слово на обновление Десятинной Церкви»³. Первый каменный храм св. Климента Римского был построен в 1153 г. в Старой Ладоге св. Нифонтом, епископом Новгородским.

В настоящее время святыня – глава Климента – покоится рядом с другими мироточивыми главами в Дальних пещерах Свято-Успенской Киево-Печерской лавры (16, с. 26). В 2007 г. на средства благотворителей для нее был изготовлен драгоценный мощевик⁴. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II эту святыню ежегодно будут торжественно переносить из Киево-Печерской лавры в Москву для молитвенного поклонения в «День славянской письменности и культуры» 24 мая (цит. по: 25, с. 28). Этот праздник приобретает все большее значение для духовной, культурной жизни России и единства славянских народов.

Климент своей жизнью и трудами соединил прошлое и настоящее, Запад и Восток. В деяниях св. равноапостольных Кирилла, Мефодия и князя Владимира прослеживается его влияние на укрепление единства и духовное развитие православных людей. Он объединил в едином духовном пространстве Руси православный народ, которому дороги идея единства и взаимной поддержки, что особенно актуально в нынешний непростой период мировой истории, когда предпринимаются попытки разделить и россиян, и славянский мир по социокультурному и конфессиональному признакам, по принципу политических и геополитических ориентаций.

Ярким подтверждением роли Климента в духовной и культурной жизни России являются московские храмы, носящие его имя. Напоминая о заветах Климента хранить христианское единство, они исторически воплощали стремление к объединению россиян, считающих своим долгом защищать православную веру и Отечество.

В Москве память о св. Клименте воплощают два православных храма, расположенных в центре города (25; 10, с. 57); придел св. Климента Римского есть в Церкви пророка Ильи на Ильинке в Китай-городе (26). Но был и храм (возможно, даже храмы), который не сохранился – в 1676 г. он сгорел.

Храм св. Климента Римского. В центре Москвы стоял деревянный храм священномученика Климента Римского – уникальный памятник русской ис-

3. Это название тексту дано князем М. А. Оболенским. На самом деле текст имеет название – «Месяца ноября в 25 день. Мучение святого священномученика епископа Климента».

4. Частица мироточивой главы Климента Римского, привезенная из Киево-Печерской лавры, хранится в специально для нее изготовленном мощевике в Крестовоздвиженском Иерусалимском ставропигиальном женском монастыре (с. Лукино, Домодедовский район, Московская область).

тории и культуры. Он был построен на берегу речки Неглиная, на месте нынешней Трубной площади, недалеко от здания «Петровка, 38». С 1625 г. священнику, диакону и просфорнице храма выдавалось царское жалованье; в 1631–1632 гг. в приходе было 508 дворов; в 1635 г. здесь жили стрельцы полка Михаила Рчинова, т.е. «государевы люди». Они защищали государство от внешних и внутренних врагов, охраняя правопорядок и борясь с преступностью. В 1650 г. в его приходе уже насчитывалось 500 человек (19, с. 4–5). Важно отметить, что стрельцы помогали содержать на свои средства храм, где поминались синодики «о здравии» и «о упокоении» с их именами.

Память Климента и почитание его самым непосредственным образом влияли на культуру и духовность самих стрельцов. Увы, опустошительные пожары, неоднократно обрушивавшиеся на Москву, наносили непоправимый ущерб архитектуре деревянной столицы. Храм св. Климента Римского сгорел во время одного из таких пожаров (1676).

Как правило, на месте сгоравших храмов скоро отстраивали новые. Но этого не произошло с храмом св. Климента. Вместо него 1 июня 1679 г. при государе Федоре Алексеевиче и Патриархе всея Руси Иоакиме был заложен поблизости каменный храм Знамения иконы Божией Матери (ныне – Храм Знамения иконы Божией Матери на Петровке, в Колобовском переулке). Тем не менее один из его приделов был посвящен Клименту Римскому – в память сгоревшего деревянного храма. Храм Знамения иконы Божией Матери был построен стрельцами полковника Никифора Ивановича Колобова и с момента его открытия являлся полковым, воинским храмом. Три года собирали стрельцы средства, чтобы начать строительство храма Пресвятой Богородицы, и за год воздвигли его. Участие в его постройке принимал сам государь Федор Алексеевич. Именно к нему обратились за помощью стрельцы, построившие храм своим «иждивением». Вот подлинные строки «челобитной» грамоты: «Царю государю и великому князю Федору Алексеевичу, всея Великия и Малая и Белая России самодержцу, бьют челом холопы твои стольника и полковника Никифора Ивановича Колобова пятидесятники и десятники и рядовые всего приказу стрельцы. Твоим великого государя жалованием, а нашим, холопей твоих, обещанием построена у нас церковь каменная во имя Знамения Пресвятой Богородицы да в приделе священномученика Климента, папы Римского, а Божия милосердия образов построить нам, холопом твоим нечем...» (24).

Таким образом, очевидна синтагма духовного и государственного служения у русских людей этого времени. В 1680 г. по приказу из казны Оружейной палаты в Знаменский храм были переданы 41 икона праотцев, пророков и апостолов, а также южная дверь иконостаса. Позднее главный купол был увенчан крестом с короной, что свидетельствует о его посещении царственными особами и их попечения о нем. Во время пожара 1812 г. храм пострадал

меньше других московских святынь: сгорела крыша, были повреждены двери и окна, хотя из главного придела был похищен антиминс. В 1815 г. по просьбе прихожан храм Знамения иконы Божией Матери был вновь освящен, оставался неосвященным только придел св. Климента Римского. Однако когда он был приготовлен, прихожане заявили, что они в память о 1812 г. желают посвятить его имени св. преподобного Сергия Радонежского – игумена земли русской. Их желание было исполнено священноначалием. В 1819 г. Климентовский придел храма был переосвящен во имя преподобного Сергия Радонежского и стал называться Сергиевским (19, с. 16). Можем ли мы надеяться, что наследники стрельцов – «Петровка, 38», московская милиция – восстановят почитание Климента, возродив посвященный ему храм, являвшийся на протяжении истории средоточием культурных и духовных ценностей охранителей порядка в Москве? Вопрос пока без ответа.

Храм священномученика Климента, папы Римского (действующий). Возле станции метро «Третьяковская», в Климентовском переулке, находится этот храм – один из самых больших и красивых храмов в столице, уникальный памятник истории и культуры Москвы и всей России. Он введен в культурную программу «Золотого кольца Москвы» как единственный полностью сохранившийся (уже будучи перестроенным) памятник церковной архитектуры XVIII в.

Храм св. Климента Римского является объектом культурного наследия федерального значения; он находится на балансе Комитета по культурному наследию города Москвы. Входит святыня и в пешеходный маршрут «По достопримечательным местам Замоскворечья». Храм хорошо виден из расположенного напротив Кремля, который в 1339 г. был вновь заложен после страшного пожара и наводнения при Иване Калите – «месяца ноября в 25 день, на память святого мученика Климента» (цит. по: 25, с. 4). Эффектно воздвигнутое здание храма при низкой застройке этого района в XVIII в. своим мощным силуэтом создавало красивую перспективу. Сильное впечатление производят интерьеры, напоминающие императорские дворцы. Центр здания открыт на всю высоту, от пола до свода широкого центрального барабана. Совершенство плана и вида храма свидетельствует о незаурядном даровании архитектора. Авторство проекта приписывали Ф.Б. Растрелли, А.П. Евлашеву, С.И. Чевакинскому, И.Ф. Мичурину, И.П. Жеребцову, И.Я. Яковлеву. Большое величественное здание, его пятиглавый и пятистолбный ансамбль в четком квадрате не имеет аналогов в московской архитектуре. Не нашел их в своих экскурсах и главный советский реставратор академик И.Э. Грабарь, написавший: «По своему облику храм выпадает из круга московских памятников данного периода, будучи наделен скорее чертами петербургской архитектуры, но архитектуры высокого стиля, притом не имеющей прямой аналогии с творчеством ведущих мастеров Петербурга» (цит. по: 6, с. 98).

При осмотре храма поражает великолепная кованая решетка ограды, восстановленная в 1957 г. по сохранившемуся образцу XVIII в. Еще в первой половине XX в. ограда стояла на некотором расстоянии от храма, чтобы крестный ход мог пройти по церковной территории. Небольшой сквер у восточного фасада церкви, выходящий на Пятницкую улицу, относился раньше к церковному участку и был окружен такой же пышной барочной решеткой. Здесь стоял павильон-ворота, построенный в XVIII в. в стиле храма. Это было редкое произведение архитектуры со сложным планом в форме трапеции. Рядом с павильоном находились небольшой бассейн-источник и еще один павильон, увенчанный главой с крестом, который играл роль прикладной часовни и был уничтожен в 1930-е годы (23). Остается только надеяться, что появится возможность восстановить входной павильон с оградой вокруг сквера и тем самым воссоздать во всей полноте уникальный ансамбль храма св. Климента, тем более что есть чертежи и фотографии разрушенного шедевра⁵.

Храм св. Климента имеет древнюю историю. В 1612 г. он был свидетелем веры, мужества и героизма московских ополченцев в сражении с отрядом польско-литовских захватчиков под командованием гетмана Я.К. Ходкевича. У Свято-Климентовского храма, где располагался Климентовский острожек, 12 августа (по ст. стилю, по новому – 24 августа) 1612 г. началось освобождение Москвы от польско-литовских захватчиков. Об этом писал церковный историк Смутного времени, келарь Троице-Сергиевой Лавры, Авраамий Палицын. Посланный князем Д.М. Пожарским воодушевить русских воинов, он нашел их уже победившими неприятеля и готовыми сражаться до полной победы. В «Кратком историческом описании московской Климентовской, что на Пятницкой улице, церкви», составленном, видимо, настоятелем А.С. Парусниковым, справедливо отмечено, что «сражение при Климентовском острожке было как бы зерном спасения Москвы и России», а сам храм, как свидетель этого важного события, приобрел «особое историческое значение для Отечества» (25, с. 4–6). Драматург А.Н. Островский посвятил этому историческому событию одну из сцен пьесы «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» (цит. по: 2, с. 219).

В апреле 1756 г. священник Климентовского храма Симеон Васильев и прихожане обратились с челобитной к императрице Елизавете Петровне. Они просили разрешения переделать придел святых Климента Римского и Петра Александрийского и трапезу «за их ветхость». Восшествие на престол Елизаветы Петровны совпало с днем памяти Климента – 25 ноября 1741 г. И 31 мая

5. Заслуживает внимания стоящий рядом дом № 28 – это надстроенный дом причта Климентовского храма. Сейчас в нем 76 жилых квартир; дом известен тем, что в нем в 1960-х годах жил выдающийся актер и кинорежиссер Ролан Быков с супругой, известной актрисой, – Еленой Санаевой и сыном Елены Всеволодовны Павлом Санаевым.

1756 г. последовал указ «Ея Императорского Величества...», разрешавший строительство. В 1758 г. были построены два придела: 1) Свв. Климента Римского и Петра Александрийского и 2) Иконы Божией Матери «Неопалимая Купина». К храму были пристроены существующие и по сей день трапезная и трехъярусная колокольня, размеры которой соответствовали небольшому старому храму. Все расходы принял на себя К.М. Матвеев – богатый предприниматель и прихожанин храма св. Климента, в приходе которого он имел большую усадьбу (ныне – дом № 31 на Пятницкой улице).

В мае 1762 г. священник Климентовского храма Симеон Васильев и К.М. Матвеев написали прошение на имя Московского и Севского митрополита Тимофея (Щербацкого, † 1767 г.) о перестройке старого обветшавшего храма и построении нового. 25 мая 1762 г. прихожане получили разрешение на слом старого храма, и к 1770 г. на его месте возникло существующее здание с главным приделом Преображения Господня (22, с. 3). Долгое время святого являлась храмом Императорского Преображенского полка, во время богослужений он вмещал весь офицерский корпус. Закрытый в начале 1930-х годов и переданный в аренду Государственной библиотеке имени В.И. Ленина, храм был переоборудован под нужды ее книгохранилища.

31 августа 1990 г. исполком Моссовета удовлетворил ходатайство Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II о возвращении храма верующим, но служить в нем было нельзя: библиотеке некуда было вывезти книги. В течение нескольких лет верующие молились у церковной ограды, и никакие погодные условия не мешали им. Возрождению духовной жизни был дан новый импульс после того, как в 2004 г. храму была передана из Италии частица мощей Климента Римского, которую поместили в храмовую икону святого. В марте 2005 г. удалось освободить северный придел. Этот год стал в истории храма ключевым: 7 марта (по ст. стилю, по новому – 20 марта), в День Торжества Православия, в северном приделе иконы Божией Матери «Знамение» при огромном стечении прихожан была отслужена первая за долгие годы «безмолвия» Божественная литургия (23; 25, с. 3).

В 2005 г. священник-францисканец из Болоньи Томмазо Тоски, вице-президент Международной ассоциации выставок-ярмарок сенатор Данте Стефани и член комитета «Мост дружбы» Лучано Кики, по благословению Святейшего Патриарха Алексия II, создали в 2005 г. специальный Комитет «UN PONTE D'AMICIZIA» для помощи воссозданию храма св. Климента и укреплению русско-итальянских связей, в том числе паломнических поездок религиозного направления, обменов хоровыми коллективами и церковными выставками. При содействии этого комитета приход храма, выполняя Перво-святительское благословение, осуществляет издательский проект «Священномученик Климент, папа Римский, в истории христианства». До начала финансово-экономического кризиса комитет также взял на себя обязательство

по сбору средств на восстановление и реставрацию Никольского (святителя Николая) придела храма св. Климента и по переговорам о передаче из Италии (архиепископия г. Римини) частицы мощей святителя в этот придел. В свою очередь Правительство Москвы приступило к комплексной работе по ремонту и реставрации храма.

16 февраля 2008 г. после посещения храма св. Климента, папы Римского, мэр Москвы Ю.М. Лужков провел совещание по вопросам вывоза в кратчайшие сроки книгохранилища и проведения ремонтно-реставрационных работ. Отвечая на вопросы журналистов, в том числе обозревателя «Тверской, 13», он отметил, что *«восстановление всех храмов как святынь, как памятников истории и жемчужин архитектуры – стратегическое направление работы Правительства Москвы. Мы считаем этот фактор важнейшим стимулом возвращения духовности российского народа, придания ему силы, обеспечения благочестивого образа жизни, укрепления общей морали, как в Москве, так и во всей стране. В ряду такой работы храм священномученика Климента, папы Римского, занимает, конечно, особое место. Это одна из самых значимых святынь России, настоящая жемчужина архитектуры, которая напоминает нам о самых ярких страницах истории Москвы и всей страны. Не скрою – к церкви Климента у меня свое особое, даже личное отношение. Я ее помню и почитаю с глубокого детства. Ведь здесь рядом есть средняя школа № 129, которую я заканчивал. Вообще Замоскворечье – моя малая Родина, и все, что с ним связано, для меня очень дорого. Я думаю, не только для меня, но и для всех москвичей. Этот храм обладает огромным духовным потенциалом, архитектурным и внутренним богатством. И это уникальное богатство, наша святыня, пока находится в жутком состоянии. Богослужение здесь идет лишь в маленьком отреставрированном помещении, что, конечно, создает большие проблемы многочисленным прихожанам. Правительство Москвы поставило себе задачу полностью восстановить храм, вернуть его былое архитектурное величие, красоту внутреннего убранства, ощущение внутреннего величия, предоставить возможность москвичам здесь умиротворяться, обогащаться духовно. Как это лучше сделать – мы сейчас предметно говорили на совещании, где наметили ряд серьезных направлений работы. Когда эти работы закончим, то возродим один из самых уникальных храмов России и всего православного мира, вернем верующим одну из самых значимых святынь. Храм будет невероятно красивым. Но главное, конечно, не его красота, а духовная потребность в нем огромного числа прихожан»* (3, с. 3). Ю.М. Лужков сдержал свое обещание: вскоре после его визита развернулась комплексная работа по обустройству храма.

Библиотека к июню 2008 г. освободила храмовое помещение и началась долгожданная полномасштабная реставрация (23). Комитет по культурному наследию города Москвы добился включения храма св. Климента в програм-

му реставрационных работ за счет средств столичного бюджета. Как намечено планом комплексных работ, Свято-Климентовский храм должен быть отреставрирован к концу 2012 г. (об этом сообщило агентство ИТАР-ТАСС 29 сентября 2008 г.). На его реставрацию из городского бюджета Правительство Москвы выделяет около 2 млрд руб.

В отремонтированных и освобожденных от книг помещениях идет богослужебная деятельность. Храм св. Климента, папы Римского, стал собирать под сводами множество прихожан. В нем совершил свое первое богослужение (всенощное бдение, 24 января 2009 г.) в храмах Московского Патриархата Первоиерарх Русской зарубежной православной церкви митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион (18).

Храм Рождества св. Иоанна Предтечи на Варварке (недействующий). Он расположен на ул. Варварка, 15, возле памятника Кириллу и Мефодию. Имеет три придела: 1) главный – Рождества св. Иоанна Предтечи; 2) северный – Свв. Климента Римского и Петра Александрийского; 3) южный – Иконы Божией Матери «Боголюбская».

Храм был построен 24 июня 1619 г. Патриархом Московским и всея Руси Филаретом в память своего посвящения в Предстоятели Русской православной церкви – в праздник Рождества св. Иоанна Предтечи. И хотя он был освящен во имя Рождества св. Иоанна Предтечи, в народе он устойчиво именовался **церковью папы Климента у Варварских ворот** по посвященному ему приделу (10, с. 57). Доживший до наших дней каменный храм был перестроен из старого в 1741 г. фабрикантом Федором Подсевальщиковым в честь восшествия в этот год на российский престол Елизаветы Петровны, совпавшее (как уже упоминалось ранее) с днем празднования памяти Климента (25 ноября), – почему Ф.С. Подсевальщиков и взялся за перестройку именно этого храма в Китай-городе. Ныне существующий северный придел был построен в 1822 г. (5, с. 75).

В 1920 г. храм закрыли. После разрушения купола, колокольни, ворот и ограды в нем устроили детский сад, затем в изувеченном здании размещались жилой дом, склад и другие учреждения. В 1991 г. московские власти вернули его Русской православной церкви.

В настоящее время храм входит в состав Патриаршего подворья «Зарядье», но совершать в нем богослужения нельзя, он нуждается в срочном проведении ремонтно-реставрационных работ. Остается надеется, что Правительство Москвы и специалисты Москомнаследия проведут эти работы.

Как часть духовного наследия Москвы и, следовательно, как часть одной из основных составляющих ее культуры православные храмы св. Климента, папы Римского, олицетворяют союз глубокой веры, высокой профессиональной деятельности и истинной гражданственности.

Роль Климента I в духовной культуре столицы, как и за рубежом, особенно в католических странах, по-прежнему значительна. Как было подчеркнуто вначале, Климент Римский еще при жизни стал символом единства христиан; его жизнь и труды и сейчас призваны укрепить духовное единение православных людей России, всех народов православного мира.

Литература

1. Беляев С.А. В какой храм в Херсонесе равноапостольные братья Кирилл и Мефодий положили святые мощи Климента I, папы Римского // Светильник⁷: Церковное искусство и археология. – М., 2001. – Вып. 1. – С. 23–39.
2. Вострышев М.Н. Москва: Все улицы, площади, бульвары, переулки. – М., 2009. – 688 с.
3. Дергилев А. Жемчужина в переулке – храм священномученика Климента, папы Римского, в Замоскворечье // Тверская, 13 – Газета Правительства Москвы. – М., 2008. – № 23 (19 февраля, вторник). – С. 1, 3.
4. Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием. – М., 2006. – 978 с.
5. Задворный В.Л. История Римских пап: от св. Петра до св. Симплиция. – М., 1995. – Т. I. – 346 с.
6. Замоскворечье: путеводитель. – М., 2007. – 327 с.
7. Иннокентий (Павлов), игумен. Александрийский кодекс // Православная энциклопедия. – М., 2000. – Т. I. – С. 594–595.
8. Ириней Лионский, священномученик. Пять книг против ересей. Книга III. – Режим доступа: <http://khazarzar.skeptik.net/books/irenaeus/ah/index.html>
9. Касьян М., Задворный В. Климентины // Католическая энциклопедия. – М., 2005. – Т. II. – С. 1104–1106.
10. Колодный Л.Е. Китай-город. – М., 2004. – 528 с.
11. Латышева А.В. Мемориальный и мариинский культ в ранневизантийском Херсоне. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/portal/natural/VKhNU/Istor/816/Latyшева_A_V.pdf
12. Метгер Б.М. Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение / Пер. с англ. – М., 2006. – 342 с.
13. О святом Клименте Римском и его первом послании к Коринфянам // Писание мужей апостольских. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – С. 119–134.
14. Палицын А.В. Климент I // Большая Российская энциклопедия. – М., 2009. – Т. 14. – С. 288–289.
15. Первое послание св. Климента Римского к Коринфянам // Писание мужей апостольских. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. – С. 135–172, 501–504.
16. Пещеры Киево-Печерской Лавры. – К.: Киево-Печерская Успенская Лавра, 2006. – 56 с.
17. Помяловский И.В. Феодосий и его сочинение «О местоположении Святой Земли» начала VI в. – Режим доступа: <http://www.krotov.info/acts/06/1/feodos.htm>
18. Православная Москва: храм священномученика Климента, папы Римского. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/566073.html>
19. Скорцов Н.А., священник. Храм Знамения Пресвятой Богородицы за Петровскими воротами, в Никитском сороке города Москвы. – М., 1911. – 34 с.

20. Смирнов Р.П. Трехмерная компьютерная реконструкция археологического объекта в Качачьей бухте Севастополя. – Режим доступа: http://conf.cpic.ru/eva2007/rus/reports/report_1302.html
21. Толмачева Е.Г. Копты: Египет без фараонов. – М., 2003. – 248 с.
22. Фролов А. Что таил внутри храм Климента? // Вестник Замоскворечья. – М., 2008. – № 14. – С. 3, 5.
23. Фролов А., Востриков А. Климентовский переулок: Церковь священномученика Климента, папы Римского // Вестник Замоскворечья. – М., 2008. – № 16 а. – С. 5.
24. Храм Знамения иконы Божией Матери на Петровке. – Режим доступа: <http://hramznameniya.ru/history/>
25. Церковь во имя священномученика Климента папы Римского, что на Пятницкой улице в Замоскворечье. – М.: Издательский отдел храма во имя священномученика Климента, папы Римского, в Замоскворечье, 2008. – 32 с.
26. Церковь Ильи пророка на Ильинке. – Режим доступа: http://www.hramilias.ru/temple/throne_description/
27. Devos P. Cyril (Constantine) and Methodius, saints // The New Catholic Encyclopedia. – Washington, 2003. – Vol. 4. – P. 474–477.
28. Stichel R. Die «Hohe Rede»: Zum Verständnis eines Begriffs in der Predigt auf die Auffindung der Gebeine des hl. Clemens // Symposium Methodianum. – Neuried, 1988. – S. 557–561.

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

С.В. Бахрушин

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА¹

Новая дума, создававшаяся из общественных групп, до тех пор не участвовавших в муниципальном деле, представляла из себя (а иначе не могло быть) резкое различие с прежней цензовой думой. Достаточно сказать, что из 200 гласных, избранных летом 1917 г.², только человек 25 принадлежало предшествующему составу думы и управы. По своему национальному составу она была необычайно пестра. Дореволюционное законодательство ревниво охраняло национальную чистоту городских управлений. Теперь политические партии, наперерыв стремились привлечь на свою сторону инородческие группы населения Москвы, торопились ввести в состав думы отдельных представителей татар, поляков, армян. Но самую крупную инородческую группу по понятным причинам составили евреи, изначала принимавшие деятельное участие в работе революционных партий. Среди гласных-социалистов евреев было около 20% [...]

В культурном отношении демократическая дума представляла собой, как и можно было ожидать, значительный шаг назад. Это общее понижение культурного уровня бросалось в глаза с первого взгляда. Во главе комиссии по составлению обязательных постановлений, в которой при прежних составах думы работали все силы московской адвокатуры, которая некогда имела в своем составе таких тонких и образованных юристов, как С.А. Муромцев или Н.В. Тесленко..., оказался полуграмотный бухгалтер, который с трудом разбирался в наскоро испеченных под его руководством постановлениях. Председателем комиссии по техническим сооружениям, объединявшей прежде в своей среде выдающихся профессоров и техников, был избран простой слесарь. На место известного московского педагога А.Д. Алферова председательское место в училищной комиссии заняла серенькая учительница... В то время как в числе 34 гласных по списку [партии] народной свободы, насчитывалось 10 профессоров и преподавателей высших учебных заведений, 2 директора больших и известных в Москве учебных заведений, в том числе члены московской адвокатуры В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко, наконец, такие

теоретики муниципального дела, как Н.Н. Авинов и С.В. Сперанский, на 167 представителей социалистических партий приходилось только 4 преподавателя высших учебных заведений и несколько мелких присяжных поверенных [...] По-видимому, они чувствовали недостаточность образовательного ценза своих членов и чтобы сгладить впечатление, те из социалистов, которые вообще окончили какое-нибудь учебное заведение в России или за границей, отмечали в списках [...] «кандидатами» соответствующих наук или докторами иностранных университетов), рассчитанными на невежественность избирателей. Зато в их составе было более 25 человек рабочих и низших служащих. Среди этих рабочих были некоторые вполне развитые люди, и я вспоминаю до сих пор с величайшим уважением члена социал-демократической фракции (меньшевиков) печатника [А.Б.] Романова, хорошего оратора, выступавшего всегда умно, убежденно и с тактом; но большинство из них мало было подготовлено к ответственной работе, лежавшей перед ними. В частности, самое печальное впечатление производил стоявший чуть ли не во главе социал-революционного списка слесарь [А.В.] Владимиров, человек тупой и бестолковый. Общее понижение культурного уровня [думы] нашло себе наглядное выражение в ее внешнем облике. Добрые традиции и благообразия, и чистоплотности заменились неряшливой распушенностью, характерной для людей средней интеллигентности: табачный дым, окурки на полу, косоворотки и блузы – все это придавало думским заседаниям колорит университетских студенческих вечеринок [...] Но если новая дума не блистала культурным уровнем своих членов, то она могла гордиться их политическим прошлым. В нее вошли заслуженные борцы за революционное дело, работники партийных комитетов, уже много лет числившиеся в партии, как А.В. Гедеоновский, милый и несказанно нелепый старичок, бывший, по словам официального документа, «в революционной работе с 1878 года, в партии со времени ее основания», ветераны революции, редакторы подпольных социалистических журналов, защитники на политических процессах, эмигранты, хлынувшие обратно в Россию при первых вестях о перевороте, тюремные сидельцы, мученики своих идей, вырвавшиеся из тюрем или вернувшиеся из ссылки и вынесенные из своих мест заключения необычайно смелым социальным настроением, младенчески ясным пониманием момента и пленительным по своей широте, хотя и сумбурным по существу мирозерцанием. Люди, свободные от всяких сомнений, жестокие в своей последовательности и беспощадные в своей непогрешимости. В списках гласных у партии социалистов-революционеров имелась, например, некая Анастасия Алексеевна Биценко³, уже немолодая женщина лет сорока, социальное положение которой определялось красноречиво и кратко: «по делу Сахарова» (террористический акт) осуждена на бессрочную каторгу. Это немного напо-

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

минает анекдот об анкете, в которой под той же рубрикой «социальное положение» значилось «пьяница».

Одной из демократических новинок демократической думы было присутствие в ней женщин. Принципиально, такое допущение женщин к муниципальному делу, не может встретить серьезных возражений, и равноправие полов в этой области было провозглашено всеми без исключения партиями, соревновавшимися между собой на выборах [...] В момент революции женщины заполнили все сферы политической и общественной деятельности страны. В новой думе их было 12 человек, все принадлежавшие к социалистическим партиям. Среди них были хорошие ораторы. От социалистов-революционеров с большой страстностью выступала Лидия Арманд, теософка, с одинаковой искренностью искавшая в премудрости индусского богословия и в упрощенных лозунгах русского социализма удовлетворения запросов своей увлекающейся и слегка сентиментальной души. Ее горячие, почти истерические речи производили впечатление. Н.И. Астрову нравилась ее изысканность и цветистые метафоры – женственному складу его натуры были близки свойства женского вкуса и женского творчества. Полной противоположностью ей была оратор социал-демократической партии – Софья Моисеевна Зарецкая – грузная, мужеподобная еврейка, говорившая зычно и внушительно, точно била топором по стене. Фракция большевиков могла гордиться присутствием в ее среде Инессы Арманд, приехавшей вместе с Лениным в «запломбированном» вагоне. Ее появление на скамьях крайне левой произвело фурор. Я, впрочем, плохо ее разглядел – я сидел слишком вправо от нее. Из других гласных-женщин обращала на себя внимание принадлежавшая к социалистам-революционерам Е.П. Пешкова, первая жена писателя Максима Горького, не порывавшая с ним дружеских отношений и после его вторичного брака. Для меня всегда было тайной, как эта изящная, милая и умная женщина, могла увлечься таким грубым и самовлюбленным человеком, каким был Горький. Но он имел, очевидно, какое-то свойство, которое привлекало к нему женственные натуры. Его вторая жена, актриса [М.Ф.] Андреева, – воплощение того, кого немцы называли «das ewig weibliche», бросила для него семью и детей и порвала с высшими кругами общества, к которому принадлежала по первому своему мужу Желябужскому. Е.П. Пешкова продолжала переписываться с изменившим ей супругом-писателем. При приездах в Москву он останавливался у нее, и ее квартира служила ему местом свидания с общественными деятелями старой столицы.

В заключение надо отметить, что состав новой думы был в общем моложе прежних составов. Дореволюционное городское положение устанавливало 25-летний возрастной ценз для гласных. В наше время думали, что участие в общественной работе требует повышенного общего умственного и духовного развития, которым обладает лишь человек, физически взрослый, с выработав-

шимся мировоззрением и привлечение к делу молодежи в том возрасте, когда она еще нуждается в руководстве со стороны старших, не считалось целесообразным. На практике раньше 30 лет в думу попадали в виде исключения. Случаи, когда гласным становился молодой человек тотчас по достижении 25-летнего возраста, могут быть перечислены по пальцам. За время моего пребывания в думе в возрасте 25 лет были избраны в 1908 г. автор этих записок, а в 1917 г. Павел Афанасьевич Бурыйшкий. Из других молодых гласных могу назвать Сергея Николаевича Третьякова, которому было 26 лет, когда он удостоился в первый раз избрания. Легко заметить, что все это были носители громких московских фамилий, которые от своих отцов унаследовали общественное доверие и престиж. [...] Революционный закон в угоду социалистическим воззрениям понизил ценз до 21 года и в новой думе было потому 24 гласных моложе 30 лет, но из них некоторые моложе традиционных 25 лет. Мне пришлось столкнуться в комиссионной работе с двумя очень юными социал-революционерами, из которых один был студент 21 года от роду. Они совершенно терялись в условиях серьезной работы и их смущение в тех случаях, когда им приходилось принимать самостоятельное решение, бывало забавно. Я, впрочем, вспоминал, что в свое время, вступив в состав гласных в возрасте старше их в условиях гораздо более благоприятных и с хорошей подготовкой, я чувствовал себя первое время слишком молодым для ответственной работы и не удивлялся поэтому застенчивой робости этих юнцов.

В партийном отношении демократическая дума в двух третях своего состава была составлена, как сказано выше, из представителей социал-революционной партии, которые призваны были направлять общую политику московского городского управления в ответственные мирные месяцы 1917 г. Оглядываясь на общую массу думских социалистов-революционеров, я должен сказать, что это были по большей части, очень милые и безобидные люди, но безнадежно серые и лишенные дарования. По существу своему, мелкие обыватели мещанского типа, с очень маленькими запросами и узкими интересами, они с чисто мещанской наивностью уверовали в догму доморожденного социализма, критически разобраться в которой им мешал недостаток общего развития и образования. Горожане, не знавшие условий деревенской жизни, они простодушно верили в возможность безболезненного проведения в жизнь принципа «земли и воли», и были искренно огорчены при первых известиях об аграрных беспорядках. Сентиментально любя «народ», знакомый им в сущности больше по книжкам из городских читален, они, впрочем, легко примирались с чинимыми этим народом насилиями и жестокостью, поскольку они происходили заглазно и не затрагивали их самих непосредственно. Практически этих мелких московских обывателей интересовал только один вопрос – квартирная плата, которую они по мере роста доборовизны, все с большим трудом сколачивали из своих скудных заработков

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

и у них был один социальный враг – домохозяин, в лице которого для них воплощалось представление о ненавистном буржуе, эксплуататоре трудящихся масс. В момент большевистского переворота они растерялись совершенно, и в том конспиративном заседании городской думы, которое было создано тотчас после переворота, они являли собою жалкую картину сереньких трусливых обывателей, охваченных паникой. В муниципальной работе они не проявляли ни смелости, ни вообще способности к творчеству: у них были готовые шаблоны, которым они следовали с известной осторожностью. Но всякое уклонение от общепринятых норм, всякая новая мысль, не предусмотренная кодексом социалистической премудрости, их поражали и пугали. Даже при проведении в жизнь принципов своей собственной партии, они были и нерешительны, и половинчаты. Стоит взглянуть на их муниципальную программу, чтоб убедиться в радикальности их общих построений и в неуверенной робости их практических предположений. Такова, например, их земельная программа. Они как будто предвидели возможность муниципализации городских земель, но не решались провозгласить этот лозунг и благоразумно откладывали *ad calendas graecas* его приложение к жизни; пока они предлагали различные ограничения прав собственности, вроде временного запрещения сделок на землю, которые неизбежно должны были, не разрешая вопроса в корне, отразиться самым разорительным образом на домовладельце и на городском строительстве. Даже в основном пункте своей муниципальной программы, в квартирном вопросе, они оказались благоразумно-нерешительными. Они не додумались до муниципализации домов. Может быть, со свойственной мещанской скопидомной психологии, они отдавали себе отчет в невыгодности брать на себя расходы по домовладению, но зато с беспримерной наивностью, они хотели ограничить квартирную плату в такой мере, что в некоторых случаях она не покрывала чистых расходов по дому. Иначе говоря, мечтали возложить на домохозяина в порядке принудительной благотворительности содержание на свой счет своих квартирантов. В этой двойственности всей муниципальной политики эсеров выражалась основная черта их социальной физиономии: наивная широта заимствованных из подпольных брошюр общих идей и мещанская узость их собственного маленького «я». Один из моих друзей, сравнивая эсеров с большевиками, дал им злую, но справедливую характеристику. Он отдавал предпочтение большевикам: «Эти, по крайней мере, – говорил он, – откровенно и прямо грабят, а эсер беседует с вами любезно и ласково, а глянь, после разговора с ним, кошелек пропал из кармана». В муниципальных делах эсеры выражали совершенно естественно очень большую неопытность и отсутствие кругозора и знаний. Неопытность выражалась не только в фактической неосведомленности о городских делах, но и в незнании самой техники работы. Заседания новых комиссий производили жалкое впечатление. Вы-

двинутый господствующей партией на должность члена управы для заведования училищным отделением [С.Т.] Шацкий, хороший, хотя и слишком самонадеянный педагог, однако совершенно неспособный приложить свой маленький педагогический опыт к широкому масштабу городской школы, беспомощно носился со своими малограмотными проектами реорганизации всего школьного дела в Москве. Училищная комиссия также беспомощно топталась на одном месте, тратя время на тщетные словопрения [...]

Свою неопытность многие из эсеров сознавали. Они довольно охотно готовы были учиться у нас, поскольку дело шло об информации, и прислушивались к нашим объяснениям [...] Там, где дело шло о непосредственной практической работе, эсеры невольно попадали в зависимость от более образованного и опытного в муниципальных делах буржуазного меньшинства; иначе говоря, безгрешные угодники социализма необходимо должны были входить в греховное соприкосновение с демонами капитализма. Это делало их необычайно подозрительными и упорными в тех случаях, где дело касалось принципиальных разногласий. Недостаточно развитые, чтобы сознательно относиться к разработанным ими вопросам, они тупо держались буквы, даже там, где они ее не понимали [...] «Мы отлично понимаем, что Сергей Владимирович прав, но мы не могли высказаться из соображений партийной дисциплины» [говорил один из эсеров о протесте С.В. Бахрушина на комисионный проект. – *В.Ш.*]. Так, из «соображений партийной дисциплины» эсеры жертвовали и правдой, и здравым смыслом. Всегда и везде они оставались социалистами, меньше всего были они государственными деятелями. В своем беспомощном стремлении высоко держать знамя социализма, усердно отмежевываясь от буржуазных группировок, они боялись отделиться от прочих своих собратьев. Полемизируя слегка с крайними течениями социалистической мысли, они все-таки чувствовали себя со всеми ее представителями одной великой семьей, объединенных одной религией Маркса и культом его «Капитала». В ответственный момент они вспоминали, что в конце концов все эти большевики, объединенцы, левые эсеры – поклонники единого для всех социалистов божества, последователи единого социалистического закона Божия. Их сердца бились в унисон, и подобно какой-нибудь сентиментальной барыне-крепостнице, мечтавшей о Жан-Жаке Руссо среди крепостных мужиков и дворни, эти милые и славные люди слабохарактерно закрывали глаза на жестокую социалистическую действительность.

Фактически, они не решались не только порвать с крайними партиями, но нередко шли на поводу у них. Предложения большевиков, в которых в слабой еще мере намечались будущие пункты их социальной программы не только передавались [...] в комиссии и подвергались там обсуждению, но и ложились в основу собственных эсеровских проектов, впрочем, по обыкновению половинчатых. А раз, не помню по какому поводу, кадеты пустились на

небольшую провокацию, и, признаться, в довольно неудачной форме поставили большинству [думы. – *В.Ш.*] вопрос ребром об его отношении к большевикам, физиономия которых к тому времени вполне определилась. От имени партии отвечал городской голова В.В. Руднев, скинув, по своему обыкновению, цепь городского головы в знак того, что он выступает в качестве простого гласного, а не представителя города. В обширной речи он без обиняков ответил, что, хотя у них, социалистов-революционеров, и есть разногласия с большевиками, но они все-таки признают их такими же социалистами, как они сами, и поэтому нравственно связаны с ними, не могут и не хотят с ними порвать, в надежде, что рано или поздно найдется у них общий язык. Иначе говоря, для эсеров партия большевиков была «блудным сыном» единой социалистической семьи, в которой их собственная партия чувствовала себя снисходительным и любвеобильным старшим братом, более благоразумным и менее анархически настроенным, чем необузданный и бешеный младший брат. Если между обеими партиями и не устанавливалось полного взаимодействия, то виноваты в этом были не эсеры, а сами большевики, которые не хотели ничего иметь с нами общего, не без основания считая их чересчур склонными на компромисс. Когда произошло вооруженное восстание большевиков, эсеры были поражены в самую глубину своих социалистических сердец. Они стояли лицом к лицу перед необходимостью категорически разрешить вопрос о своем отношении к блудному члену своей семьи, и это для них не могло не быть чрезвычайно мучительно. Перепуганные и смущенные, они боролись между чувством страха перед надвигавшимся террором и сентиментальной нервностью ко всему, что носит на себе этикетку социализма. «Вы не можете понять, – говорил мне один честный и умный социал-революционер, – какую трагедию мы переживаем: ведь большевики это все-таки наши – социалисты, и нам приходится выступать против них с оружием». Это «раздвоение» социал-революционной души отражалось пагубным образом на руководимой эсерами защите Москвы. Среди обаятой мятежом столицы они тоскливо мечтали об образовании единого социалистического фронта до большевиков включительно.

Таковы были думские эсеры. При указанных свойствах они мало были способны стать руководящей партией в городском управлении и, надо отдать им справедливость, они это сознавали. Ничто их так не нервировало, как ехидные указания их политических противников на «ответственность», падающую на них, как на «господствующую партию». Объединить думу они, конечно, не могли. «Разве мы не понимаем, – говорил в минуту откровенности Руднев Астрову, – что наши резолюции – не приговоры городской думы, а резолюции одной социал-революционной партии». В этих словах заключался самый жестокий приговор собственной партии.

В новой думе эсеры занимали весь центр амфитеатра. Как бывает во всякой партии, в их среде были известные оттенки. Одни, и по общему настроению, и по укладу мысли были типичными представителями чисто буржуазного либерализма; другие, так называемые левые эсеры, склонялись к большевикам и, к негодованию своих более правых сочленов, при баллотировках нередко откалывались от социал-революционного ядра и баллотировали за более радикальные предложения своих соседей.

Справа эсеров окаймляла полоса кадетов, составлявшая в думе вторую по численности группу, впрочем, ничтожную по сравнению с лавиной эсеровского большинства, занявшей своей серой массой всю середину думского амфитеатра. Слева внизу – социал-демократы, на вершине – ниши монтаньяры – большевики, между ними, как мост перекинутый через пропасть, так называемые «объединенцы», которых ни в коем случае нельзя путать с плехановской группой строгих и весьма умеренных теоретиков «Единения»⁴.

Кадетская фракция блистала именами бывших общественных деятелей, людей науки, громкими фамилиями, но, выбитая из колеи революционными событиями, оттиснутая от кормила власти в консервативную оппозицию, она была растеряна, с трудом находила настоящий тон, и продолжая влиять в деловой сфере чисто городской работы за кулисами заседаний. В зале она являла довольно жалкую картину беспочвенности. Оратором ее являлся, по преимуществу, молодой присяжный поверенный [Б.М.] Овчинников, выдвинувшийся, кажется, в период предвыборной борьбы своими выступлениями на митингах. Это был, несомненно, даровитый человек, умевший говорить, но далеко не яркий и не блиставший ни силою слова, ни красноречия, к тому же неопытный в думском деле и в думских приемах полемики, отличных от приемов предвыборных собраний. Далеко не все его выступления были удачны. К заслугам фракции следует отнести, несомненно, то, что в тяжелых условиях она сумела сохранить свою физиономию. При баллотировках на должности, ее шары ложились всякий раз налево и ни один из эсеровских кандидатов не получил ее поддержки. Всякий раз, как большинство вносило ту или иную резолюцию общеполитического характера, голосовать против которой в виду обычной крикливой бессодержательности таковых резолюций, бывало трудно, кадеты со своей стороны вносили свой собственный контрпроект, который, конечно, проваливался голосами всех социалистических партий, но позволял зато и самим кадетам баллотировать против эсеровских предложений. Но в ответственные минуты кадеты не всегда находили достаточно сильные и определенные слова. Когда произошло выступление Корнилова, то говоривший от их имени А.Д. Алферов (это произошло в экстренном заседании, на котором я не присутствовал), высказался так осторожно о необходимости подождать с окончательным осуждением впредь до выяснения обстоятельств, что студенческая фракция кадетской партии,

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

недовольная неопределенностью позиции сделала запрос лидерам, следует ли понимать это выступление, именно как осуждение Корнилова. Позднее, когда Руднев позволил себе грязную инсинуацию по адресу в то время уже арестованного генерала, кадеты промолчали. В их среде были, впрочем, лица, которые и по существу не одобряли Корнилова. Я помню фракционное собрание, на котором милейший [М.Г.] Комиссаров, человек очень недалекий, но пользовавшийся авторитетом в кадетских кругах, заявил, что ведь и мы относимся отрицательно ко всяким военным переворотам и выразил в лице большое недоумение, когда я, сидевший рядом с ним, вполголоса заметил, что многие из нас сочувствуют Корнилову. Н.И. Астров, расслышав этот разговор, с извиняющейся улыбкой, коротко сказал, кивая мне: «Ну, конечно, сочувствуем». При нерешительности вождей, при неясности позиции партии в целом, при господстве еще первого революционного угара – консервативная оппозиция буржуазного меньшинства не могла не быть бледной. Это сознавали члены нашей группы. Их не захватывала бесцельная борьба, которой они тяготились, и скамьи крайней правой блистали абсентеизмом.

Левая в лице социал-демократов, объединенцев и большевиков, держалась той же тактики, как и правая. Как общее правило, каждая группа вносила свои контрпредложения и неизменно баллотировала как против резолюции эсеров, так и против всех прочих. Из социалистов эсдеки производили наиболее благоприятное впечатление. Сравнительно с другими они держали себя менее истерично и более благоразумно. В них было меньше ни на чем не основанной злобы. От их имени чаще всего выступал приват-доцент [Л.Б.] Кафенгауз, человек несколько неуравновешенный, но честный. Впоследствии, разочаровавшись в социализме, он имел мужество публично отрясти от него прах. Большевики, наоборот, несмотря на свою малочисленность (их было человек 15), сразу заняли исключительное положение в думе. С первого же заседания они стали выступать с демонстративными заявлениями (о секуляризации церковных имуществ, об уничтожении института мировых судей и т.д. и т.д.). К их голосу невольно прислушивались; инстинктивно предчувствовалась роль, которую им предстояло [сыграть] в скором будущем, хотя, конечно, в то время их выпады казались настолько нелепыми, что серьезного значения им не придавали. Внимание, которое им оказывалось, было внимание, которое привлекает к себе безудержное хулиганство. Сами они чувствовали, что глаза всех прикованы к ним, и держались от этого еще более развязно. Их оратором был Иван Иванович Скворцов, человек глупый и мало развитый, но уже давно участвовавший в работе партии.

Объединенцы были такими же большевиками [...] Объединенцы служили мостом между меньшевиками и их более радикальными собратьями, но по существу мало чем отличались от большевиков. Примыкая к ним в программных вопросах, они, правда, еще не решались стать на дорожку

открытого насилия [...] Среди них я знал хорошо только двух: доктора Сысина и приват-доцента Сторожева. А.Н. Сысин, городской санврач, некогда побывавший в ссылке в Якутской области, проявил себя талантливым организатором в деле городской санитарии и был одним из наиболее видных и дельных сотрудников Союза городов. Умный, работоспособный он был искренен в своих убеждениях. Я имел удовольствие работать с ним по редактированию «Известий Союза городов», и даже после переворота, когда А.Н. открыто стал на сторону большевизма, мы продолжали относиться друг к другу с взаимным уважением.

Полной противоположностью ему был В.Н. Сторожев. Трусливый и низкопоклонный, он в течение всей своей предшествующей деятельности ухитрялся свои якобы крайне революционные воззрения и дружеские отношения с М.Н. Покровским примерять с почтительным ухаживанием за влиятельными лицами и самым беззастенчивым оппортунизмом в практических вопросах. Примером такого оппортунизма могут служить те хорошо оплачиваемые работы по истории московского купечества, в которых он пел дифирамбы этому сословию, и особенно беззастенчивость, с которой он предпослал этим работам раболопное, верноподданническое посвящение государю, под предлогом будто всякий другой составил бы его в еще более унижительной форме. Впоследствии он говорил мне, что это было сделано с ведома и одобрения революционных кругов. Исповедуя радикальные взгляды, не вмещавшиеся даже в рамки ортодоксального марксизма, В.Н. всегда боялся, что рано или поздно он поплатится за свое свободомыслие. Про него рассказывали, что в 1906 г. он переживал непрерывные панические страхи, опасаясь мести справа и раз найдя у своих дверей таинственные буквы «РВ» (ремонт водопровода), всюду с ужасом разглашал о предполагающемся ночном избиении всех подписчиков «Русских ведомостей». Теперь, волею судьбы, он был лишен прикрывать свои мнимые убеждения допускаемым в интересах революции лицемерным двуличием и должен был открыто их высказывать и это ставило его в затруднительное положение. Он боялся в будущем расплаты за свой большевизм, но не менее боялся он и торжества тех идей, которые он проповедовал. В думе в заседаниях он выступал вызываясь резко, непримиримо, а в кулуарах охал на тему: «Куда мы идем?», что дало повод [А.А.] Кизеветтеру называть его публично трусом. Не чувствуя под ногами почвы, трусливо озираясь, как кот, вылакавший хозяйское молоко, он делал бестактность за бестактностью: бывший секретарь финансовой комиссии при прежней думе, он теперь соединял в своем лице положение влиятельного члена и оратора новой финансовой комиссии с несением обязанности платного секретаря училищной комиссии. Но верхом бестактности было его выступление против выдачи субсидии кружку младших преподавателей Московского университета, его собственной «alma mater», в виду патриотического направления этого кружка.

Как ни странно, меньше всего я могу сказать о будущих владыках Москвы, о думских большевиках. В их списке находились сделавшие впоследствии громкие имена, вроде Бухарина, но в то время имена эти говорили еще очень мало и не снискали той громкой известности, которая позднее стала их достоянием. Чаще всего выступал из их рядов И.И. Скворцов, учитель по профессии, человек серый и тупой. С 1905 г. с ним связывалось в Москве представление о человеке с радикальными убеждениями, и он у нас несколько раз пробовал вступать в соприкосновение с городскими делами. [Он, кажется, был искренним. В душе, может быть, он... не сочувствовал крайностям террора и анархии, в его речах иногда звучали нотки искренности – *зачеркнуто*. – В.Ш.]. [...] После торжества его партии Скворцов устранился от участия во власти, потому ли что не сочувствовал крайностям террора или, может быть, из-за страха возмездия. Недостаток развития и [большая – *зачеркнуто*. – В.Ш.] умственная ограниченность делала его выступления в думе бледными, но беззащитностью и, я бы позволил себе сказать, нахальство, с каким он выставлял самые неожиданные требования по разнообразнейшим вопросам, вызывали всегда впечатление дешевого скандала.

Еще остается сказать несколько слов об одной партии, которая была представлена в думе тремя членами – о партии энесов. Эта скромная по численности фракция занимала три стула в крайне правом углу центра внизу. По существу это была буржуазная партия, но подчиняясь моде, она афишировала социалистические лозунги и гордилась волшебной буквой «эс», подобно разночинцу, выставляющему дворянскую коронку под своим плебейским вензелем. Официальным лидером фракции был В.В. Волк-Карачевский. Типичный хохол, ленивый и неуклюжий, не особенно умный, он был честолюбив, но природная лень и разгильдяйство мешали ему играть серьезную политическую роль, как в свое время помешали его университетской карьере. Его крупная фигура, облеченная в какой-то нелепый балахон, придававший ему вид степного помещика типа Обломова, грузно покачиваясь, молчаливо шествовала между рядов эсеров и кадетов. Он кончил печально, но нелепо. Зайдя с квашнею ставить хлеб на квартиру Н.Н. Щепкина, он попал в засаду⁵ и умер в тюрьме от тифа [...]

[О.С. Минор⁶] дряхлая ненужность [...] Если Минор, как человек, мог до некоторой степени вызывать симпатию, какую обычно вызывает жалкая беспомощность старика, то другой избранник партии, городской голова Вадим Руднев является одной из наиболее отрицательных личностей, выдвинутых революционным безвременьем. Это был человек, еще сравнительно молодой, но, как и Минор, он имел известное революционное прошлое: в 1905 г. он сражался на баррикадах, и простреленный палец наглядно свидетельствовал о его заслугах перед революцией. В момент своего избрания в гласные он был председателем комитета партии и входил в состав прези-

диума Московского совета рабочих депутатов. По профессии земский врач, он, как я слышал, был веселым товарищем в компании и во всяком случае мало выделялся из среды земского «третьего сословия» со свойственными этому сословию смутными мечтаниями о народном благе и средним уровнем интеллигентности и культурности. В его внешности было много привлекательного. Он обладал чарующей улыбкой, может и задушевной, и умными маленькими глазами, живо блестящими из-под высокого открытого лба. Он не был красноречив, но приятный и проникновенный голос имел свойство придавать значительность и глубину всем тем общим местам, которые он произносил публично. Перед ним млели не одни Аспазии социал-революционной партии, в которой увлекающиеся женщины всегда имели большое влияние. Обаяние личности нового городского головы испытали на себе и более серьезные люди. П.А. Бурышкин, в то время игравший на полевание, проведя с ним ночь в поезде из Москвы в Петербург, вернулся очарованный им. Н.И. Астров, не зная насколько искренно, отзывался о нем, как об умном человеке. Я сам первое время находился под впечатлением его внешней простоты и вдумчивой проникновенности его речи. Но, увы! За этой видимостью, как я скоро убедился, скрывалось очень неглубокое содержание. Как общая масса его партийных сотоварищей он был необычайно сер. И на него партийное прошлое наложило неизгладимый отпечаток, лишило оригинальности, сделало бесцветным [...] [Руднев] совершенно забывал свои муниципальные обязанности для партийных и еще меньше, чем Минор, мог найти верную позицию, диктуемую его высоким положением [...] В звании городского головы, он, в первую очередь, оставался председателем Московского комитета партии эсеров [...] Характерен был его жест, с которым, беря слово, он скидывал с себя цепь городского головы, чтобы показать, что он говорит не как представитель города, а как представитель партии. С такою же легкостью освобождал он себя от всяких обязательств, связанных с его должностью [...] [Руднев из подпольной работы] вынес склонность к интриге, неискренность и двоедушие. У меня осталось впечатление, что он был недостаточно мужественен, чтобы действовать открыто. В минуту опасности он терял голову, как это имело место в момент наступления Корнилова или при известии о штурме Зимнего дворца. Никогда не забуду его бледное лицо, его упавший голос, когда он, испуганный и дрожащий, [...] нервной поступью вошел в думскую залу, чтобы доложить гласным последний свой разговор с осажденными во дворце министрами. В эту минуту он не был государственным деятелем, он не был даже мужчиной; это была слабая женщина, беспомощная и упавшая духом. Как все трусливые люди, он прибегал к нечестным приемам борьбы: после ареста Корнилова он имел низость публично намекать на измену с его стороны делу обороны Рижского фронта от немцев, и среди многих допу-

щенных им передержек, эта была самая отвратительная [...] В его большой голове как-то необычайно примитивно весь мир разделялся на «своих», т.е. социалистов всяких толков и на «чужих», т.е. буржуазию, и по отношению к последней все средства были хороши, кончая элементарным обманом. На словах он всегда был готов на компромиссы и на уступки. Перед каждым думским заседанием он сталкивался с нашей фракцией по поводу всех важных вопросов и давал известные обещания и каждый раз в заседании выступал с новыми предложениями, шедшими вразрез с состоявшимся только что соглашением. В управе он единолично, по совету с новым товарищем головы, [С.А.] Студенецким [умным, но хмурым человеком. — подчеркнуто. — В.Ш.], под влиянием которого он находился, поменял постановление [...], принятое при его участии и с его согласия. Вначале мы были склонны объяснять эту неустойчивую бесхарактерность и зависимость от собственной партии. Вскоре, однако, пришлось убедиться, что в двойственности Руднева выражались его личные свойства. Он был фальшивый человек. Эта черта его характера особенно резко проявилась во время Октябрьского восстания. Растерявшись в первый момент, он затем повел замысловатую интригу в целях создания блока социалистических партий до большевиков включительно, с устранением буржуазных групп, в этих целях он не допускал к делу защиты города представителей конституционно-демократической партии, всячески отмежевываясь от компрометирующего соседства. Совсем недостойна была его игра с юнкерами, защищавшими Москву от большевистского разгрома. С циничной беспринципностью он одновременно не стеснялся пользоваться их самоотверженным мужеством и кровью для собственной защиты, и вместе с тем в вопросах политики не хотел считаться с их желаниями и настроениями и за их спиной принимал решения, заведомо для них неприемлемые и противоречившие их убеждениям. Лаская их на словах, он готовил действия, которые неизбежно должны были повести к разрыву с юнкерством в случае победы. Впоследствии юнкера, уцелевшие от междоусобного боя, с ненавистью говорили о Рудневе, и, по общему мнению, своим предательским образом действий он наряду с начальником военного округа [К.И.] Рябцевым способствовал успеху большевиков. Руднев своевременно скрылся из Москвы и всплыл на юге России с теми же чертами политического интригана и авантюриста. Своими интригами он мешал налаживанию нормальных отношений между союзниками и политическими организациями, работавшими на воссоздание России. Благодаря ему, если верить газетам, расстроено было, в частности Яское соглашение. Таким образом, фальшь и интриганство характеризует общественную деятельность Руднева с первых шагов и до конца [...]

Примечания*

1. ЦИАМ. Ф. 2263, оп. 1, д. 1.

2. О выборах в Московскую городскую думу и ее составе см.: Писарькова Л.Ф. Городские реформы и Московская дума. М., 2010. С. 241–246, 646–652.

3. А.А. Биценко (1875–1938) – эсерка, в 1905 г. в составе летучего Боевого отряда. 22.11.1905 г. убила генерал-лейтенанта В.В. Сахарова, усмирявшего аграрные беспорядки в Саратовской губернии, приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. В 1917 г. избрана член ЦК партии левых эсеров. Член советской делегации на Брест-Литовских мирных переговорах (ноябрь 1917 – март 1918 г.). В марте-июне 1918 г. – товарищ председатель Совнаркома Москвы и Московской обл. Избиралась депутат ВЦИК. В ноябре 1918 г. была принята в РКП(б).

4. Имеется ввиду плехановская группа «Единство».

5. Арестован чекистами по делу «Национального центра» в 1919 г.

6. О.С. Минор (1861–1934) – член ЦК эсеровской партии; 7.7.1917 г. избран председателем Московской городской думы («за» – 129 голосов, «против» – 22). Депутат Учредительного собрания от Москвы.

* *Примечания В.М. Шевырина.*

В.М. Шевырин

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БАХРУШИН

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

В этом номере журнала публикуются воспоминания известного общественного деятеля и историка С.В. Бахрушина о той Московской городской думе, которая была избрана демократическим голосованием 26 июня 1917 г. и существовала до роспуска ее большевиками в ноябре 1917 г. До того много лет проработавший в цензовой думе С.В. Бахрушин, как и некоторые другие либералы, прошел в новую думу по списку кадетской партии.

23 июня 1917 г., когда старая, цензовая дума собралась на свое последнее заседание, ее лидеры пытались в своих речах перебросить «мост» между старой и новой думами, призывали будущих депутатов сохранить преемственность в работе московского городского самоуправления, подчеркивали необходимость беречь свободу, обретенную Россией. Выступая, С.В. Бахрушин говорил о том, что старая дума, несмотря на свой цензовый характер и препоны, чинимые ее деятельности администрацией, все же успела многое сделать для города, для москвичей (10). Но общее настроение у всех выступавших было все же весьма тревожным. Городской голова Н.И. Астров выразил это наиболее четко, сказав, что действительность способна «вызвать смущение и страх за добытую свободу» (10).

Заметки о деятельности новой думы С.В. Бахрушин написал еще по живым следам событий – вскоре после Октябрьской революции. Блестящее знание работы городского самоуправления, умение видеть подоплеку поведения думских фракций и их лидеров, способность оценить происходящее в Москве в контексте грандиозных перемен в стране, а также то литературное мастерство, с которым написаны воспоминания, особенно портреты московских деятелей той поры, – все это делает мемуарные записки С.В. Бахрушина цен-

ным свидетельством о его времени и о себе. Представляется, что и очерк о самом С.В. Бахрушине вполне здесь уместен.

Сергей Владимирович Бахрушин (26.9.1882 г., Москва – 8.3.1950 г., Москва) происходил из известной московской предпринимательской династии. Крупные пожертвования ее представителей на благотворительные цели составили более 3,5 млн руб., они подарили свое имение Ивановское Москве для устройства приюта для беспризорных детей. За благотворительность А.А. и В.А. Бахрушины были удостоены звания почетных граждан Москвы (1901). А.А. Бахрушин (основатель театрального музея), дядя С.В. Бахрушина, оставил своим домочадцам завет «жить в мире и согласии, помогать бедным, жить по правде».

Семья Бахрушиных придерживалась либеральных взглядов. С.В. Бахрушин с детства увлекался историей, хорошо рисовал, писал стихи. До 12 лет получал домашнее образование, затем шесть лет учился в Катковском лицее, который закончил в 18 лет с золотой медалью (1900). В том же году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Был членом научного студенческого общества. Лекции В.О. Ключевского вызвали большой интерес С.В. Бахрушина к русской истории. Он стал специализироваться у М.К. Любавского – ученика В.О. Ключевского. В 1903–1904 гг. написал большую работу (581 с.) «Социально-политические устремления московского боярства в XVI в.» Весной 1904 г. блестяще сдал выпускные экзамены. Любавский предложил С.В. Бахрушину остаться в университете. В ноябре 1904 г. С.В. Бахрушин был оставлен на кафедре «для приготовления к профессорскому званию». В 1909 г. успешно сдал магистерские экзамены и с этого же года, – приват-доцент. В 1909 г. опубликованы и первые работы С.В. Бахрушина (учебное пособие, статьи о княжеском хозяйстве, о Москве 1812 г.).

Но его неудержимо влекло и к общественной деятельности. В 17 лет он уже «интересовался муниципальными вопросами». Пример В.А. Бахрушина, члена Московской городской думы, служившего общественным интересам, был перед глазами. С.В. Бахрушин уже в студенческих работах делал акцент на мысли о противостоянии правительства и общества. Он принадлежал к тому поколению, по его определению, сознательная жизнь которого «началась во время русско-японской войны». Как только позволил возраст, С.В. Бахрушин выдвинул свою кандидатуру на выборах в Московскую городскую думу и был избран ее гласным (1908). С тех пор он неизменно переизбирался в гласные до самого упразднения думы в 1918 г. В думе он занимался вопросами школьного образования, содержания и обучения сирот. Изучил предысторию этих вопросов (с XVII в.), выезжал за границу, чтобы ознакомиться, как поставлено это дело там. Он был председателем комиссий по общественному призрению и для выяснения и разработки вопроса об ор-

ганизации трудовой помощи населению. С.В. Бахрушин входил и в число гласных Московского губернского земства.

Параллельно он занимался и наукой, историей. С.В. Бахрушин принадлежал к такому типу ученых, которые, как он писал, «находя в науке удовлетворение своих высоких умственных запросов, не ограничиваются тем не менее одной кабинетной работой, стремясь приложить к жизни методы мышления и трудовые навыки, выработанные в результате научных занятий». Это был, по замечанию его современника, «высоко интеллигентный и джентельменски воспитанный человек» (5).

Грянула Первая мировая война. С.В. Бахрушин считал, что она «назревала и подготовлялась постепенно, но эта большая подготовительная работа была скрыта от нас, обывателей, и мы не подозревали, как близко мы стоим к этой пропасти, в которую был ввергнут мир в 1914 г.» (15, л. 1). Лето 1913 г. он провел в Алжире. Там один француз сказал ему: «Поверьте, мы с вами доживем до момента, когда русские и французы будут сражаться бок о бок против немцев». «Я вежливо промолчал, – пишет С.В. Бахрушин, – но в душе посмеялся наивности моего собеседника, который мог предположить, что мы, русские, станем проливать нашу кровь за Эльзас и Лотарингию». Однако «алжирский француз оказался прав». Французы «сильнее чувствовали накопление электричества в воздухе, а своими нервными выкриками, неумным призывом к борьбе... может быть, ускорили катастрофу». В Англии, где С.В. Бахрушин тоже побывал накануне войны, «господствовала спокойная и сосредоточенная ненависть к немцам, ненависть на почве деловой и совершенно сознательная». Для С.В. Бахрушина «вихрь налетел внезапно». Проезжая в Россию через Берлин 11/24 июля, он узнал об ультиматуме Германии, обращенном к Сербии, и для него «неизбежность войны стала очевидна» (15, л. 2–2об, 4).

В архиве сохранились записи С.В. Бахрушина о войне: «Часто обвиняли буржуазные круги в том, что они хотели и подготовляли войну. Я не знаю, на чем основываются эти обвинения, помимо априорных суждений, построенных на неверной догматической схеме. Я знаю, что московские буржуазные круги боялись войны и сознавали, в какую пучину бедствий вовлечет голодную и невежественную Россию необходимость участвовать в войне общеевропейского масштаба. Эти настроения очень явственно проявились уже в 1912 г. в период войны Балканских государств с Турцией» (15, л. 1).

Приехав домой накануне объявления войны, пишет С.В. Бахрушин, «Москву я застал в унынии и страхе. Войны боялись и вместе с тем сознавали, что сохранение нейтралитета России невозможно без ущерба для ее национального достоинства. Через голову Сербии вызов был брошен России» (15, л. 4–4об.). На небольшом совещании некоторых гласных Московской городской думы, собравшихся у Н.И. Астрова (лидера прогрессивной

группы городской думы) это двойственное настроение обрисовалось вполне. Присутствовавшие (среди них находился и С.В. Бахрушин, который был членом комитета прогрессивной группы) в один голос говорили о полной неподготовленности России к войне, недостатке способных и пользующихся доверием общества генералов, о полной неспособности власти к предстоящей задаче. Но все, желая мирного разрешения конфликта, вместе с тем считали своим долгом не только поддержать правительство, если бы оно стало на путь защиты интересов Сербии, и даже побудить его к тому. С.В. Бахрушин писал, что общественное настроение соответствовало серьезности, величию момента. Не было заносчивого бахвальства; «со страхом и трепетом вступала Москва на военную стезю. Но, несомненно, чувствовала национальный подъем. Сознавалось, что дело идет не только о границах, а о будущем России» (15, л. 2–2об., 4).

Деятели московского городского самоуправления выступили с инициативой создания Всероссийского городского союза (ВСГ – август 1914 г.). Особенно заметную роль в этом сыграли член кадетского ЦК, лидер прогрессивной группы городской думы Н.И. Астров и его единомышленники, в числе которых был и С.В. Бахрушин, также являвшийся членом Московского комитета кадетской партии (принадлежал к левому крылу), который впоследствии (в 1921 г.) написал очерк (сохранившийся в архиве) о Н.И. Астрове (14). С.В. Бахрушин утверждал, что политическая фигура Астрова определялась тем фактом, что «политические настроения всей городской России создавались под влиянием Московской городской думы и политическую физиономию Московской думы делал Н.И. Астров». Во время войны «это значение Московской думы усилилось еще больше, ее влияние распространилось на армию». По словам С.В. Бахрушина, «Москва вела за собой всю Россию. Н.И. Астров вел за собой Москву» (14, л. 1). Астров имел большое влияние в ВСГ, был членом Главного комитета ВСГ, выступал с докладами на съездах ВСГ, определявшими политическую физиономию Городского союза (одного из «бастионов» оппозиции в стране), а в 1917 г. стал его руководителем (в том же году и городским головой Москвы) (11). С.В. Бахрушин тоже с первых шагов ВСГ – в числе его руководителей, был избран в ГК, возглавил печатный орган ВСГ – «Известия Главного комитета ВСГ», нередко в «Известиях» появлялись и его статьи. С.В. Бахрушин был и руководителем Всероссийского бюро труда при Главном комитете. Под его председательством проходило совещание местных и областных организаций по вопросу об устройстве Всероссийского бюро труда. 15.5.1915 г. на заседании Исполнительного бюро ВСГ он внес предложение о создании музея ВСГ (7; 12, л. 47).

Накануне Февральской революции С.В. Бахрушин остро чувствовал назревание «грозы». Известный московский предприниматель и общественник

деятель П.А. Бурый так описывает настроение С.В. Бахрушина – его «большого друга по общественной работе» в городской думе и в ВСГ: «У него настроение было необычайно подавленное, положение казалось ему безнадежным и безысходным. Бахрушину, как и мне, казалось, что если произойдут крупные революционные беспорядки, то они непременно вызовут военную катастрофу, следствием которой будет занятие немцами большей части России, в частности Москвы» (3).

После Февральской революции С.В. Бахрушин по-прежнему в ВСГ и в Московской думе. Но «демократизация» ВСГ сказалась: он уходит с заведования «Известиями ГК ВСГ». В Московской думе 21.7.1917 г. его избрали членом комиссии о районных думах и по народному образованию. Об эсеровской городской думе он писал, что она «могла гордиться» политическим прошлым своих депутатов, но не своей практической работой. Революционный кризис продолжал углубляться, вызывая все большую тревогу у С.В. Бахрушина.

В сентябре 1917 г. он начинает публикацию в «Русских ведомостях» серии статей «Призраки минувшего». В них С.В. Бахрушин обратился к античности: «События, развертывающиеся перед нашими глазами, невольно вызывают на память аналогичные явления... В аналогиях ищем мы уроков. По ним хотим предугадать дальнейшее течение фактов». В первой статье («Русские ведомости». 16.9.1917 г.) «Демос», озаглавленной в архивном черновике «Выживший из ума Демос», С.В. Бахрушин пишет, цитируя древних мыслителей, об извращенных формах демократии, в которых «кроется ее собственная гибель». Доведенная до излишества страсть к свободе губит государство и делает тиранию неизбежной. С.В. Бахрушин солидаризируется с «трезвым и уравновешенным» Аристотелем, идеалом которого оставалась демократия, но демократия, основанная на уважении к закону и руководимая не случайными демагогами, а «выдающимися» людьми, способными исполнять те должности, которые на них возлагают (17, л. 1–4об.).

31.8.1917 г. историк Ю.В. Готье, передавая разговор с коллегами, в том числе и с С.В. Бахрушиным, писал: «Мнения вполне схожи: крах народа, возможность выйти из положения только стихийным путем, сплошное разорение русского сельского хозяйства, неумение и нелепость теперешних деятелей – словом, безысходная гибель; мнения об авантюре Корнилова – также схожи с моими» (4, с. 33).

После Октябрьской революции С.В. Бахрушин в той же рубрике «Призраки минувшего» опубликовал статью («Свободная Россия». 9.6.1918 г.) «Идеалы Стеньки Разина», в которой осуждались «социалистические опыты» атамана, – «это нас теперь не удивит», – прямой намек на практику большевиков.

В 1918 г. он отмечал ломку, произведенную событиями последнего года «в наших представлениях о ходе русского исторического процесса». Государство оказалось плохо спаянным. Народности, входившие в состав Российской империи, оказались, жили каждая своей жизнью. Все здание государства Российского рухнуло при первом ударе. В сущности, русская культура оказалась поверхностным наслоением, под которым «продолжают жить дикость и невежество» (5).

Власти дважды арестовывали С.В. Бахрушина (в 1918 и 1919 гг.), и он подумывал о выезде за границу. Но Ю.В. Готье в апреле 1919 г. считал, что С.В. Бахрушин – «это очень тонкий, умный и талантливый человек, которому предстоит большое будущее...» (4, с. 281). Несмотря на нелегкие материальные условия жизни, С.В. Бахрушин много трудился в области русской истории, преподавал в различных учебных заведениях, вел активную краеведческую работу, привлекался для разработки проекта закона о беспризорниках, участвовал в съезде и конференции по борьбе с детской беспризорностью. С.В. Бахрушин стал профессором Московского университета (1918 г.), – читал курс русской истории, был помощником заведующего Отделом истории Румянцевской библиотеки и т. д.

После Гражданской войны С.В. Бахрушин пришел к выводу: «Протекшие четыре года заставили произвести переоценку всех ценностей и многого, что раньше боготворилось» (5; 6).

В архивной рукописи С.В. Бахрушина «Об освободительном движении в России» он пытался выяснить роль и значение деятельности российских либералов, причины их поражения. Он считал, что лозунги либералов в области аграрной политики близки идеологии народных масс, удовлетворяя, в известной степени их чаяния. Как полагал С.В. Бахрушин, «словесной войной» в ходе революционного движения либералы сыграли большую роль, которую «недооценивают партии, стоящие на более крайних точках зрения». В результате этой войны «расшатывались вековые устои самодержавного строя и расшищался путь более радикальному, чисто революционному движению» (16, л. 2). Эту войну либеральная интеллигенция вела, не зная всех возможных последствий своей деятельности.

С 1924 г. С.В. Бахрушин – действительный член Института истории РАНИОН. Он много работал над очерками по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. (1) и исследовал другие проблемы отечественной истории. В 1928 г. С.В. Бахрушин писал о «развале самодержавного государства, построенного на сословно-крепостнических основах», и о «запоздалых и робких попытках переустройства этого государства на буржуазно-правовых основах». А дальше – трагедия в жизни С.В. Бахрушина. «События 1930 года, – писал С.В. Бахрушин, – положили определенную грань в моей жизни, насильственно прервав мою научную работу». – Тогда С.В. Бахру-

шин был репрессирован по «Академическому делу» (5). В августе 1931 г. он – в Ленинградском КПЗ. В октябре 1931 г. – отправлен в ссылку (в Семипалатинск). Там работал в библиотеке, преподавал в Педагогическом институте. В 1933 г. – возвращен из ссылки. Профессор ИФЛИ (1934–1936), профессор истфака МГУ (с 1935 г.), научный сотрудник Института истории АН СССР (с 1936 г.), доктор исторических наук по совокупности опубликованных трудов, член-корреспондент АН СССР (1939). В 1939 г. был издан учебник для вузов (переиздан в 1947 г.), в написании которого принимал участие и С.В. Бахрушин. С октября 1941 г. – эвакуация, «ташкентское сидение» – работа «для обороны и для науки». В 1942 г. – Сталинская премия за «Историю дипломатии» (т. 1) в составе авторского коллектива. Он реагировал на награду: «Я счастлив, что моя научная жизнь прошла, следовательно, не бесплодно». Зав. сектором истории России периода феодализма (1942–1950). В 1942 и 1945 гг. вышли два издания его работы об Иване Грозном.

В Москву вернулся до окончания войны. Продолжил научную и преподавательскую деятельность, награжден орденом Трудового Красного знамени и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Скончался в Москве. 28.4.1950 г. принято решение о посмертном издании научных трудов С.В. Бахрушина (2; 5; 6; 9).

Его жизнь изобиловала крутыми, драматическими поворотами. Но сам он писал о себе:

*«Я воспитан не для бури...,
мне любви мирные беседы
за чашей мудрого вина...»*

Публикуемые выше воспоминания С.В. Бахрушина даны с некоторыми сокращениями, отмеченными тремя точками в квадратных скобках. Они хранятся в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) в фонде 2263 (Бахрушин Сергей Владимирович, оп. 1, д. 1).

Воспоминания представляют собой ценный исторический источник не только для понимания С.В. Бахрушина как личности и общественного деятеля, но и той «смуты», в которой оказалась страна в начале XX столетия и что так рельефно отразилось в деятельности Московской городской думы.

Литература

1. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI–XVII вв. – М., 1927.
2. Бахрушин С.В. Научные труды. – М., 1952–1959. – Т. I–IV. (Труды по источниковедению, историографии и истории России).
3. Бuryшкин П.А. Москва купеческая. – М., 1991.

4. Готье Ю.В. Мои заметки. – М., 1997.
5. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин. – М., 1992.
6. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин // Портреты историков. Время и судьбы. – М.; Иерусалим, 2000. – Т. 1. Отечественная история.
7. Известия Главного комитета Всероссийского союза городов. – М., 1916. – № 33.
8. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. – М., 2010.
9. Преображенский А.А. Бахрушин С.В. // История России: Биографии. – М., 2001.
10. «Русское слово». 1917, 24 июня.
11. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). – М., 2003.
12. РГВИА. Ф. 12513, оп. 1, д. 2905.
13. ЦИАМ. Ф. 2263, оп. 1, д. 1.
14. ЦИАМ. Ф. 2263, оп. 1, д. 2.
15. ЦИАМ. Ф. 2263, оп. 1, д. 3.
16. ЦИАМ. Ф. 2263, оп. 1, д. 4.
17. ЦИАМ. Ф. 2263, оп. 1, д. 7.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Л.П. Муромцева

В.Ф. БУЛГАКОВ И РУССКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ В ПРАГЕ

Муромцева Людмила Петровна – кандидат исторических наук,
доцент МГУ им. М.В. Ломоносова.

Наряду с яркими и широко известными личностями, внесшими огромный вклад в сохранение и приумножение культурного достояния нашей страны, в истории русской культуры XX столетия есть сотни имен и других интеллигентов-подвижников, чье значение до сих пор должным образом не оценено. Именно к таким людям относится Валентин Федорович Булгаков (1886–1966), последний секретарь Л.Н. Толстого, литературовед и писатель, знаток искусства, замечательный музейный работник¹.

Родился он в городе Кузнецке Томской губернии, в семье смотрителя народных училищ. Еще в годы обучения в Томской гимназии юный Булгаков увлекался русской литературой и фольклором народов Сибири, начал публиковаться в местных газетах. В 1906 г., окончив гимназию с золотой медалью, поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Но полного курса обучения в университете не прошел. В студенческие годы Валентин Федорович ощутил огромный интерес к творчеству и личности Л.Н. Толстого.

В августе 1907 г. председателю Сибирского землячества московских студентов В.Ф. Булгакову посчастливилось лично познакомиться с Л.Н. Толстым, после чего в 1908 и 1909 гг. молодой филолог неоднократно посещал великого писателя, а в декабре 1909 г. привез ему свою рукопись, в которой попытался систематизировать воззрения Толстого-

1. Документальные материалы о В.Ф. Булгакове хранятся в фонде 2226 Российского государственного архива литературы и искусства (далее – РГАЛИ), в фонде Р-6784 Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), в Государственном музее Л.Н. Толстого в Москве и в Литературном архиве Музея национальной культуры в Праге.

мыслителя. Л.Н. Толстой весьма одобрительно отнесся к этой работе Булгакова и даже написал к ней предисловие².

С 17 января 1910 г. по рекомендации В.Г. Черткова он стал личным секретарем великого писателя и переселился на хутор Телятинки вблизи Ясной Поляны. Булгаков регулярно вел дневник, на основе которого впоследствии им были изданы воспоминания «Л.Н. Толстой в последний год его жизни» и «Жизнепонимание Л.Н. Толстого в письмах его секретаря». После смерти Льва Толстого Валентин Федорович занимался систематизацией наследия писателя и описанием яснополянской библиотеки. В 1914 г. как противник грянувшей мировой войны В.Ф. Булгаков был арестован за составление и распространение воззвания «Опомнитесь люди-братья!» Более года он провел в тульской тюрьме, так и не отказавшись от своих пацифистских убеждений. Выйдя из заключения, Булгаков продолжал заниматься популяризацией идей Л.Н. Толстого и увековечением его памяти. В 1916 г. он занял место хранителя Литературного музея Л.Н. Толстого, в годы революции и Гражданской войны Булгаков спас от разорения и запустения Московский дом-музей Л.Н. Толстого в Хамовниках и добился открытия его для посетителей уже в ноябре 1921 г. Литературный музей Л.Н. Толстого на Пречистенке и музей-усадьба «Хамовники» были объединены в один музей под руководством В.Ф. Булгакова. Валентин Федорович помогал также возрождению других мемориальных музеев (А.П. Чехова, П.И. Чайковского, А.Н. Скрябина) (9. Д. 41а. Л. 8–10).

В это же время Булгаков получил возможность выполнить то, что считал своим нравственным долгом перед Толстым. Ему удалось разыскать и издать многие из ранее запрещенных в России произведений Льва Толстого, открыв тем самым для читателей ранее неизвестные им страницы. А в 1923 г. В.Ф. Булгаков, по решению Комиссии НКВД по административным высылкам, вначале был арестован, а затем был выслан вместе с семьей из СССР за пропаганду толстовского учения, несовместимого с обстановкой развязанного в стране преследования инакомыслящих (7, с. 427).

Таким образом, еще до отъезда на чужбину он приобрел определенный опыт музейного работника, занимаясь сбором, хранением и экспонированием коллекций, посвященных жизни и творчеству великого русского писателя. Поселившись в Чехословакии, Булгаков продолжал пропагандировать идеи Л.Н. Толстого: выезжал выступать с лекциями о нем во многие европейские страны (Австрию, Болгарию, Германию, Францию, Швейцарию, Югославию). Кроме того, здесь он собирал различные материалы о Толстом и пересылал их в Москву в музей Л.Н. Толстого.

2. Труд этот увидел свет только в 1917 г. (1, с. 293).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Одновременно В.Ф. Булгаков много внимания уделял литературной деятельности. В 1924 г. в сборнике «На чужой стороне» (Прага) были опубликованы дополнения к его дневнику, а четыре года спустя они вышли отдельным изданием («Трагедия Толстого»). Кроме того, Булгаковым были написаны воспоминания о Февральской революции («Революция на автомобилях»), книги «Толстой – моралист», «В доме великого Толстого», «Памяти доктора Д. Маковицкого», «В осиротелой Ясной Поляне» и др. К тому же все эти годы, за исключением военного лихолетья, Булгаков активно занимался общественной деятельностью, будучи членом совета «Интернационала противников войны», а также главой Союза русских писателей в Чехословакии, товарищем председателя «Дней русской культуры за рубежом», членом Куратория Русского народного университета (15, с. 549).

Но главным и самым любимым делом его жизни в эмиграции стало с конца 1933 г. создание Русского культурно-исторического музея (РКИМ). В 1934 г. одновременно с Русским научным обществом РКИМ официально присоединился к Русскому народному университету (создан в 1923 г.), переименованному в Русский свободный университет (РСУ). Председателем Музейной комиссии РСУ стал один из его основателей профессор М.М. Новиков, крупный ученый-зоолог, бывший ректор Московского университета; секретарем – В.Ф. Булгаков. «Задачей музея, – как вспоминал позднее Новиков, – должно было явиться собирание памятников науки и искусства, а также других предметов, относящихся к истории, творчеству и быту русского зарубежья. Основная же его цель заключалась в том, чтобы показать, что наши беженские массы не являются отбросами Родины, бессильно барахтающимися в непривычной для них чужой обстановке. Наоборот, во всех странах своего рассеяния они сейчас же берутся за творческий труд, обогащая культурное богатство приютивших их народов своей научной и художественной продукцией. Таким образом слава русского имени распространится по всему свету» (21, с. 269).

Дом № 8 по ул. Краковской, в котором располагался РСУ, стал также официальным адресом формирующегося музея.

Подвижническая деятельность по организации музея начиналась по существу на пустом месте. Одним из важнейших был вопрос финансирования музея, и так как средств, естественно, не было, инициативу стимулировала исключительно вера в задуманное. «Все дело велось руками и ногами Булгакова, – вспоминал М.М. Новиков, – и нашими двумя головами. Он заразил меня своим энтузиазмом и решимостью во что бы то ни стало добиться успеха» (21, с. 269–270).

Некоторые из сомневавшихся даже не верили, что через 15 лет после начала массовой эмиграции В.Ф. Булгакову удастся создать полноценную коллекцию, иллюстрирующую эмигрантскую жизнь. «Время и обстановка, каза-

лось, мало благоприятствовали новому начинанию, — вспоминал В.Ф. Булгаков, — “Вы опоздали на десять лет”, — слышал я со всех сторон: “эмиграция устала, обеднела, источники помощи ее культурным начинаниям иссякают, вернее — иссякли...” Все это было верно за тем исключением, что десять лет тому назад, когда все мы еще “сидели на чемоданах”, ожидая скорого возвращения на Родину, мысль о русском зарубежном музее вообще не могла возникнуть. И надо было пройти значительному периоду времени с того момента, как русские покинули родную почву, чтобы, наконец, стало ясно, что период этот — исторический, что это — целая эпоха и что на обязанности культурных русских людей, оказавшихся за рубежом, лежит забота о собирании и сохранении памятников этой эпохи» (6, с. 15).

Но предсказания скептиков, к счастью, не сбылись... Новый музей получил денежную помощь и от чехословацких властей (3 тыс. крон из канцелярии Президента Чехословакии Т. Масарика), и от эмигрантов, и от меценатов. Благодаря содействию Художественно-промышленного музея достали часть необходимого оборудования. Благородному начинанию эмигрантов оказывало поддержку и Министерство образования Чехословакии.

Чтобы дать представление о замысле создателя музея, приведем отрывки из двух документов. Вот о чем, в частности, говорилось в первых трех пунктах «Положения о Русском культурно-историческом музее в Праге», утвержденного 17 января 1934 г.

«1. Русский культурно-исторический музей учреждается при Русском свободном университете в Праге и в будущем должен быть перенесен в Россию как национальное достояние.

2. Целью Музея является собирание, хранение, изучение и экспонация памятников и материалов, относящихся к истории, жизни, творчеству и быту русской эмиграции и русского зарубежного населения вообще.

3. К памятникам и материалам, интересующим Музей, относятся: предметы исторического характера (знамена, ордена, медали, редкое оружие, костюмы, иконы и т.д.); портреты, картины, рисунки, гравюры, скульптура; реликвии, непосредственно связанные с личностью и памятью выдающихся русских писателей, ученых, художников и артистов, подвизавшихся за рубежом; всякого рода характерные предметы и памятки, связанные с бытом и деятельностью русских в разных странах; фильмы русских режиссеров, проекты и предметы изобретений русских инженеров, мастеров и специалистов; предметы прикладного искусства, театральные макеты, клише, фотографии, литературные альбомы и пр.» (10. Д. 1. Л. 176–176 об.).

Формулировка первого пункта «Положения» о передаче в будущем коллекции РКИМ в Россию вызывала определенное сомнение и даже настороженность у части эмигрантов, опасавшихся сдавать туда свои семейные материалы. И это вполне понятно и объяснимо: ведь Советский Союз не был

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

для них той Россией, которую они потеряли, отправляясь в изгнание, а в возможность скорого падения большевистского режима многие из них уже не верили. Тем не менее в РКИМ стало поступать от эмигрантов немало вещей.

По «Плану-программе», составленному В.Ф. Булгаковым, музей должен был состоять из четырех отделений, библиотеки и архива рукописей.

«I. Отделение художественное: 1. Живопись, рисунки, гравюры и скульптура зарубежных русских художников. 2. Архитектурные проекты и модели. 3. Художественная фотография. 4. Прикладное искусство: керамика, фарфор, металлопластика, выжигание по дереву, игрушки, вышивка. 5. Фотографии и репродукции выдающихся произведений русского искусства, находящихся за границей вне музея.

II. Отделение историческое: 1. Мировая война, революция, исход из России. – Предметы, вывезенные русскими за границу: а) костюмы и формы, б) знамена и ордена, в) медали и монеты, г) денежные знаки, д) карты, планы и фотографии, е) плакаты, воззвания, документы и пр. 2. История русской эмиграции: расселение по разным странам, общественная работа и политическая борьба. 3. Быт эмиграции: труд, школа, церковь, театр, спорт, благотворительные учреждения; иностранные друзья русских.

III. Отделение культурно-историческое: 1. Творчество русских писателей, ученых, композиторов и артистов, подвизавшихся за рубежом.

IV. Отделение русской старины: Предметы, вывезенные эмигрантами из России или найденные за границей: а) старинная живопись и иконы, б) государственные реликвии, в) символы власти, г) предметы богослужебные: кресты, сосуды, «воздухи» и пр., д) старинный русский фарфор, е) древнее оружие, ж) ларцы и табакерки, з) монеты и кредитные билеты, и) домашняя утварь, к) фотографии предметов русской старины, находящиеся вне Музея за границей, л) фотографии памятников древней русской архитектуры, находящихся в приграничных с Россией областях и странах» (10. Д. 2. Л. 89–89 об.).

Изложенная в «Положении» и «Плане-программе» концепция будущего музея отличалась продуманностью, научным подходом и комплексностью. Ее осуществление требовало громадных усилий и немалых средств. Но у Русского свободного университета и тем более у самого В.Ф. Булгакова не было даже места для хранения крупного музейного собрания, не говоря уже об экспонировании наиболее интересных реликвий русской культуры. Встал вопрос, что же делать дальше? К счастью, собиратель получил своевременно поддержку от видного политического деятеля Чехословакии, бывшего премьер-министра, депутата парламента, большого друга российских эмигрантов Карела Крамаржа (1860–1937) и его супруги Надежды Николаевны, урожденной Хлудовой (25, с.134–138). По просьбе Крамаржа известный промышленник и меценат Кирилл Бартонь-Добенин предложил для размещения коллекций РКИМ часть помещений своего Збраславского замка

на р. Влтава, в десяти километрах к югу от Праги (ныне в черте города). В древности с XIII в. в Збраславе находилась загородная охотничья усадьба чешских королей, затем цистерцианский монастырь. В перестроенное в замок барочное здание конвента монастыря (XVIII в.) и перевез собранные музейные ценности В.Ф. Булгаков.

Следует указать, что в Збраславе в то время проживала небольшая русская колония, состоявшая в основном из представителей интеллигенции. Для осмотра экспозиция РКИМ открывшаяся 29 сентября 1935 г., работала по воскресеньям с 10.00 до 17.00, когда сюда приезжали посетители из близлежащей Праги и других мест Чехословакии, куда забросила судьба эмигрантов из России. Входная плата составляла всего одну крону.

Открывшийся музей состоял первоначально из следующих отделений: художественного (картины, рисунки, скульптура); архитектурного (чертежи и проекты зданий русских архитекторов, оказавшихся в Чехословакии, Эстонии, Югославии); истории эмиграции; русской старины (с отделом автографов и фотографий). При музее имелась библиотека с собранием редких книг о России.

В Збраславском замке экспозиция и фонды РКИМ разместились в 14 комнатах. В одном из залов экспонировалось 15 картин Н.К. Рериха (в том числе «Св. Сергей»), поступивших из Индии и Югославии (из музея принца-регента Павла). Рериховский зал был торжественно открыт в 1938 г.

Булгаков являлся директором и по существу единственным научным сотрудником музея, получая за свой труд всего лишь 500 крон, т.е. половину зарплаты университетского лаборанта, о чем писал в своих воспоминаниях М.М. Новиков (21, с. 272–273). А ведь на Валентине Федоровиче лежала и забота об обеспечении семьи (жены, дочерей).

В 1936 г. в замке была устроена небольшая выставка картин И.Е. Репина, принадлежавших его дочери Вере; немногим позднее в Праге прошла выставка работ Ф.А. Малявина. Выставки повышали интерес к русской живописи в Чехословакии. Президенты республики Т. Масарик, а затем Э. Бенеш благожелательно относились к деятельности РКИМ, оказывалась помощь и созданной эмигрантами Комиссии по собиранию русской старины (14, с. 7–26).

Бюджет музея, однако, был весьма скромным и в деле пополнения его собраний приходилось рассчитывать, главным образом, на дары деятелей русской культуры, оказавшихся в эмиграции. Со многими из них Валентин Федорович был знаком еще в Москве, с другими познакомился уже на чужбине, и это, конечно, помогало ему находить ключ к их сердцам. К слову сказать, сам Булгаков, будучи человеком доброжелательным и отзывчивым, нередко оказывал поддержку соотечественникам, о чем свидетельствуют его письма, в том числе и М.И. Цветаевой. От нее он получил в дар для музея несколько рукописей, самодельное серебряное кольцо и простую бамбуковую перьевую ручку, которой Марина Ивановна любила писать стихи (19, с. 257–258). Кстати, в собра-

ниях РКИМ хранилось еще несколько ручек не менее известных русских писателей – нобелевского лауреата И.А. Бунина, М.А. Алданова, З.А. Гиппиус, Б.К. Зайцева, Д.С. Мережковского. В.Ф. Булгаков собирал не только музейные экспонаты, но и архивные, в том числе рукописи и письма деятелей культуры. Сам вел переписку с Р. Ролланом, Р. Тагором, М. Цветаевой, Н.К. Рерихом, К.А. Коровиным, Л.О. Пастернаком. Ему присылали интереснейшие материалы из Франции и Германии, из Югославии, Китая, США и других стран, куда судьба забросила изгнанников из России.

Многие из соотечественников понимали важность его начинания. В их адрес направлялись обращения и письма от имени РКИМ (10. Д. 2. Л. 88–88 об.). В роли бедного просителя во время поездки в Париж в 1937 г. Булгаков не раз обходил квартиры русских художников и в большинстве случаев возвращался домой не с пустыми руками. Так удалось бесплатно получить для РКИМ произведения А.Н. Бенуа (акварель «Каскады в Фонтенбло»), К.А. Коровина (пейзаж и эскиз декораций к опере «Князь Игорь»), Н.С. Гончаровой (один из натюрмортов), З.Е. Серебряковой (картина «Бретонка»), скульптурные бюсты Л. Бетховена и Л. Пастера работы Н.Л. Аронсона (1, с. 170–184, 208–213 и др.). Причем их жертвовали на общее благо люди, проживавшие в эмиграции нередко в стесненных материальных условиях. О результатах этой поездки в Париж сохранилась запись, сделанная В.Ф. Булгаковым: «Я отправил в Прагу багажом три огромных деревянных ящика, в которых поместились: 62 картины и рисунка, 2 скульптуры, 4 предмета русской старины, 4 иконы, костюм Шалыпина и части театрального костюма Лифаря, 32 рукописи и автографа выдающихся писателей, 125 книг и брошюр, часто с авторскими автографами, и 88 фотографий... Все это пожертвовано в Музей бесплатно» (4, с. 193).

В деле собирания картин русских художников-эмигрантов В.Ф. Булгакову пришлось столкнуться с соперничеством со стороны Рижского музея Н.К. Рериха и особенно профессора-искусствоведа Н.Л. Окунева, пытавшегося создать художественную галерею при Славянском институте в Праге, но оставившего все собранные произведения русских художников своей семье (10. Д. 2. Л. 62–63; 1, с. 195–196; 201–203; 13, с. 70–71). И все-таки музей в Збраславском замке был самым полным собранием искусства российской диаспоры 30-х годов XX в.

В 1938 г. в Риге с помощью художника А.И. Юпатова Булгакову удалось напечатать вначале краткий каталог, а затем даже альбом художественных собраний Русского культурно-исторического музея, включивший около 400 произведений живописи и скульптуры. Вот что писал в предисловии к альбому «Русское искусство за рубежом» Н.К. Рерих: «Русский культурно-исторический музей в Праге есть явление глубочайшего смысла. Это – первый Русский музей в Европе, маяк русского искусства и науки за рубежом. Русские достижения прежде бывали представлены на международных выставках, а также театральными постановками. Все это было очень нужно для

осведомления Запада с русским творчеством. Но выставки и постановки были кратковременными, а пражская сокровищница есть учреждение постоянное, предназначенное запечатлеть разнообразные проявления русского творческого духа» (6, с. 11, 16–17).

Накануне Второй мировой войны коллекции РКИМ продолжали пополняться материалами, в частности, связанными с жизнью и деятельностью А.И. Герцена. В Збраславском замке даже появились два новых отдела – Пушкинский и театральный. Первый из них состоял из документов, посвященных празднованию эмигрантами 100-летней годовщины со дня смерти великого поэта в 1937 г., редких изданий его произведений, художественно-иллюстративных материалов. Театральное отделение, в частности, включало мемориальные вещи Ф.И. Шаляпина, фотографии и письма М. Ермоловой, реквизит танцовщика С. Лифаря. Кроме того, в РКИМ имелись разрозненные коллекции произведений русского прикладного искусства, наград, карт, камей, миниатюр, монет и бумажных ассигнаций. Е.В. Желиховская, свояченица полководца, передала ему вещи генерала А.А. Брусилова: пять альбомов с фотографиями, генеральские погоны, его автограф, воспоминания о нем. Благодаря дару баронессы М.Д. Врангель в РКИМ оказались семейные фотографии ее сына, генерала П.Н. Врангеля и семейные мемуары. В музее также находилась коллекция русских орденов и медалей, в том числе на временном хранении (до 1941 г.) награды военного композитора генерала С.А. Трайлина. Будучи музейным работником-профессионалом, Булгаков скрупулезно занимался оформлением всей документации РКИМ. И сегодня в фондах Государственного архива Российской Федерации можно познакомиться и с отчетами о работе заведующего, и с инвентарными книгами поступления новых экспонатов, и с каталогами музейной библиотеки, и с приходно-расходными книгами, и с журналами исходящих бумаг за 1934–1944 гг., и даже с книгами записей посетителей (24, с. 41–79).

Несмотря на то, что с 1923 г. в Праге функционировал Русский заграничный исторический архив (РЗИА) с книжным отделом, а годом позже возникла Русская (с 1927 г. – Славянская) библиотека при Министерстве иностранных дел Чехословацкой республики, создатели РКИМ с самого начала своей деятельности планировали наряду со сбором музейных экспонатов сформировать архивный и библиотечный фонды. Эти задачи были зафиксированы в пунктах 4 и 5 Положения о РКИМ, причем там указывалось, что все спорные вопросы, касающиеся компетенции РЗИА и РКИМ разрешаются по взаимному соглашению представителей обоих учреждений (10., с. Д. 1., с. Л. 176 об.).

В дальнейшем РКИМ в отличие от РЗИА ориентировался на хранение прежде всего литературных материалов, автографов и эпистолярного наследства писателей, других деятелей культуры.

Музей поддерживал постоянные связи с другими культурно-просветительскими организациями, существовавшими тогда в Чехословакии,

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Франции, Югославии, далеко в Китае, в том числе с парижским обществом «Икона», издательством «Петрополис». Согласно постановлению Музейной комиссии от 13 марта 1934 г., лица, пожертвовавшие на развитие музея одно- временно или частичными взносами не менее 200 чехословацких крон, избирались членами-сотрудниками музея; те, кто пожертвовал не менее 1 тыс. крон, – членами-основателями, жертвователи не менее 5 тыс. крон – почетными членами музея. В знак признания особых заслуг перед музеем К. Бартонь-Добенин, М.М. Новиков, Н.К. Рерих были удостоены звания «Почетный член РКИМ» (11, с. Д. 21, с. Л. 12; 10., с. Д. 2., с. Л. 18–20).

Поскольку помимо произведений живописи, скульптуры, прикладного искусства музей принимал на хранение документальные материалы, это не могло не осложнить его отношения с руководством Русского заграничного исторического архива. Председатель правления РЗИА А.Н. Фатеев даже вышел из состава Музейной комиссии Русского свободного университета. Хотя заведующий РКИМ В.Ф. Булгаков старался не обострять ситуацию и даже сдал в 1934 г. в РЗИА рукопись своих воспоминаний «Толстовцы в 1914–1916 гг.» (правда, за определенную денежную компенсацию) (10. Д. 2. Л. 23; 13, с. 29). Тем не менее архивный фонд РКИМ продолжал постоянно пополняться благодаря дарам эмигрантов, многим из которых направлялись письма с просьбой о присылке личных материалов. В собрании музея, в частности, находились автографы Л.Н. Толстого; рукописи М. Алданова, М. Арцыбашева, И. Бунина, М. Цветаевой, Б. Зайцева, В. Немировича-Данченко; письма Г. Адамовича, М. Осоргина, Н. Тэффи, И. Наживина, А. Ремизова; переписка В.Ф. Булгакова с Н.К. Рерихом, Р. Ролланом, Р. Тагором; материалы о проведении ежегодных Дней русской культуры в день рождения А.С. Пушкина во Франции, Чехословакии, Китае и других странах, где осели изгнанники из России; часть научного архива М.М. Новикова, других ученых; фотографии, иллюстрировавшие жизнь эмигрантов; архитектурные чертежи. Значительный интерес представляли материалы театрального отделения РКИМ, связанные с великой русской актрисой М. Ермоловой. Марина Цветаева подарила РКИМ подборку своих журнальных статей на литературные темы (2, с. 45). Из Франции в Прагу были присланы материалы А.И. Герцена (16, с. 187).

В.Ф. Булгаков не мыслил существования своего любимого детища – музея без книжного собрания. Вот из каких отделов предполагалось формировать библиотеку РКИМ в момент его возникновения.

«1. Русская книга, изданная за рубежом, и русские зарубежные журналы.

2. Книги русских писателей и ученых эмигрантов, изданные на иностранных языках, а также иностранные журналы со статьями русских авторов и отдельные оттиски этих статей.

3. Иностранная литература, посвященная русской эмиграции: книги, статьи и газетные вырезки.

4. Библиографический: картотека с указанием всей литературы, в том числе и отсутствующей в библиотеке Музея, по всем трем вышеозначенным отделам» (10. Д. 2. Л. 89 об).

В комплектовании библиотечного фонда РКИМ, насчитывавшего более 3 тыс. томов книг и периодических изданий, в том числе с автографами авторов активно участвовали издатель из Норвегии В. Каррик, а также известный библиофил Н.А. Рубакин.

Музейные дела (забота о пополнении коллекций, инвентаризация фондов и др.) требовали от В.Ф. Булгакова немало времени и сил, а он еще успевал заниматься и литературным трудом, работая над составлением «Словаря русских зарубежных писателей» (свыше 100 имен), который был издан через много лет после его кончины (3, 212 с.).

В эмигрантской среде Праги, по воспоминаниям А.С. Эфрон (дочери М.И. Цветаевой), Валентин Федорович слыл «несомненным голубем, исповедовавшим закон «смиреномудрия, терпения и любви» по Ефрему Сирину и отчасти по Л.Н. Толстому», живя с женой и двумя дочерьми Татьяной и Ольгой в доме 13 по Сезимовой улице «в простом глазом видимых благолепии, чистоте и вегетарианстве, в кажущемся душевном благополучии». «Ум острый, проницательный, широкоохватный, далеко не догматического склада» позволил Булгакову быстро сблизиться с семьей М.И. Цветаевой (27, с. 138–139).

Но далеко не все из замыслов Булгакова были воплощены. Так, не удалось сформировать в музее техническое отделение из-за малочисленности материалов и Сибирский отдел, с инициативой создания которого выступил председатель Союза сибиряков в Чехословакии И.А. Якушев. Начавшаяся вскоре Вторая мировая война сорвала дальнейшие планы. Теперь уже речь шла не о пополнении ценных собраний, а о сохранении их от разграбления и уничтожения.

Членом музейной комиссии РСУ являлся известный исследователь истории Нижегородской ярмарки Петр Александрович Остроухов (1885–1965), сыгравший наряду с художником-коллекционером Н.В. Зарецким (1876–1969) значительную роль в сохранении коллекций РКИМ в годы Второй мировой войны, когда В.Ф. Булгаков 22 июня 1941 г. был арестован оккупационными властями как советский гражданин, пацифист, к тому же участвовавший в движении христианских социалистов, и после пребывания в пражской тюрьме Панкрац в сентябре того же года он был выпущен на волю, во многом благодаря хлопотам профессоров РСУ³. Но в марте 1943 г. последовали аресты дочери Булгакова Татьяны (за участие в антифашистской группе она провела два года в

3. «Книга учета посетителей музея за 1940–1943 гг.» до сих пор хранит запись, сделанную карандашом рукой Булгакова между строк. «22 июня 1941 г... В этот день я был арестован в помещении Музея агентами Гестапо» (10. Д. 21. Л. 24 об, 43).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

фашистском концлагере Равенсбрюк), снова самого Валентина Федоровича. На этот раз он был отправлен в мае в лагерь для интернированных советских граждан и военнопленных в Баварии, в замок Вюльцбург, у г. Вейссенбурга (5, с. 112–157). Даже в фашистских застенках Булгаков продолжал читать лекции и проводить беседы о Л.Н. Толстом.

В личном архиве П.А. Остроухова (фонды ГАРФ) сохранились книги протоколов заседаний Музейной комиссии РСУ за 1940–1944 гг. (23, с. 321–323). После ареста руководству университета пришлось официально отмежеваться от Булгакова; его, естественно, освободили от должности директора, на которую временно назначили профессора В.А. Брандта, а затем Н.В. Зарецкого. В 1942 г. в РКИМ даже умудрились устроить специальный раздел экспозиции, посвященный обороне Севастополя во время Крымской войны в 1854–1855 гг. (22, с. 196–197; 10. Д. 24. Л. 48; 8. Д. 42., Л. 2, 2об., 4–5).

Дальнейшая судьба музея была печальной, в 1944 г. его фактически закрыли. В последние месяцы войны в Збраславском замке хозяйничали фашистские солдаты, выбитые частями наступающей Советской Армии. Военные действия причинили немалый урон собраниям РКИМ.

Вернувшийся из концлагеря 22 июня 1945 г. В.Ф. Булгаков, едва успев повидать родных, сразу бросился осматривать любимое детище, в которое вложил так много труда. Повсюду бросались в глаза следы повреждений: разбитые окна и стекла витрин, разбросанные книги, рисунки... В голове у него в те дни была одна мысль: спасти уцелевшее. Часами немолодой уже, седовласый человек копался в мусоре, пытаясь разыскать утраченные реликвии. И вот счастливый миг удачи. В руках у Валентина Федоровича серебряный перстень и простая перьевая ручка, подаренные Мариной Цветаевой и найденные за дверью в пыли. То были лишь два из многочисленных экспонатов самого крупного и интересного из всех музеев, основанных российскими эмигрантами в межвоенной Европе.

Возродить деятельность РКИМ после окончания Второй мировой войны, несмотря на предпринимавшиеся его создателем усилия, однако, не удалось. Сохранившиеся коллекции Булгакову пришлось перевезти из Збраславского замка в Прагу, в ограниченные по площади помещения русской эмигрантской гимназии, превращенной вскоре в советскую среднюю школу, где он работал несколько лет учителем и даже пытался проводить экскурсии. Им же в те годы редактировался пражский «Советский бюллетень». Одновременно велась работа по подготовке музейных ценностей к передаче в СССР.

Вот что отмечено в записной книжке В.Ф. Булгакова: «В 1948 году я выслал в Россию 25 ящиков с книгами, рукописями, предметами русской старины и более 150 работ русских художников: картины Репина, 15 картин Рериха, работы Билибина, Добужинского» (18, с. 38). Первоначально собрания РКИМ поступили в Министерство иностранных дел СССР, распределившего

их среди крупнейших музеев Москвы и Ленинграда: Государственной Третьяковской галереи (51 картина); Театрального музея имени А.А. Бахрушина (48 картин, портретов, эскизов и других экспонатов); Государственного исторического музея (71 единица хранения – народная вышивка, два декоративных блюда, портреты, фотографии, карта Волги, составленная в XVII в. Адамом Олеарием и др.); Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина; Государственного Русского музея.

Фонды библиотеки и рукописного отдела РКИМ (материалы Бунина, Куприна, Цветаевой, Шалапина и других известных деятелей культуры) были перевезены в Москву еще раньше, в декабре 1945 г., в составе и затем оказались на хранении в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации) и Центральном государственном архиве литературы и искусства (ныне Российский государственный архив литературы и искусства) (26, с. 190–191). В РГАЛИ наряду с документами попали портреты русских писателей, ученых, артистов, работы художника Л.И. Голубева-Багрянородного и рисунки К. Пяковского. Так целостная коллекция РКИМ была, к сожалению, разобщена по музеям и архивам⁴. Кое-что из менее ценных материалов даже предлагалось другим культурным учреждениям – клубам, домам пионеров. Лишь незначительная часть второстепенных по значимости коллекций РКИМ осталась в распоряжении Комитета советских граждан в Чехословакии.

Летом 1948 г. в составе первого транспорта реэмигрантов из Праги, Булаков вернулся в СССР. В эмоциональном выступлении на железнодорожном вокзале перед отъездом из Праги он говорил о радости возвращения на Родину и грусти расставания с Чехословакией (20, с. 258). Валентин Федорович перевез сохраненные им материалы о Л.Н. Толстом в Ясную Поляну, где работал научным сотрудником, а затем хранителем музея. Многих из его хороших знакомых доэмигрантского периода, увы, уже не было в живых, но кое с кем (к примеру, с известным книговедом, бывшим заведующим отделом Румянцевского музея Н.П. Киселёвым) Булакову удалось восстановить прерванные на четверть века контакты.

В последние годы жизни Валентин Федорович написал две книги воспоминаний: «Чтобы спасти от забвенья» и «Как прожита жизнь». И давно пора воздать должное этому незаурядному человеку, как и другим подвижникам-эмигрантам, сохранившим на чужбине ценные реликвии российской истории и культуры.

4. В фонде 10013 ГАРФ хранится коллекция предметов (1793–1920), поступившая в составе РЗИА в СССР (12. Оп. 1).

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Литература

1. Булгаков В.Ф. Встречи с художниками. – Л., 1969. – 299 с.
2. Булгаков В.Ф. Марина Ивановна Цветаева (Из неопубликованных воспоминаний В.Ф. Булгакова «Как прожита жизнь») // Отчизна. – М., 1991. – № 10–12.
3. Булгаков В.Ф. Словарь русских зарубежных писателей. – Н. У., 1993. – 212 с.
4. Булгаков В.Ф. Русский культурно-исторический музей (1934–1939) // Ариаварта 1999. – № 3.
5. Булгаков В.Ф. В царстве свастики // Москва. – М., 2000. – № 5.
6. Булгаков В.Ф. Юпатов А.И. Русское искусство за рубежом. Прага – Рига, 1938. – 63 с.
7. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921–1923. – М., 2005. – 543 с.
8. Ф. Р-6427. Фатеев А.Н., профессор права. 1871 – после 1952. Оп. 1.
9. ГАРФ. – Ф. Р-6767. Новиков М.М., ректор Русского народного университета в Праге. 1876–1960. Оп. 1.
10. ГАРФ. – Ф. Р-6784. Русский культурно-исторический архив в Праге при Русском народном университете. Прага. 1934–1944. Оп. 1.
11. ГАРФ. – Ф. Р-7030. Русский заграничный исторический архив (РЗИА). Прага, 1924–1945. Оп. 1.
12. ГАРФ. – Ф. 10013. Коллекция предметов, отложившихся в фондах РЗИА. 1793–1920. Оп. 1.
13. Докашева Е.С. Русский культурно-исторический музей в Праге. – М., 1993. – 86 с.
14. Дом в изгнании. Очерки русской эмиграции в Чехословакии: 1918–1945. – Прага, 2008. – 511 с.
15. Досталь М.Ю. Русский культурно-исторический музей в Праге в творческой судьбе В.Ф. Булгакова (по новым архивным данным) // Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов». Сборник докладов. – Прага, 1995. – Ч.2. – 992 с.
16. Желвакова И.А. От Девичьего поля до Елисейских полей. Поиски и находки. Встречи и впечатления. – М., 2005. – 380 с.
17. Кончин Е. В. Эмигранты восемнадцатого года. – М., 1981. – 160 с.
18. Лазарев В.Я. Хожение не за три моря. – Тула, 1969. – 93 с.
19. Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. – М., 1992. – 350 с.
20. Мейснер Д. И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. – М., 1966. – 302 с.
21. Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. – М., 2009. – 312 с.
22. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. – М.: 1992. – 400 с.
23. Путеводитель. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.). Т. 5. – М., 2001. – 654 с.
24. Русский культурно-исторический музей в Праге в письмах и документах (1934–1944) (Из собрания Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Московского университета. Серия 8., с. История. 2006. – № 6.
25. Серапионова Е. Семья Крамаржей // Родина. 2001. – № 1–2 (Славянский мир).
26. Цаплин В. В. Возвращение в Советский Союз документов государственного архивного фонда. 1945–1946 гг. // Музейное дело в СССР. – М., 1976. – 251 с.
27. Эфрон А.С. История жизни, история души. Т. 3. М.: 2008. – 392 с.

И.Е. Иноземцева

РОССИЯ НА ВСЕМИРНЫХ ВЫСТАВКАХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ШТРИХИ

Иноземцева Ирина Евгеньевна – заведующая читальным залом библиотеки Уральского социально-экономического института.

Наша страна была представлена на большинстве Всемирных выставок.

Правда, российская империя никогда не была организатором, не проводила их у себя, хотя такие попытки предпринимались. Первая из них относилась еще к 1893 г., когда в правительстве рассматривался вопрос о проведении в Петербурге выставки, приуроченной к 200-летию основания города. Однако финансовые и политические проблемы не позволили осуществить эту идею. В конце 50-х годов прошлого века СССР добился права организовать в Москве выставку, приуроченную к 50-й годовщине Октябрьской революции, но вскоре отозвал из МБВ (Международное бюро выставок) свою заявку.

Первая Всемирная универсальная выставка. Самой промышленно развитой страной тогда была Англия, и не случайно именно в Лондоне в 1851 г. состоялась первая Всемирная выставка, на которой англичане демонстрировали всему миру качество своих промышленных товаров.

Россия получила предложение участвовать в выставке в январе 1850 г. через английского посла в Петербурге. Прежде чем принять приглашение, Николай I ознакомился с мнением своих министров. Наиболее активную позицию занял министр государственных имуществ граф Павел Киселев, считавший участие в этом мероприятии «важным средством сближения с заграничными потребителями» (3). Расходы по хранению и транспортировке экспонатов, правительство полностью приняло на себя.

Организация российского отдела была поручена специальному комитету при Министерстве финансов. Генеральным комиссаром (руководителем) был утвержден Г. Каменский. В выставке приняли участие 365 производителей (из них 35 – императорские фабрики), разместивших свою продукцию на площади около 500 м². По сравнению с отделами даже небольших европей-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ских стран, российский отдел был невелик и представлял в основном продукцию аграрно-сырьевого сектора и предметы роскоши. Он был в 2 раза меньше бельгийского и в 6 раз меньше французского, что объяснялось неразвитостью промышленного производства в стране.

Всего российские участники получили 130 наград, из них три – Большие медали, 60 медалей 2-й степени и 67 Похвальных отзывов (1).

Какую пользу могла извлечь Россия из Лондонской всемирной выставки? На этот вопрос ответил экономист Ю.А. Гагемейстер: «Предметов совершенно новых, дотоле неизвестных, было выставлено мало, а потому людей, постоянно следящих за промышленностью, немного могло поразить. Плоды же выставки заключаются в мыслях и соображениях, которые должно было родить сравнение с произведениями всех стран вселенной, и сличение производительных сил, характера, направления разных земель и народов» (цит. по: с. 17).

За время, прошедшее после первой Всемирной выставки до начала XX в., объем промышленного производства в России и доля новинок, представленных на мировых выставках, неизменно увеличивались. И все же этот рост был недостаточным в сравнении со странами Западной Европы и Америкой. Однако Россия, насколько это было тогда возможно, стремилась представить разнообразие своих достижений в самых различных сферах производства, науки и культуры. В глазах западного мира она постепенно избавлялась от образа дикой полуазиатской страны, все более интегрируясь в мировое капиталистическое производство.

К началу XX в. Российская империя представляла собой огромную территориальную и демографическую величину, превосходившую крупнейшие европейские державы. Такой она подошла к Всемирной выставке 1900 г., подводящей своеобразный итог экономического и культурного развития стран мира в XIX в.

Париж, 1900 г.

Россия приняла участие в Парижской выставке на основе Высочайшего постановления от 28 октября (10 ноября) 1895 г. Было подано 2500 заявок – намного больше, чем на предыдущих выставках. Так, в 1851 г. Россию представляли всего 365 экспонентов, в 1873 – 1680 (8, с. 76). Площадь, отведенная под экспозицию России, составила 24 тыс. м², что значительно превосходило прежние размеры.

Генеральным комиссаром Русского раздела по инициативе министра финансов С.Ю. Витте 24 октября 1897 г. был назначен крупный предприниматель, этнограф и меценат князь В.Н. Тенишев. Художественную часть отдела возглавлял вице-президент Академии художеств граф И.И. Толстой (в будущем – министр народного просвещения, а затем – петербургский городской Голова). Национальный павильон спроектировал архитектор Р.Ф. Мельцер на площади в 4 тыс. м². Построенный в шатрово-башенном стиле московского Кремля и бывшего дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенское, этот павильон находился на склоне холма в парке «Трокадеро». Рядом распо-

лагался так называемый «Кустарный павильон», в котором экспонировались предметы декоративно-прикладного искусства и народных промыслов.

Признанием международного авторитета русской науки явилось включение русских специалистов в состав международного жюри выставок. В него входили: Д.И. Менделеев (председатель группы химического производства), металлург Д.К. Чернов, художники И.Е. Репин и А.Н. Бенуа по отделу искусства, профессор горного и электротехнического институтов М.А. Шателен, профессор Московского земледельческого института В.Р. Вильямс, химик Д.П. Коновалов, профессор горного института Н.С. Курнаков, географ П.П. Семёнов-Тян-Шанский.

В.И. Вернадский принял участие в VIII-й сессии Международного геологического конгресса, проходившей во время Парижской выставки. Она произвела на ученого большое впечатление. Он проводил там много времени, изучая современное состояние рудного дела, основных рудных залежей в мире. В письме к сыну от 19 августа 1900 г. он писал: «Выставка поражает своими размерами. Наиболее интересное и важное, новое наблюдается в технике и в искусстве. В технике – новые металлы, новые электрические лампы (без угля и без стекла) – твердая сталь при красном калении. И в каждой стране можно наблюдать много нового» (цит. по: 2, с. 14).

На Парижской выставке Россия заявила о ведущем строительстве Сибирской железной дороги – в ее зале выставили коллекцию карт, видов дороги, рельефных моделей разных сооружений, модели и снимки парового паромы на озере Байкал, модель большого моста через реку Енисей. По свидетельству советского историка техники профессора С.В. Шухардина, «Великая Сибирская магистраль, представляющая грандиозное техническое сооружение, была самой протяженной железной дорогой в мире» (цит. по: 6, с. 34).

Российские экспонаты получили 1589 наград (при общем количестве 42 790), из которых 212 – Гран-при (из 2 827) и 370 золотых медалей (из 8 166). Кое-кому из российских участников удалось установить полезные деловые контакты. Большой интерес среди потенциальных покупателей вызвали фирмы, предлагавшие лес, особенно дуб и отдельные породы деревьев (были закуплены подолочные сорта на сотни тысяч франков). А товарищество ситцевой мануфактуры А. Гюбнера завязало коммерческие отношения с магазином «Лувр» в Париже и с одним из торговых домов в Нью-Йорке (6).

Эта грандиозная Всемирная выставка стала самой посещаемой за всю предыдущую историю выставок – на нее пришли свыше 48 млн. человек (для сравнения: Лондонскую выставку 1851 г. посетили около 6 млн. зрителей). В числе многих тысяч россиян на ней побывали: выпускник Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской АН, исследователь физиологии растений К.А. Тимирязев, В.И. Вернадский; электротехник, разработчик телефонной связи П.М. Голубицкий, Д.И. Менделеев и многие другие. С выставкой и ее художественными экспозициями знакомились живописцы М.В. Нестеров,

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

В.А. Серов, Ф.А. Малявин, Н.А. Тархов, А.Н. Бенуа, А.П. Остроумова, жившие в это время в Париже Н.К. Рерих, Е.С. Кругликова и др. Побывали на ней путешествовавшая в это время по Европе прима-балерина Мариинского театра М.Ф. Кшесинская, молодая художница М.В. Сабашникова и ее будущий муж – поэт и художник М.А. Волошин, юный князь Ф.Ф. Юсупов со своими родителями и многие представители аристократических семейств России.

Павильонам России на всемирных выставках обычно стремились придать национальный колорит, выражающий «русский дух». Павильон в Париже 1900 г. строился по проекту известного архитектора Ропета (Петрова); павильон России в Глазго в 1901 г. принес автору проекта Ф.О. Шехтелю звание академика архитектуры и почетного члена Британского королевского института архитектуры; советские павильоны на выставках в Париже 1937 г. и Брюсселе 1958 г. получили высшие награды своих выставок; в историю мировой архитектуры вошел также павильон СССР в Осаке 1970 г., имевший форму развернутого знамени, выполненного в виде стальной складчатой конструкции.

Не менее ярким и убедительным чем прежде стало участие России в ЭКСПО-2005 – первой всемирной выставке нового столетия.

Из федерального бюджета на подготовку российского раздела было выделено 8,4 млн долл. Площадь российского павильона составила 1296 м².

Были представлены более 100 экспонатов, отражающих новейшие технологии и разработки в различных отраслях – промышленности, энергетике, предупреждении и ликвидации последствий природных и техногенных катастроф. Широко освещались культурное наследие и природные богатства страны.

Центр павильона занимал сферический экран в виде части земного шара, символизирующего наш общий дом – планету Земля. Сферическую поверхность оборудовали специальными видео- и слайдпроекторами, благодаря которым гости видели непрерывное панорамное изображение – видеофильмы, отображавшие темы выставки. Одно из основных визуальных решений – технологии стереоскопических и варио-стереоскопических изображений. При помощи панорамных экранов посетители «прошлись по залам» и заглянули в кладовые Русского музея, Эрмитажа, Третьяковской галереи и Алмазного фонда.

Особо следует отметить российские разработки в области нанотехнологий, при помощи которых создаются принципиально новые материалы. Важнейшее достижение – макет шестиместного космического корабля многоразового использования нового поколения «Клипер», изготовленный по технической документации РКК «Энергия».

Российская экспозиция на «ЭКСПО-2005» была представлена пятью основными тематическими разделами.

Планета Земля. (Природные богатства России для человечества. Леса и воды. Наша твердая планета.) **Человек и космос.** (Космические технологии сегодня и завтра.) **Духовность.** (Мозаика культур – тысячелетняя история

народов и культур России.) *Человек и технологии.* (Ноосферные и нанотехнологии. Энергия.) *Человек и стихия.* (Мониторинг, предупреждение и ликвидация последствий природных катастроф.)

Экспозиции нашей страны на Всемирных выставках неизменно вызывали особый интерес и отмечались медалями жюри выставок – за всю историю проведения их было вручено около 10 тыс.

Приложение

Таблица

СТАТИСТИКА УЧАСТИЯ РОССИИ ВО ВСЕМИРНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ВЫСТАВКАХ

Город	Год	Общая площадь (Россия)	Число стран (колонии)	Число посетителей (млн чел.) (раздела России)	Кол-во экспонатов (Россия)	Кол-во наград (Россия)	Название выставки, повод, девиз
Лондон	1851	10,4 га (500 м ²)	25 (15)	6,0 (нет данных)	17 тыс. (нет данных)	5084 (130)	«Пусть все народы работают совместно над великим делом – совершенствование человечества!»
Лондон	1862	120 тыс. м ² (1,7 тыс. м ²)	36 (15)	6,2 (нет данных)	28 тыс. (нет данных)	12 500 (305)	-
Париж	1867	70 га (2,9 тыс. м ²)	42	7 (нет данных)	Около 50 тыс. (1300)	19 776 (478)	«Щедрость природы может быть преобразована во всеобщую гармонию всех народов!»
Вена	1873	70 тыс. м ² (6,8 тыс. м ²)	30	7,2 (нет данных)	70 тыс. (1680)	25 577 (1000)	-
Филадельфия	1876	115 га (1000 м ²)	30	10 (нет данных)	30 тыс. (нет данных)	13 104 (300)	Международная выставка искусства, промышленности и продуктов земли. К 100-летию независимости США
Париж	1878	75 га (нет данных)	36 (12)	16 (нет данных)	нет данных	нет данных (784)	-

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Продолжение таблицы

Париж	1889	100 га (3,8 тыс. м ²)	52	32,2 (нет дан- ных)	61 722 тыс. (820)	33 889 (671)	К 100-летию Французской Революции
Чикаго	1893	200 га (нет данных)	50 (37)	21 (нет дан- ных)	60 тыс. (1.033)	23 757 (нет данных)	К 400-летию открытия Америки Х. Колумбом
Париж	1900	120 га (24 тыс. м ²)	40 (21)	51 (нет дан- ных)	8347 тыс. (2.5)	42 790 (1.589)	Всемирная худо- ожественная, промышленная и земледельческая выставка
Глазго	1901	40 га (3,8 тыс. м ²)	7 (англ. коло- нии)	11,5 (нет дан- ных)	нет данных (нет данных)	нет данных (нет данных)	К 50-летию пер- вой Всемирной выставки
Турин – Рим	1911	98,8 (нет данных)	нет данных (нет данных)	4 (нет дан- ных)	нет данных 230	нет данных (206)	К 50-летию обра- зования совре- менной Италии
Париж	1937	105 га. (3 тыс. м ²)	44	30 (20)	нет данных (нет данных)	16 705 (270)	Искусство и тех- ника в современ- ной жизни
Нью-Йорк	1939– 1940	500 га (12 тыс. м ²)	65	26 (16,5)	нет данных (нет данных)	нет данных (нет данных)	К 150-летию независимости США. «Мир завтра!»
Брюссель	1958	200 га (22 тыс. м ²)	54 8 меж. орган.	45 (30)	нет данных (нет данных)	3961 (527)	«Человек и про- гресс!»
Монреаль	1967	400 га (13 тыс. м ²)	62	50 (13)	нет данных (10 тыс.)	Отныне награды больше не присужда- лись, только дипломы об участии	К 100-летию Канадской кон- федерации. К 350-летию Монреаля. «Зем- ля и люди!»
Осака	1970	330га (25 тыс. м ²)	77 4 меж. орган.	64 (28)	нет данных (нет данных)		«Прогресс и гар- мония для чело- вечества!»
Севилья	1992	215 га (5000)	111	46 (нет дан- ных)	нет данных (нет данных)		К 500-летию открытия Аме- рики Х. Колум- бом. «Эпоха от- крытий»

Продолжение таблицы

Лиссабон	1998	50 га (1,3 тыс. м ²)	144	9 (3)	нет данных (нет данных)		Океан. Наследие для будущего
Ганновер	2000	170 га (1,5 тыс. м ²)	200	18 (5)	нет данных (нет данных)		Человек– Природа– Техника
Айти	2005	173 га (1,3 тыс. м ²)	120 8 меж. орган.	22 (5500)	нет данных (300+180 фильмов)		Мудрость природы
Шанхай	2010	5,28 м ² (6 тыс. м ²)	200 (про- гноз)	100 (прогноз)			«Лучше город, лучше жизнь!»

Источник: (9, с. 366–368).

Примечание. В отечественных изданиях отсутствует единая статистика о Всемирных выставках. Большинство зарубежных изданий, в которых опубликованы соответствующие статистические данные, приводят отличающиеся друг от друга цифры. В таблицу включена информация только о Всемирных универсальных выставках. За период с 1974 по 1993 г. прошли восемь специализированных Всемирных выставок: Спокан (1974), Окинава (1975), Ноксвилл (1982), Нью-Орлеан (1984), Цукуба (1985), Ванкувер (1986), Брисбен (1988), Тэджон (1993), а также Сарагоса (2008), информация о которых не вошла в таблицу. В качестве основного издания, на базе которого дана приводимая статистика, использована книга В.Н. Шпакова «История Всемирных выставок» (М., – 2008. – С. 366–368). За всю историю Всемирных выставок Россия не участвовала по разным причинам в восьми выставках. Это: Нью-Йорк (1853), Париж (1855), Сан-Луи (1904), Милан (1906), Барселона (1929), Чикаго (1934), Брюссель (1935), Нью-Йорк (1964–1965), поэтому информации о них в таблице нет.

Литература

1. Зайцев В.П. Первые промышленные выставки в Лондоне // Новая и новейшая история. – М., 2001. – № 4. – С. 186.
2. Закревская Г. Экспонаты Всемирной парижской выставки 1900 года в фондах ЦМЖТ МПС // Железнодорожное дело. – М., 1998. – № 6. – С. 13–15.
3. Кокарев В.А. История участия России во всемирных выставках // История государства и права. – М., 2006. – № 2. – С. 11–15.
4. Лачаева М. Россия на всемирных выставках // Деловой мир. – М., 1991. – 20 апр. – С. 14. – (Штрихи к портрету прошлого; вып. 14).
5. Мезенин Н.А. Парад всемирных выставок. – М., 1990. – 159 с.
6. Нарвойт К. Ю. Россия на Всемирной выставке 1900 г. // Русское искусство. – М., 2005. – № 2. – С. 34.
7. Основы выставочно-ярмарочной деятельности / Под ред. Л.Е. Стровского. – М., 2005. – 288 с.
8. Рыбаченок И. Добро пожаловать в «Берендеевку»: Россия на Всемирной выставке в Париже 1900 года // Родина. – М., 2005. – № 2. – С. 76–78.
9. Шпаков В.Н. История Всемирных выставок. – М., 2008.

В.В. Леонидов

РОССИЯ РЕНЭ ГЕРРА

Леонидов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, главный библиотечарь Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына.

Сегодня в двух домах в парижском пригороде Иссиле-Мулино и в Ницце на Лазурном берегу размещается знаменитая коллекция Ренэ Герра.

Более 5,5 тыс. картин, среди которых полотна А.Н. Бенуа, М.В. Добужинского, Н.С. Гончаровой, М.Ф. Ларионова, Л.С. Бакста, С.Ю. Судейкина, К.А. Коровина, А.Е. Яковлева. Уникальные любовные миниатюры К. Сомова, запечатлевшие его галантных маркиз и комедиантов XVIII в. Более 700 работ Анненкова. Словом, полотна тех, кто составлял золотой фонд русской культуры начала XX в. сначала в России, потом в эмиграции. И еще огромная коллекция произведений живописи и графики русских мастеров, которые прославили себя уже на чужой земле.

Чего только среди них нет. Картины загадочного Сергея Шаршуна, получившего в конце жизни мировое признание за свои сияющие неземным белым светом холсты, и произведения потомка запорожских казаков Михаила Андреевского, почти всю жизнь прожившего на улице Вожеар и видевшего Париж и оставленную Родину сквозь силуэты своих кубических конструкций. Гротескные портреты Олега Цингера, близкого друга юности великого генетика Тимофеева-Ресовского. Картины Александра Зиновьева, воевавшего в годы Первой мировой в составе Русского экспедиционного корпуса в Шампани. И работы многих, многих других художников, которых объединяет одно – это мастера из России, жившие и творившие во Франции.

Но мы не можем рассказывать только о картинах. Потому что здесь же хранится колоссальное собрание изданий и архивов русского зарубежья.

Только книг более 40 тыс. томов, очень многие из них с инскриптами – посвящениями авторов. Более 20 тыс. уникальных материалов, среди них – подлинные жемчужины русской культуры. Автографы И.А. Бунина,

Б.К. Зайцева, И.С. Шмелёва, А.М. Ремизова, В.В. Набокова, М.И. Цветаевой, К.Д. Бальмонта, Г.И. Газданова, Д.С. Мережковского, З.А. Гиппиус. Есть и произведения великих представителей русской культуры, живших в СССР и дореволюционной России. К примеру, рукописи Б.Л. Пастернака или блистательный портрет княгини Марии Тенишевой работы Серова.

А еще – огромное наследие тех представителей русского зарубежья, которых впоследствии известный публицист Владимир Варшавский назвал «незамеченным поколением». Эмигрантских поэтов и прозаиков, вступавших в литературу в тени своих старших великих соратников по цеху. Тех, кто был намного моложе Бунина, Цветаевой, Куприна.

Среди них автографы стихов короля русской поэзии в США Ивана Елагина, любимца русской парижской аудитории Владимира Смоленского, блистательного исполнителя своих стихов на литературных вечерах, и замечательного поэта-мистика Юрия Терапиано, одного из мэтров российского литературного изгнания. Рукописи произведений изысканного Владимира Величковского, работавшего подобно большинству многих изгнанников в парижском такси, и его сестры, забытой ныне поэтессы Тамары Величковой. Продолжить этот список можно еще сотнями имен.

Я не перечисляю экспонаты собрания крупнейшего художественного музея, архива или библиотеки – я рассказываю о великой коллекции француза, спасшего огромный пласт русской культуры. Особенно той, которая долгие годы была скрыта от нас железным занавесом. О собрании профессора слависта Ренэ Герра.

По-русски он говорит так, что порой даже возникают слухи, что его настоящая фамилия – Герасимов. Но Ренэ, француз родом с Лазурного берега, остается лишь смеяться над всеми этими слухами.

Замечательный писатель Борис Зайцев, умерший в Париже в возрасте 91 года, у которого Ренэ Герра работал секретарем, сказал очень точно: «Этот человек более русский, чем все русские».

Феномен Герра до сих пор поражает любого, кто хоть как-то интересуется русским зарубежьем, да и вообще русской культурой. И первый вопрос, который задают ему: как все это произошло.

Вспоминая начало своего пути, он говорил в одном из интервью: «Действительно, в детстве мало что обещало мне такую судьбу. Но однажды в наш дом постучалась женщина, попросившая мою мать, преподавательницу, дополнительно позаниматься с ее ребенком. Взамен гостя, признаваясь, что денег у нее нет, предложила обучить русскому языку одного из сыновей господина Герра. Выбор пал на меня, о чем я, впрочем, никогда не жалел».

В Ницце жили многие русские, и молодой поклонник языка далекой страны с удовольствием общался с ними.

Так и началась эта феерическая история. Со свойственной ему страстной самозабвенностью Ренэ Герра окунулся в русскую стихию. Он встречался со

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

старыми эмигрантами, с художниками, писателями. Заканчивая филологический факультет Сорбонны, выбрал темой творчество Бориса Зайцева. Старый писатель к тому времени не был избалован вниманием, хотя и пользовался непрерываемым авторитетом в русской среде.

Снова дадим слово самому Ренэ: «Это был человек очень порядочный – образец русских эмигрантов, которые достойно несли свой крест, приняли все тяжести жизни в изгнании... В середине шестидесятых годов кто-то вспомнил о Борисе Зайцеве. Для меня в общении с ним была живая связь с Россией, с настоящей, дореволюционной Россией. Я приходил к нему несколько раз в неделю и просто слушал. Могу сказать без хвастовства, что мы подружились и, несмотря на разницу лет, наши отношения были очень простые и очень прямые, дружественные. Иногда мы вместе ужинали. Он пил бордо. Был глубоко религиозен, но без ханжества. Любил острить, мог сказать даже крепкие слова, чисто русские. И он, по сути, помог мне написать эту диссертацию – у меня “под рукой” был сам автор, о котором я писал».

У Зайцева Герра познакомился с «осколками» сверкающего Серебряного века – поэтом, прозаиком и мемуаристом Ириной Одоевцевой, художником Юрием Анненковым, во многом определившем стиль искусства XX в., поэтом и критиком Юрием Терапиано и многими, многими другими. Тогда же и начала формироваться его уникальная коллекция.

«Не хочу объявлять себя пророком, но мои бывшие студенты могут засвидетельствовать, что уже двадцать лет назад, когда я начинал читать лекции в парижском Институте восточных языков, я им внушал: рано или поздно эта страна, где говорят и пишут по-русски, не может не заинтересоваться своим наследием, судьбой тех, кто покинул Россию не по шкурным соображениям, а для того, чтобы, обретя свободу, продолжать творить во славу России».

Самое интересное, что во Франции Герра долгие годы встречали в штых. Там в 60-е годы господствовали левые настроения, авторитет Советского Союза был безмерен. Картины и архивы, которые собирал Герра, ничего не стоили. Ему часто говорили: «Вы занимаетесь культурой, которой нет!» Это достаточно трудно представить сегодня, когда по масштабам исследований культура русского зарубежья, похоже, перегнала изучение истории духовной жизни в советском обществе.

«Письма Бальмонта, например, мне подарил Дмитрий Бушен. Если бы я их не взял, они бы исчезли. Зачем кому-то чужие бумаги. Их часто сжигают, или просто выбрасывают, если нет определенного завещания... В те времена меня считали во Франции чуть ли не “барахольщиком”»: зачем он занимается, интересуется Зайцевым, Ремизовым, Шмелевым?..»

Даже по этим цитатам из интервью профессора Герра можно судить о его одержимости главным делом своей жизни. Хотя она была далеко не всегда простой.

В год ввода войск в Чехословакию стажер Сорбонны Ренэ Герра приехал в СССР. По рекомендации Бориса Константиновича Зайцева он был принят К.И. Чуковским и Ю.В. Трифоновым. С Чуковским Ренэ записал беседу о творчестве Зайцева. Правда, оказалось, что французский гражданин посещал какие-то «сомнительные» места. Тогда резко закрутили гайки, да еще незадолго до этого на даче Корнея Ивановича жил Солженицын. Кончилось все это печально – Герра выслали из СССР и 20 лет он не мог посетить страну, которой верно служил во Франции, где оставалась другая Россия.

В своем доме в Медоне Ренэ устраивал медонские вечера, где собирались уже упомянутые Одоевцева, Терапиано, знавший еще по Крыму Осипа Мандельштама, блистательный критик Георгий Адамович, Юрий Анненков. Герра на магнитофон записывал дивную, почти исчезнувшую русскую речь, звучавшую на этих собраниях. Тогда это казалось чудачеством, сегодня эти пленки бесценны. И, конечно, собирал и собирал свою коллекцию.

Сегодня, в постперестроечные годы, в Исси-Мулино и Ницце перебывало более тысячи гостей из России – историков, литературоведов, искусствоведов, дипломатов, актеров, писателей. Герра дал множество интервью, ему посвящены несколько десятков фильмов и телепередач. Он часто бывает в России, для ряда изданий предоставляет свои материалы. К примеру, редкий номер журнала «Русское искусство» обходится без воспроизведения шедевров из его коллекции. То же можно сказать и обо всех последних изданиях Анненкова. Но публикация принадлежащих Ренэ сокровищ без его ведома приводит его в ярость. И очень многие издатели хорошо это знают.

Вместе со своим братом Аленом Герра стал организатором франко-русского дома в курортном местечке Бер-Лез-Альп, где постоянно проходят выставки. Событием стала экспозиция «150 лет русского присутствия на Лазурном берегу» и множество других, предоставивших публике великолепную возможность ознакомиться с изумительными акварелями и графикой художника Сергея Голлербаха, ставшего сегодня символом русского Нью-Йорка.

Каждая выставка, организованная Ренэ Гера, вызывает живейший интерес. Экспозиции «Портреты изгнанников» и «Образы Пушкина», прошедшие десять лет назад во Франции, вспоминаются до сих пор.

Взаимоотношения Герра с современной Россией не всегда безоблачны. Он долго и безуспешно предлагал создать во Франции центр по изучению русского зарубежья на базе своей коллекции. А одно событие вообще вышло за все мыслимые рамки. В 1995 г. часть его коллекции, предназначенной для экспозиции в Инженерном корпусе Третьяковской галереи, исчезла в неизвестном направлении при пересечении границы. В числе пропавших работ, к примеру, был чудесный портрет Набокова работы Добужинского. Но даже

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

после этой истории он продолжал работать с официальными представителями нашего культурного ведомства.

Сегодня Ренэ Герра – одна из самых известных фигур в России и Франции. Пришла пора не только выразить огромную благодарность этому французу, ставшему послом русской культуры на своей родине, но и осознать, насколько полноценно и благодарно мы используем для нашей культуры подвиг человека, посвятившего свою жизнь спасению тысяч произведений искусства и литературы, созданных нашими соотечественниками на чужих берегах.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Е.И. Белова, Е.Е. Седова

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ (АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В БРЮССЕЛЕ)

Белова Елена Ивановна – кандидат исторических наук,
доцент Санкт-Петербургского университета финансов и экономики.

Седова Елена Евгеньевна – кандидат педагогических наук,
доцент Воронежского государственного педагогического университета.

В активно развивающемся в последнее десятилетие эмигрантоведении, изучение жизни и деятельности российского казачества в эмиграции составляет уже самостоятельное направление, о чем свидетельствует появление целого ряда публикаций по данной тематике.

В Королевском музее Армии и Военной истории в Брюсселе, содержащем материалы о российской эмиграции, имеется фонд «Объединенной казачьей станицы в Бельгии», который состоит из более чем 1700 документов*. Время его появления в музее и фондообразователь неизвестны. Основное содержание фонда составляют документы, относящиеся к деятельности «Объединенной казачьей станицы в Бельгии» за период 1926–1944 гг. Среди них протоколы общих собраний станичников, списки членов станицы и их семей, постановления правления станицы, а также различные служебные документы, отражающие разные аспекты деятельности станицы – заявления о приеме и выходе из станицы, просьбы об оказании материальной помощи и об устройстве на работу, финансовые документы. Большую часть фонда составляет переписка, прежде всего атаманов «Объединенной казачьей станицы в Бель-

* *Museu Roual de l'Armeu et de L'Hostoire. Archives de la Stanitsa des Cossagues resident en Belgique.*

гии» – А.Ф. Рафаловича, В.И. Иловайского и др. Среди писем и телеграмм есть послания от генерала Врангеля, баронессы М. Врангель, великих князей Николая Николаевича и Владимира Кирилловича, донского атамана А.П. Богаевского и других видных деятелей русской эмиграции. Документы, представленные в архиве, позволяют воссоздать историю существования казачьей станицы в Бельгии.

Результатом мощных международных и социальных конфликтов первой четверти XX в. стали миграционные процессы и рождение в 1920-е годы Русского зарубежья. По сведениям Лиги Наций, в 1924 г. в Бельгии насчитывалось 10 тыс. русских беженцев. Большинство из них были военные. Бельгийский король Альберт I (1909–1934) – «король-солдат», с уважением относился к русским военным – союзникам в Первой мировой войне. Русская эмиграция в Бельгии имела свои особенности. Она была достаточно однородна. Значительную ее часть составляли бывшие военные белой армии. В Бельгии в разные периоды жили лидеры русской, в первую очередь военной, эмиграции. В 1920–1922 гг. в Брюсселе нашел временный приют бывший главнокомандующий добровольческой армии, а затем Вооруженными силами Юга России генерал А.И. Деникин. В 1920-х годах в Брюсселе жил и скончался один из крупнейших деятелей белого движения барон П.Н. Врангель. В Бельгии 1 сентября 1924 г. бывшим Главнокомандующим Белой армией был основан Русский общевоинский союз (РОВС) – старейшая российская военная антибольшевистская организация, созданная для продолжения дела Белого движения. С 1937 г., после похищения генерала Миллера, центром РОВС, возглавляемого генералом Архангельским, становится Брюссель.

Важным было также то, что Бельгия долгое время не признавала Советское государство. Бельгийские власти продолжали сотрудничать с посланником уже не существующей Российской империи. И только в 1935 г. были установлены дипломатические отношения с СССР. Бельгия серьезно пострадала в годы Первой мировой войны и нуждалась в рабочих руках, особенно на шахтах, заводах и сельскохозяйственных работах. В начале 1920-х годов власти ослабили ограничения на въезд в страну. Беженцев принимали по старым российским паспортам. В 1928 г. Бельгия подписала межправительственное соглашение о юридическом статусе русских беженцев. В нем оговаривались личные права эмигрантов, в стране основывалось представительство Верховного комиссара Лиги Наций по делам русских беженцев, которое должно было выполнять для эмигрантов функции, лежащие обычно на консульствах.

Хотя бельгийское правительство и разрешило въезд русских беженцев, они не могли рассчитывать на широкую помощь властей. Равнодушие государственных органов к проблемам беженцев было компенсировано деятельностью многочисленных общественных организаций, поддерживавших русских эмигрантов. Некоторые из них патронировала королевская семья.

Королева Елизавета слыла русофилкой. С большой симпатией она относилась к выходцам из России, интересовалась их судьбами и долгие годы оказывала им помощь, поддерживала создание благотворительных комитетов в пользу русского зарубежья. Успешно действовали «Бельгийский комитет помощи гражданскому населению России», организация «Помощь бельгийских матерей русским матерям», «Бельгийский патронат русской университетской молодежи за границей» и многие другие.

Серьезную помощь русским беженцам оказывала католическая церковь. Особенно велика роль кардинала Мерсье в организации поддержки русских эмигрантов. Он помогал с получением виз, организовывал сбор денежных средств среди бельгийского населения и в церковных приходах для беженцев. Основанная кардиналом «Бельгийская помощь русским» финансировала обучение в Лувенском университете. В католическом университете в Лувене и епископальном колледже учащиеся не только могли обучаться бесплатно, но и бесплатно столовались, имели общежитие. Кардинал Мерсье одобрил и создание при студенческом общежитии постоянно действующей православной церкви. Многие из эмигрантской молодежи смогли получить высшее образование в Бельгии (в том числе в Брюссельском, Льежском, Гентском университетах).

В 1920-е годы в разных странах Европы, Азии и Америки в эмиграции оказались более 100 тыс. казаков. Особенно массовым был исход донцов (34 тыс.), кубанцев (более 20 тыс.) и забайкальцев (20–30 тыс. человек). Осенью 1921 г. бывший Донской атаман генерал П.Н. Краснов обратился к казакам-беженцам с призывом организовать станицы и хутора с названиями, соответствующими месту жительства. Казаки довольно живо отреагировали на это предложение, почувствовав, что возрождение их привычной административной организации облегчит борьбу за существование, позволит выжить в трудных условиях на чужбине, не растерять свою самобытность и традиции. К началу 1930-х годов только во Франции насчитывалось около 50 казачьих хуторов и станиц. Не менее десяти станиц и несколько казачьих групп было в Болгарии, восемь – в Югославии и т.д.

14 марта 1926 г. в Брюсселе в помещении Офицерского собрания казаки, проживающие в Бельгии, собрались на сход с целью создать свою станицу. Сход постановил: образовать «Объединенную казачью станицу в Бельгии» с центром в Брюсселе. Первым атаманом станицы был избран генерал А.Ф. Рафалович (1861–1932), бывший командир Таманского и Лабинского полков Кубанского казачьего войска. Вскоре был разработан Устав станицы, в соответствии с которым в общеказачью станицу могли быть приняты казаки, проживающие в Бельгии. Они должны подать заявление с указанием места жительства на родине и оставленного там недвижимого имущества. В дальнейшем при вступлении в станицу казак обязан был предоставить свой послужной список, рекомендацию двух станичников, уплатить вступитель-

ный взнос в размере двух франков и заплатить за удостоверение. Перевыборы атамана и правления происходили ежегодно на станичном сходе (сходе), хотя некоторые казаки считали такой порядок ошибочным, поскольку столь краткий срок полномочий не позволял эффективно вести работу. На общем сходе рассматривались заявления о принятии в станицу, а также заслушивался и утверждался годовой отчет о деятельности правления станицы. Первоначально в станицу вошли проживающие в Бельгии представители Кубанского, Донского и Терского казачества, Кубанский казачий хор, а также иногородние проживавшие в казачьих областях России до 1917 г. В 1926 г. в «Объединенной казачьей станице в Бельгии» насчитывался 81 человек. В качестве почетных казаков в Объединенную казачью станицу принимались и жители Бельгии, которые способствовали ее деятельности. К концу 1930-х годов часть казаков приняла бельгийское подданство, но сход сохранил за ними членство в станице. Станичники могли состоять и в других организациях, например «Офицерском союзе».

Исключить из членов станицы могли за неуплату членских взносов, либо по другим причинам. Например, подхорунжий Терентьев выбыл за «непредставление документальных данных о некомпromетирующих поводах высылки из Франции». К 1940 г. все члены станицы должны были заполнять «опросные листы», дубликаты которых передавались в Русский комитет в Бельгии. Не всех сход принимал в свою среду. Отказано было казакам, примкнувшим к младоросскому движению, «как ведущему вредную пропаганду и разлагающих организацию изнутри».

Атаманами станицы в разное время избирались А.Ф. Рафалович, И.П. Егоров, есаул Терского войска А.Н. Ливенцев, М.Н. Бородин, старшина Донского войска В.В. Кузнецов, войсковой старшина Голубов, инженер И.Г. Чумаков. Наибольший вклад в ее деятельность внес В.И. Иловайский (1879–1956) – генерал-майор, происходивший из дворян Войска Донского, казак станицы Старочеркасской, Черкасского округа, получивший образование в Донском кадетском корпусе и Новочеркасском казачьем юнкерском училище, участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн.

Казачья станица в Бельгии создавалась как организация неполитическая, и бельгийские власти благосклонно отнеслись к ее появлению. Как было указано на казачьем сходе в августе 1930 г., «ныне станица находится под защитой Бельгийских Королевских законов *Au Moniteur du 28 Juin 1930, № 779*; поэтому станичное правление считает долгом предупредить, что всякое общественное выступление, хотя бы и с благотворительной целью отдельных лиц и групп под казачьим именем, самовольно, – будет преследоваться правлением по законам».

Основная цель деятельности станицы – оказание моральной и материальной поддержки своим членам, а также всем лицам казачьего происхождения, ока-

завшимся в затруднительном положении и обратившимся к ней за помощью. Финансовые средства «Объединенной казачьей станицы» складывались из вступительных взносов, ежемесячных членских взносов (с 1935 г. – три франка в месяц, из них один франк шел на нужды Общеказачьего союза в Париже); и коммерческой деятельности, о которой будет сказано ниже.

Не менее важной задачей было сохранение казачьих обычаев и традиций. Правление станицы арендовало помещение, где казаки могли устраивать дружеские встречи, совместные обеды, праздничные вечеринки, «блины». Был создан и успешно выступал казачий хор, оркестр народных инструментов. Важным для станичников явилось сооружение хоругви. По обычаю предков, казаки, возвращаясь в родные края по окончании военной службы или войны, приносили в дар своим храмам знамена-хоругви, иконы, кресты и другие церковные украшения. Следуя древним заветам, станичники решили создать хоругвь-знамя как символ глубокой любви к Родине, верности ей и напоминания о жестоких годах изгнания. С благословения архиепископа Александра станичная казачья хоругвь была освящена и помещена в храм Св. Николая Чудотворца. Устраивались и войсковые праздники: станичники собирались в церкви, где после литургии служили панихиду при участии Кубанского хора «по всем офицерам и казакам всех казачьих войск за Веру, Царя и Отечество, живот свой положивших и в смуте погибших», а затем был дружеский обед.

В конце апреля 1926 г. казачью станицу посетил генерал Врангель и встретился с казаками в зале Офицерского собрания. Главным образом вспоминали боевое прошлое, павших героев. Казачья гордость не позволила станичникам роптать на нелегкую долю. Они стремились «бережно и терпеливо нести свой крест» на чужбине.

Первые годы станица существовала скромно и незаметно. Казаки, рассеянные по стране, подчас и не знали о ее существовании. Однако внутриэмигрантские распри, политические и национальные расхождения не могли не коснуться и Объединенной станицы. Избранный в начале 30-х годов новый атаман И.П. Егоров стремился добиться «перехода станицы в лагерь новоявленных ревнителей вольного казачества – “казакийцев”». Его деятельность была направлена на пропаганду среди казаков идеи вольной жизни самобытного казачества в пределах независимой «Казакии». Егоров и его сторонники внушали станичникам: «все-де несчастья казака произошли от того, что он пустил к себе в дом ленивого и ни к чему не способного паразита “русского”. Этот последний сумел подчинить себе казака и безжалостно сосать все его соки. А потому, если-де тебе, казак, надоел московский каблук, то сам должен освободиться от него и свою жизнь строить самостоятельно, руководствуясь старинными традициями казачества и здравым рассудком и уже после никого не пускать распоряжаться твоим, потом и кровью добытым, достоянием».

Идейным вдохновителем подобных взглядов была прежде всего Лига возрождения казачества, штаб-квартира которой находилась в Париже. Основными целями деятельности Лиги являлись: объединение всех казаков в идеологически однородное и политически активное целое; освобождение казачьих земель от большевистской власти; отдельное и независимое существование казачьих земель.

Политика «самостийности», проводимая Егоровым, расколола станицу. Часть казаков, как правило, малограмотных, а таких было немало, поддавалась проповедям атамана и его помощников. Тех же, кто не разделял подобные идеи, руководство станицы стало рассматривать как предателей «исторических интересов казачества», продавшихся «эксплуататорам – паразитам русским». Некоторые казаки подали заявления о выходе из станицы. В письме к генерал-майору Войска Донского В.И. Иловайскому от 3 августа 1930 г. первый атаман станицы генерал А.Ф. Рафалович объяснял, почему он не только не хочет более оставаться в списках станичников, но и присутствовать на совместных праздничных обедах. Он писал, что всегда отрицательно относился к играм в «казаки» – «не казаки». «Я сам не казак, – писал Рафалович, – но прослужил верой и правдой в Кубанском войске со дня выпуска в офицеры..., участвовал в трех войнах...» В марте 1926 г. он согласился возглавить станицу, чтобы «принести какую-нибудь пользу делу». После перевыборов станичники выразили ему «глубокую благодарность за плодотворную деятельность на пользу казачеству». Теперь же он без негодования не мог наблюдать, как руководство Обще казачьей станицы стремится очистить ее от «не казаков», осуществляет травлю руководителя 2-го Кубанского хора только потому, что он не казак. Вслед за Рафаловичем вышел из станицы и есаул А.Н. Ливенцев, человек уважаемый, в будущем один из атаманов станицы. Многие казаки приняли решение, что им «не по дороге со станицей», поскольку она искажает истинные идеалы и принципы казачьего дела. Переход станицы на позиции «самостийности», усиление политической, и даже антирусской направленности наносило непоправимый ущерб ее авторитету. Русская колония в Бельгии стала относиться к Объединенной казачьей станице явно недоброжелательно. Назревал раскол и внутри станицы.

На 7 мая 1933 г. был назначен экстренный станичный сбор «для выборов станичного атамана и решения неотложных дел». Приглашались все казаки, желающие войти в станицу. Сбор избрал нового атамана – А.Н. Ливенцева и новое правление, которое было утверждено Войсковым атаманом Богаевским. К моменту перевыборов часть казаков – «самостийцев», не пожелавших принять устав станицы, вышла из ее рядов. Они образовали свой хутор, и, выступая от лица всех казаков, проживающих в Бельгии, продолжали проповедовать идеи «независимой Казаккии».

Новый атаман станицы опубликовал открытое письмо, в котором призывал «во имя спасения многострадающей Родины России и родного нам казачества забыть все ...интриги и недоразумения последних дней. Соединиться в одну крепкую, сплоченную семью, не отталкивая никого, желающего нас поддержать». Ливенцев подчеркивал, что станица должна быть основана на принципе сотрудничества со всеми русскими организациями на территории Бельгии.

Казак, проживающий в Бельгии, откликнулся на призыв атамана. В Шарлеруа казаками был образован хутор, который присоединился к станице. Студенты-казаки Лувенского университета, не имея возможности основать хутор, вошли в Объединенную станицу индивидуально. Группа джигитов полковника Голубова приветствовала обновленную станицу. Усилия станичного правления по объединению казачества были одобрены казаками хутора в Льеже, согласившимся также влиться в станицу.

Эмигрантские круги в Бельгии с удовлетворением отмечали «возрождение казачьей станицы на принципе сотрудничества с прочими русскими организациями».

Отделившиеся «самостийцы» попробовали вернуться в станицу в 1942 г., однако на общем сходе единогласно было принято решение им отказать, ввиду их несогласия подчиняться уставу станицы и Войсковым атаманам.

Обновленное правление активизировало работу станицы, представило ряд проектов «для защиты казачьих интересов, как моральных, так и материальных». Одной из главных задач станицы являлось оказание «правовой и социальной помощи, в том числе и при тесном сотрудничестве с Офисом по делам русской эмиграции в Бельгии». Станица помогала казакам (не обязательно состоявшим в ней) в урегулировании их правового положения, часто опираясь на поддержку и других эмигрантских организаций. В ряде случаев правление станицы обращалось и к представителю Лиги Наций по беженским делам с просьбами о содействии по легализации положения того или иного казака. Казакам, прибывавшим нелегально из других стран (главным образом из Франции), станица выдавала удостоверения, облегчавшие получение вида на жительство.

Станица оказывала всемерную помощь своим членам и в трудоустройстве. Казаки трудились в самых разных сферах общественного производства: в сельском хозяйстве, на шахтах и рудниках, на строительстве железных и шоссейных дорог, на фабриках и заводах. Кроме рабочих, среди них было немало представителей научно-технической и творческой интеллигенции, инженеров, военных, врачей и учителей. В правлении станицы имелся список станичников с указанием их специальностей и вида работ, которые они могут выполнять.

По ходатайству станицы наниматели брали на работу казаков подчас без специальных разрешений властей, так как те трудились очень старательно и были невзыскательны. Казак В. Шевлякев писал своим однополчанам: «Мы

работаем по-старому. Хозяин к нам пока относится лучше, чем к бельгийцам, несколько человек рассчитал, но мы остаемся пока. Да, наверное, нас не рассчитает, одно что немножко плоховато кормит, а отношения лучше быть не могут». Найти работу, которая давала бы возможность для сносного существования, было очень трудно. Даже генерал А.Ф. Рафалович писал о себе: «На фабрике я работаю уже 4 года только 5 часов в день... за 170 фр. в неделю, но так как прожиточный минимум ровно в 21/2 раза больше, то я вынужден дорабатывать неограниченное число часов, чтобы свести концы. В погоне за дополнительным заработком я теряю много времени и энергии – часто попусту».

Станица имела кассу взаимопомощи, которая была создана прежде всего для того, чтобы поддерживать неимущих, больных, оставшихся без работы. В архиве станицы сохранилось много писем от казаков об их горькой доле на чужбине. Станица, как могла, помогала им, оплачивая медицинскую помощь, подыскивая приют, выдавая ссуды, пособия и т.д. Заботились и о погребении умерших, ухаживали за могилами одиноких казаков. Если не хватало денег в станичной кассе, то прибегали к подписным листам, чтобы «с честью и по-христиански отдать последний долг умершим».

Средства в станичную кассу поступали не только от вступительных и членских взносов, пожертвований, но и от устройства буфетов, различных вечеров, концертов, продажи журналов и книг, открыток на казачью тематику, фотографий, от аукционов во время войсковых праздников и устройства лотерей. Часть прибыли от гастрольно-концертной деятельности казачьих коллективов также шла на нужды станицы.

Станица сотрудничала с бельгийской благотворительной организацией «Пети риен», которая снабжала казаков углем, одеждой и другими вещами по низким ценам. Через бельгийский красный крест станица приобретала талоны на дешевые обеды. К праздникам детям казаков делались подарки, периодически устраивались концерты и танцевальные вечера с концертной программой в пользу больных и безработных казаков. На них выступал, как правило, станичный хор, оркестр, балалаечники.

Руководство станицы регулярно публиковало в русскоязычной печати материалы о жизни казачества в Бельгии и в других странах, а также приказы Войсковых атаманов. Была создана собственная библиотека и читальня, состоящая главным образом из литературы на казачью тематику. Выписывались все казачьи журналы, а также другие эмигрантские периодические издания, книги и брошюры. Частично библиотека сохранилась в архиве Объединенной казачьей станицы в Брюсселе. Готовилось издание своего журнала, однако начавшаяся Вторая мировая война разрушила эти планы.

Станица не жила изолированной, замкнутой жизнью. В архиве широко представлены документы, показывающие взаимосвязь «Объединенной казачьей станицы» с другими эмигрантскими организациями как в Бельгии, так и за

ее пределами. Документы отражают участие «Объединенной казачьей станицы» в общеэмигрантской деятельности – в подготовке к Русскому зарубежному съезду в Париже, в сборе пожертвований на различные нужды эмиграции (например, на проведение Общеказачьего съезда, на лечение донского атамана генерала А.П. Богаевского, на организацию дома-приюта для казаков-инвалидов и т.п.), в участии в различных благотворительных концертах, вечерах и т.д. Станица входила в Федерацию русских военно-морских и сухопутных организаций. Они проводили общие мероприятия. Молодежь станицы проходила военную подготовку в рядах врангелевской Русской стрелковой дружины в Брюсселе, совместно с другими эмигрантскими организациями участвовала в подготовке и проведении всех общерусских выступлений.

У правления станицы была установлена постоянная связь с Войсковым атаманом Войска Донского, который одновременно являлся председателем Общеказачьего съезда в Париже. Правление станицы неоднократно заявляло, что она находится вне политики, но не могло оставаться полностью независимым от общеэмигрантских политических действий. Так, например, средства, передаваемые из Брюсселя, Кубанский войсковой атаман направлял и на антибольшевистскую деятельность на родине, и на организацию школ «по изучению быта и устройства Красной армии».

К концу 1930-х годов большинство казаков, проживающих в Бельгии, были объединены в Объединенную станицу. Накануне войны, в связи со сложившимся международным положением, станица единогласно постановила послать делегатов к бельгийскому военному командованию с просьбой о принятии казаков в состав бельгийской армии.

Ожесточенная борьба Советской Армии с фашистскими войсками вызвала у части казаков сочувствие и уважение. В связи этим управляющий Русским комитетом в Бельгии Ю.Л. Войцеховский предупреждал казаков станицы «воздержаться впредь от замеченных в последнее время разговоров на тему политического положения в России в связи с текущим моментом, а также принять к сведению, что всякое выражение сочувствия большевикам, якобы творящим национальную политику, будет караться впредь арестом со всеми последствиями этого акта». Приписной к станице казак Судаков, не внявший данному предупреждению, распоряжением станичного правления был исключен из списков станичников.

С 1941 г. ввиду исключительных обстоятельств, вызванных военной оккупацией страны и невозможностью собрать станичный сход, атаман и станичное правление продолжали выполнять свои функции, принимая на себя всю ответственность, и необходимые решения, опираясь на основные законы Войска Донского.

В октябре 1942 г. правление станицы «ввиду назревших событий и необходимости устранения имевших место недоразумений и разногласий в ка-

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

защей среде в Бельгии» принимает важное политическое решение: «Казачья Обьединенной Обще-Казачьей станицы в Бельгии считают себя сынами одной Матери Великой России и полагают, что все вопросы, касающиеся внутреннего самоуправления краев – должны решаться у себя дома по возвращении на Родину».

В течение 1930–1940-х годов казачья станица в Европе постепенно прекращает свое существование в связи с событиями Второй мировой войны и уменьшением численности казаков, проживающих в данном населенном пункте. Последние материалы, хранящиеся в архиве Обьединенной казачьей станицы в Бельгии, датированы 1944 годом. Очевидно, она закончила свое существование во второй половине 1940-х годов.

И.В. Пуликова

ОТРАСЛЕВЫЕ КОРПОРАТИВНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ¹

Пуликова Инна Витальевна – научный сотрудник
Государственного института искусствознания.

Первые коллекции отраслевых корпоративных музеев (ОКМ) начали формироваться еще в XVIII в. Первоначально они представляли собой собрания образцов продукции, оборудования, наиболее значимых с точки зрения современников, но по мере накопления экспонатов становились музеями, рассказывающими о развитии предприятий.

Использование в названии этой группы музеев термина «отраслевые» позволяет отделять музеи компаний (корпораций), рассказывающие о деятельности компаний-владельцев, от корпоративных музеев иного характера (художественных коллекций и т.п.).

* * *

В развитых странах в XX – начале XXI в. наблюдается заметная активизация деятельности ОКМ. Этому в немалой степени способствовало крепнущее в обществе сознание того, что достижения науки и техники не менее важны для развития мировой цивилизации, чем произведения искусства, что они также являются частью общечеловеческого культурного наследия и должны сохраняться.

В качестве примеров старейших российских ОКМ можно назвать Музей оружия при Тульском оружейном заводе (с 1724 г., согласно Указу Петра I, на Тульском оружейном заводе стали собирать образцы оружия; созданная в

1. Статья написана на основании материалов доклада, прочитанного на I Российском экономическом конгрессе (тематическая конференция «Экономика культуры»), Москва, 7–12 декабря 2009 г.

1775 г., по распоряжению Екатерины II, Палата редкого и образцового оружия положила начало заводскому музею); Центральный музей железнодорожного транспорта, коллекция которого начала формироваться в 1813 г. в «особой зале» Института корпуса инженеров путей сообщения. В 1844 г. был открыт музей Петербургского фарфорового завода. К 1840 г. относится первое упоминание о Нижнетагильском музее, открытом по инициативе владельцев Нижнетагильских заводов – Демидовых. Коллекция демидовского «Музеума естественной истории и древностей» вошла в состав ныне действующего Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала. В 1872 г. директором телеграфного департамента Карлом Людерсом был основан Телеграфный музей, продолжающий работу в наши дни как Центральный музей связи имени Попова.

Изменение социально-экономической ситуации в России в конце XX в., смена формы собственности многих предприятий и организаций с государственной на частную, реформирование компаний повлекли за собой изменения в принадлежности ОКМ. Теперь их владельцами стали частные коммерческие структуры, что привело к изменениям в их статусе и деятельности.

Сегодня музеи становятся местом проведения торжественных мероприятий, церемоний награждения лучших работников, встреч с ветеранами предприятия. В них реализуются «адаптационные программы» для новых сотрудников компании и проекты по профориентации для учащихся профильных учебных заведений и младшего поколения сотрудников корпораций.

Руководители российских и зарубежных фирм-партнеров также регулярно посещают эти музеи, где можно провести полноценную презентацию продукции компании, осветить масштаб ее деятельности (в том числе и географической), подчеркнуть стабильность положения.

Музеи компаний, прямыми постоянными потребителями товаров и услуг которых являются самые широкие слои населения, открывают свои двери и для обычных посетителей «с улицы». Большой популярностью пользуются, например, железнодорожные музеи, особенно владеющие коллекциями натурной техники; музеи кондитерских фабрик, организующие посещение цехов по производству шоколада, конфет и т.д.

В 90-е годы XX в. и в первом десятилетии XXI в. заметно усилилась деятельность музеев, созданных еще в досоветской России и в СССР. Идет формирование и новых ОКМ. Это, в частности, музеи Московской межбанковской валютной биржи, ООО «Сургутгазпром», ОАО «Татнефть», ОАО «ЛУКОЙЛ» и пр.

Следует обратить внимание на объединение коллекций корпоративных музеев, которое имеет место при слиянии самостоятельных предприятий в единый холдинг. Так, в состав фондов Музея истории шоколада и какао во-

шли коллекции музея ОАО «Красный октябрь» (1994), музея ОАО «Кондитерский концерт “Бабаевский”» (1997) и музея ОАО «Рот Фронт» (2001).

В настоящее время складываются сети отраслевых корпоративных музеев. Например, музейная сеть ОАО «Северсталь» включает теперь шесть музеев и экспозиций, расположенных в Череповце, Воркуте, Костомукше. А сеть ОАО «НК “Роснефть”» насчитывает девять музеев. Это созданные в различные годы корпоративные музеи дочерних предприятий «Роснефти» в Ангарске, Комсомольске-на-Амуре, Краснодаре, Нефтеюганске, Новокуйбышевске, Самаре, Стрежевом, Туапсе, Южно-Сахалинске.

Музейная сеть ОАО «ЛУКОЙЛ» включает в себя уже свыше 20 музеев в Перми, Одессе, Архангельске, Ухте, Краснодаре и Урале и пр. Недавно открылись музеи компании в Санкт-Петербурге и Калининграде. Сеть корпоративных музеев ОАО «ЛУКОЙЛ» располагает выставочным залом «ЛУКОЙЛнефтехим Бургас» АО, представляющим собрание произведений графики, живописи и пластики. В Румынии работает музей SC Petrotel Luciol SA Ploesti (открыт в 2004 г.). Центральный музей ОАО «ЛУКОЙЛ» поддерживает постоянные связи с музеями нефтяной компании «Коноко-Филипс» (США) – крупнейшего зарубежного акционера и стратегического партнера ОАО «ЛУКОЙЛ».

Сеть корпоративных музеев ОАО «РЖД» (около 260 музеев различного уровня и оснащенности) охватывает практически всю территорию России. В настоящее время своими музеями располагают все дороги – филиалы ОАО «РЖД».

В Санкт-Петербурге функционируют три крупных железнодорожных музея – Центральный музей железнодорожного транспорта, Центральный музей Октябрьской железной дороги и Музей железнодорожной техники им. В.В. Чубарова на Варшавском вокзале, который является филиалом Центрального музея Октябрьской железной дороги.

В Москве кроме музея железнодорожной техники на Рижском вокзале находится Музей истории Московской железной дороги.

Площадки железнодорожной натурной техники имеются в музеях Москвы, Калининграда, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Челябинска. Натурная техника в них представлена паровозами, вагонами, экспозиционными путями.

Исходя из сугубо практических соображений российские компании стали теперь уделять больше внимания деятельности собственных музеев в целях воспитания и удержания на предприятиях квалифицированных кадров. Работающие в различных регионах страны музеи могут вносить свой вклад и в решение более широких задач региональной и общегосударственной социокультурной политики, сложность которой во многом

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

обусловлена необходимостью «скреплять» огромные, зачастую малонаселенные территории России.

Музеи и предприятия организаций, рассказывающие об истории развития конкретных предприятий, сохраняют свидетельства того, как развитие научной мысли и технологических программ меняют жизнь целых регионов страны. Однако в настоящее время российские корпоративные музеи сталкиваются с проблемами, которые тормозят их полноценную работу. К ним можно отнести следующие:

- изолированность этих музеев от государства и широкой музейной общественности;
- отсутствие соответствующего музейного законодательства;
- незащищенность коллекции музеев от уничтожения и «распыления» в случае утраты интереса к ним со стороны владельцев;
- отсутствие налогового законодательства, стимулирующего деятельность музеев.

В соответствии с перечисленными проблемами можно говорить и о задачах по развитию ОКМ в России. Это прежде всего:

- включение их статуса в российское музейное законодательство;
- разработка общегосударственной программы поддержки этой группы музеев:
- оказание квалифицированной методической и практической помощи их персоналу со стороны музейного сообщества;
- разработка механизмов защиты коллекций и их включение в музейный фонд РФ (в случаях, если руководство компании-собственника не сочтет нужным тратить средства на поддержание деятельности музеев);
- интеграция российских музеев в международное сообщество корпоративных музеев.

Следует отметить, что в 2008 и 2009 гг. в Милане проходили Европейские форумы корпоративных музеев, в 2009 г. в форуме принимал участие и российский комитет Международного совета музеев.

В заключение стоит остановиться на проблеме налоговой политики в отношении ОКМ. Как уже говорилось, они являются структурными подразделениями частных компаний и полностью финансируются за их счет. Несмотря на то, что корпоративные музеи фактически решают производственные задачи (профориентация, реклама, PR, укрепление внутрикорпоративных коммуникаций), налоговые органы обладают правом оспорить обоснованность расходов, связанных с их содержанием, при расчете налога на прибыль и вычетов по налогу на добавленную стоимость по этим расходам.

Такая ситуация вынуждает многие компании ограничивать расходы и искать возможности для снижения налоговой нагрузки. Например, они зачастую включают сотрудников музея в штат подразделений, занимающихся со-

циальными вопросами, либо в состав PR-служб, рекламных отделов и т.д. Если предприятие, например, захочет провести оцифровку музейных архивов или приобрести для музея новое оборудование, то с большой вероятностью эти расходы должны будут произведены за счет чистой прибыли.

Внесение в налоговое законодательство изменений, позволяющих уменьшить величину налога на прибыль и использовать вычеты при расчете налога на добавленную стоимость, повысит заинтересованность компаний в увеличении финансирования собственных корпоративных музеев и в более активном их развитии.

В.С. Блюменкранц

РИГА: «ДИАЛОГ ВСЕХ СО ВСЕМИ»

Блюменкранц Валерий Семенович – член Латвийского общества русской культуры.

Слова, вынесенные в заголовок статьи, принадлежат Юрию Ивановичу Абызову – одному из основателей Латвийского общества русской культуры (ЛОРК), 20 лет со дня создания которого отмечалось в 2009 г. 3 февраля 1989 г., в разгар очередных событий по обновлению мира, рижская газета «Советская молодежь» опубликовала обращение инициативной группы, где провозглашалось: «Общество открыто для всех друзей русской культуры, русского языка, независимо от национальной принадлежности, социального положения, участия в других обществах. Важнейшая цель будущего общества – развитие связей между русской и латышской культурами».

Начальный этап деятельности Общества характеризовался стремлением к объединению людей и народов в процессе культурного взаимодействия. Правда, резкий рывок в этом направлении довольно скоро несколько замедлился. Затем происходил поиск друзей и союзников в истории русской культуры в Прибалтике. Этот этап в большой степени связан с исследовательской и издательской программой ЛОРКа, когда из печати вышли сборники «От Лифляндии к Латвии. Прибалтика русскими глазами». Т. 1–2 (в них содержатся посвященные Латвии статьи и очерки преимущественно из периодической печати 1870–1930-х годов); «Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике» (издание основано ЛОРКом совместно с аналогичными обществами Литвы и Эстонии; к сегодняшнему дню в этой серии вышло 11 книг); «Не стыдно и оглянуться...» Выступления. Интервью. Статьи. Документы». В сборнике публикуются материалы, отражающие историю создания и деятельность Латвийского общества русской культуры за десятилетие со дня его основания; «Русский фольклор в Латвии: Частушки. Собрание И.Д. Фридриха»; «"Ruthenia" в Риге и на чужбине» (книга посвящена созданной в Риге в

1929 г. русской студенческой корпорации); роман Ирины Сабуровой «Корабли старого города», обращенный к жизни «русской Риги» между войнами. Были изданы библиографические пособия, посвященные известным в русской эмиграции рижским периодическим изданиям: «Газета “Сегодня” 1919–1940». Т. 1–2; «Газета “Слово”» 1925–1929. С 1990 по 2001 г. в Латвии на русском языке было издано около 3 тыс. книг. Публикации гуманитарного профиля за этот период отчасти отражены в библиографическом указателе «Русская книга Латвии 1990–2001». Давние связи у ЛОРКа со Стэнфордским университетом (США), где еще на «заре перестройки» был издан подготовленный в Риге четырехтомный биобиблиографический справочник «Русское печатное слово в Латвии». Несколько лет назад в том же Стэнфорде вышли в свет два тома «Балтийско-русского сборника».

Все эти издания в той или иной степени связаны с именем Юрия Ивановича Абызова – историка литературы, критика, переводчика, библиографа. Юрий Иванович ушел от нас несколько лет назад, накануне своего 85-летия. С его уходом завершился активный издательский этап ЛОРКа.

Общество много лет сотрудничало с издательством «YMCA-Press». В свое время Ю.И. Абызов встречался в Риге с Н.А. Струве, директором «YMCA-Press». Посредничество этого издательства помогло нам безвозмездно получить из Парижа много ценных книг. В Москве наряду с издательством «Русский путь» в 1995 г. была создана библиотека-фонд «Русское зарубежье». Стараниями члена правления ЛОРКа А.Т. Ракитянского были налажены связи Общества с Домом русского зарубежья, сохраняющиеся и поныне.

«Русский путь» проводил во время книжной выставки в Риге два «круглых стола». Первый из них был посвящен вышедшей два года назад в Москве книге Ю.И. Абызова «А издавалось это в Риге (1918–1944)», что явилось еще одним свидетельством авторитета и заслуг Ю.И. Абызова в исследовании, говоря его словами, «русского культурного пространства Латвии в период, ограниченный двумя мировыми войнами». Для того чтобы показать, насколько актуален этот библиографический свод сегодня, и не только в Латвии, процитирую фрагмент помещенной в этой книге статьи рижского журналиста и историка 1920-х годов Н. Бережанского. В ней говорится о взаимодействии русской и латышской культур: «Последствия этого явления большого положительного значения скажутся и на всей дальнейшей исторической судьбе двух народов, путем практического опыта познавших истину... Государство только тогда сильно, когда оно замирено внутри и борьба уступила место сотрудничеству».

Второй «круглый стол» был связан с именем А.И. Солженицына и с проблемами русской эмиграции. Об этом Александр Исаевич много размышлял, писал, в частности, в очерках «Угодило зернышко промеж двух жерновов»,

которые печатались десять лет тому назад в «Новом мире». Номера этого журнала вместе с книгами А.И. Солженицына составили выставку в нашей библиотеке в память об ушедшем от нас выдающемся человеке, воплотившем в себе целую эпоху. Экземпляра журнала «Новый мир», где после долгих мытарств был напечатан рассказ Александра Исаевича «Один день Ивана Денисовича», у нас в библиотеке, к сожалению, нет, но зато есть шесть компакт-дисков, подаренных нам Русской службой Би-Би-Си, позволяющих слушать Солженицына, который читает этот рассказ в нашем читальном зале.

В конце прошлого года материалы стендов библиотеки, рассказывающие о творческой биографии Юрия Ивановича и построенные на основе семейного архива, стихов Давида Самойлова и переписки старых друзей, стали предметом внимания участников Международной конференции, посвященной мемуарам первой эмиграции. Там же в Москве в Доме русского зарубежья представители нашего Общества Б.А. Равдин, А.Т. Ракитянский и автор этих строк провели вечер памяти Ю.И. Абызова и устроили презентацию Латвийского общества русской культуры.

Сегодня библиотека не пополняется новыми книгами из-за отсутствия финансовых средств и тем не менее... В прошлом году ЛОРК получил в подарок от Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» более 100 книг. На полки библиотеки ЛОРКа книги перекочевали прямо со стендов книжной выставки, что проходила в Риге. Это художественная литература, мемуары, исследования, тесно связанные с культурологической тематикой нашей библиотеки.

В прошлом году мы получили в дар более 50 книг, выпущенных в свет издательствами «Наука» и «Флинт» – учебные, методические, энциклопедические материалы, справочная литература по русской литературе, истории, культуре. Эти книги к нам поступают из Москвы в рамках программы помощи соотечественникам. По этой же программе ЛОРК получил около 20 томов русской классики в серии «Библиотека школьника» московского издательства «Астрель».

А.Т. Ракитянский благодаря своим связям с Ассоциацией книголюбов России обеспечил поступление в ЛОРК книг из серии «Новая библиотека русской классики. Обязательный экземпляр». Книги этой серии в прекрасном полиграфическом оформлении издает и распространяет фонд первого Президента Российской Федерации Б. Ельцина.

«Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Книжное обозрение», «Вопросы литературы», «Вопросы философии» – таков перечень периодических изданий, которыми отчасти снабжает библиотеку в этом году Посольство России в Латвии. Нынешний председатель нашего Общества Е.В. Матякубова установила с ним тесные контакты.

В 1993 г., выступая в институте Гёте, Ю.И. Абызов, назвал наше Общество русским клубом, функционирующим на базе большой культурологиче-

ской библиотеки. Последние два года мы старались, чтобы у нас чувствовалась клубная атмосфера, велась клубная работа. В этом нам помогли и спонсоры – у нас зазвучал рояль, работает музыкальный центр. Можно выбрать из большой фонотеки виниловых пластинок интересующую читателя мелодию, исполнителя, композитора. Эту коллекцию семья Ю.И. Абызова подарила вместе с аппаратурой нашей библиотеке. Бывший председатель общества собирал ее всю жизнь.

Из последних мероприятий стоит выделить те, на которые мы приглашали молодежь. Так, Елена Ермолаева преподаватель Пушкинского лицея проводила у нас вечер «Легко ли быть молодым автором?» А спустя месяц библиотека ЛОРКа собрала детей и взрослых за чаем, где обсуждался вопрос: что читаем мы сегодня и что читали наши бабушки и дедушки. Веселую беседу провела Наталия Кажа, руководитель билингвального центра Пурвциемской гимназии. Она придумала и название: «От Мойдодыра до Гарри Поттера». Были организованы выставки и встречи, посвященные творчеству Окуджавы, Высоцкого, Любимова...

Все перечисленное дает некоторое представление о том, как живет русский клуб при культурологической библиотеке.

«Взяв себе название Общества русской культуры, мы помним, что основой каждой культуры является диалог – всех со всеми, личности с личностью, народа с народом, культуры с культурой...» Этих слов Ю.И. Абызова мы никогда не забываем.

Если выделить главную проблему в работе Общества, то таковой чаще всего называют финансирование или недостаточное внимание со стороны властей. Опыт работы с Ю.И. Абызовым научил нас, что финансовые проблемы в самых сложных условиях тоже могут иметь решение. В последние годы опорой для нашего (и не только для нашего) Общества служил секретариат министра по особым поручениям по делам общественной интеграции. К сожалению, в условиях повсеместно распространившегося финансового кризиса этот секретариат ликвидирован.

Положение создалось непростое, но главная беда, на наш взгляд, не в этом. Говоря словами А.И. Солженицына «как всегда в русском деле: нет людей». Нужны люди, нужны идеи. Вот проблемы, без решения которых трудно представить себе дальнейшую жизнь Латвийского общества русской культуры.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

И.Ю. Жилина, М.А. Положихина

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Жилина Ирина Юрьевна – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Положихина Мария Анатольевна – кандидат географических наук,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Коррупция ныне превратилась в проблему национальной безопасности России, в одно из главных препятствий для развития страны (см. напр.: 1; 2; 3; 16). Однако сегодня рассуждения о проблемах борьбы с коррупцией стали общим местом, «своеобразным исполнением светского ритуала. К столь печальному выводу... приводит удручающее соотношение агитационных, пропагандистских усилий власти, направленных на противодействие коррупции, и реальных результатов этой деятельности» (4, с. 3). Поэтому кратко остановимся на перспективных направлениях борьбы с этим явлением.

Стратегия борьбы с коррупцией

Коррупция в современном понимании¹ связана с возникновением государства и необходимостью распределять ограниченные ресурсы. С этой точки зрения коррупция неотделима от государства и не может быть искоренена полностью. «Коррупция, – отмечает известный финский специалист, профессор С. Тиixonен, – это болезнь государственной власти и показатель плохого управления. Она подрывает принцип верховенства закона и ослабляет инсти-

1. До сих пор не существует сколько-нибудь удовлетворительного, с точки зрения большинства исследователей, определения коррупции как социального явления. Обычно под коррупцией понимается злоупотребление должностным положением в целях личного обогащения.

туциональные основы политической стабильности, социальное единство и затрудняет экономическое развитие» (12).

Со второй половины XX в. коррупция все больше становится международной проблемой. По мнению некоторых авторов, это результат либерализации мировой экономики. «Самым мощным на сегодня источником коррупции внутри социума является капитализация властного административного ресурса, т.е. превращение власти в товар» (4, с. 9).

Мировое сообщество выработало множество форм и методов борьбы с коррупцией, принципы которой нашли отражение в принятой в 2003 г. ООН «Конвенции против коррупции»². В ней подчеркивается, что необходимо создание специализированных государственных органов по борьбе с коррупцией (ст. 6, 36); организация подбора кадров в аппарат государства (ст. 7); принятие кодексов поведения для служащих и иных должностных лиц (ст. 8); обеспечение прозрачности и конкуренции при осуществлении государственных закупок и подрядов (ст. 9); привлечение гражданского общества к борьбе с коррупцией, в первую очередь – через доступ к информации о деятельности государственных органов (ст. 13). Борьба с коррупцией в Конвенции связывается и с принятием мер уголовной ответственности за отмывание денег, полученных в результате коррупции (ст. 14, 24), за сокрытие имущества, заведомо полученного вследствие коррупционного акта (ст. 25) (6).

Российские исследователи С.А. Пархоменко и К.И. Головинский разделяют все многообразие антикоррупционных стратегий на три вида: системная стратегия устранения причин, стратегия войны и стратегия сознательной пассивности. На практике антикоррупционная деятельность чаще всего представляет собой сочетание этих стратегий. Однако в любом случае доминирует то или иное начало (15, с. 1–2).

Стратегия устранения причин коррупции включает в себя меры институционального характера (укрепление независимой и эффективной судебной власти, расширение сферы парламентского контроля, обеспечение независимости правоохранительных органов); меры, направленные на повышение политической ответственности (политическая конкуренция, прозрачность в финансировании партий) (расширение возможностей гражданского общества, свобода информации, усиление роли СМИ); формирование конкурентного частного сектора и др.

Стратегия войны состоит в борьбе с внешними проявлениями коррупции (случаями дачи взяток конкретным чиновникам), в применении репрессивных мер к конкретным коррупционерам.

2. Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 г. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/convents/corruption.html>. Россия ратифицировала эту конвенцию в феврале 2006 г.

В основе стратегии сознательной пассивности лежит отказ от активных действий по борьбе с коррупцией. Сторонники этой стратегии исходят из того, что только «рынок может решить все проблемы». Коррупция, свойственная тоталитарным режимам, по их мнению, – это временное явление, которое исчезнет вместе с превращением государства в либеральную демократию с рыночной экономикой. Несмотря на кажущуюся простоту и беззатратность, стратегия сознательной пассивности, по мнению авторов, порождает целый комплекс проблем и осложнений. Кроме того, она не рассчитана на долгосрочную перспективу: чем дольше она действует, тем выше вероятность негативного результата.

Стратегия войны также не может быть долгосрочной, поскольку имеет тенденцию качественно изменять коррупцию, «вытесняя» ее из привычных сфер и форм в новые, более изощренные и скрытые. В результате обостряется проблема латентности коррупционных преступлений, образуются устойчивые коррупционные сети.

Наиболее высоким положительным потенциалом, считают авторы, обладает стратегия системного устранения причин коррупции.

Эти выводы подтверждаются практикой. Стратегия войны, периодически используемая Китаем (показательные расстрелы провинциальных чиновников стали «обычным делом»), при кажущейся эффективности не приводит к существенному снижению коррупции. По данным международной организации Transparency International (ТИ), ежегодно рассчитывающей страновые индексы восприятия коррупции (ИВК), в 2000-е годы ИВК Китая колебался на уровне 3,6–3,4 балла из десяти возможных (22). Что касается стратегии сознательной пассивности (которой, в силу ряда причин, в частности дефицита бюджетных средств, руководствовалась Россия в течение почти 20 лет), то россияне имели возможность сполна оценить ее «действенность».

В то же время опыт таких стран, как Сингапур, Финляндия, Нидерланды, Канада, по рейтингу ТИ стабильно входящих в десятку наименее коррумпированных, доказывает, что именно стратегия системного устранения причин коррупции дает наиболее ощутимые результаты.

Сингапур. Стратегия борьбы с коррупцией в Сингапуре отличается системностью и последовательностью. К моменту обретения независимости в 1965 г. Сингапур был страной с высоким уровнем коррупции. В 2000-е годы он входил в первую пятерку наименее коррумпированных стран с ИВК – 9,3–9,2 балла. В 2009 г. занимал третье место в рейтинге ТИ (ИВК – 9,2) (там же).

Главная идея антикоррупционной политики Сингапура заключается в стремлении исключить или минимизировать условия, создающие стимул и возможность совершения личностью коррупционных действий. Это достигается за счет ряда антикоррупционных мер: привязке оплаты труда государственных служащих к средней заработной плате успешно работающих в частном

секторе лиц; строгим мерам по отношению к взяточдателям и взякополучателям, контроле ежегодной отчетности государственных должностных лиц об их имуществе, активах и долгах; обеспечением режима конфиденциальности для информаторов, сообщающих о случаях коррупции; ротации чиновников, неожиданным проверкам «по методу случайных чисел»; ликвидации излишних административных барьеров для развития экономики; мониторинга, анализа и пересмотра антикоррупционных мер каждые три-пять лет.

В стране постоянно действует специализированный орган – Бюро по расследованию случаев коррупции. Оно проверяет случаи злоупотреблений среди государственных чиновников и сообщает о них соответствующим органам для принятия дисциплинарных мер. Оно также изучает методы работы потенциально подверженных коррупции государственных органов для обнаружения возможных дефектов в системе управления. Если выясняется, что они могут привести к коррупции и злоупотреблениям, Бюро рекомендует главам этих ведомств принять соответствующие меры.

По данным ТІ, в 2007 г. 88%, а в 2009 г. 96% опрошенных положительно оценивали деятельность правительства по борьбе с коррупцией (20, с. 27; 21, 33).

Нидерланды. Система борьбы с коррупцией в Нидерландах включает ряд процедурных и институциональных мер:

1. Мониторинг возможных точек возникновения коррупционных действий в государственных и общественных организациях, строгий контроль за деятельностью лиц, находящихся в этих точках, а также систему подбора работников на должности, потенциально опасные с точки зрения коррупции.

2. Систему наказаний за коррупционные действия. При этом основной мерой является запрещение работать в государственных организациях и потеря всех социальных льгот, которые предоставляет государственная служба.

3. Систему поощрений, направленную на то, чтобы должностным лицам и морально, и материально выгодно было быть честными.

4. Систему антикоррупционных органов типа специальной полиции, обладающей значительными полномочиями по выявлению случаев коррупции.

Результатом является шестое место в рейтинге ТІ в 2009 г., практически полное отсутствие низовой³ коррупции (в 2009 г. лишь 1% опрошенных заявили о том, что в течение года давали взятки), 60% опрошенных считают действия правительства по борьбе с коррупцией эффективными.

3. Низовой коррупцией считается коррупция, распространенная на среднем и низшем уровнях органов власти и управления и связанная с постоянным взаимодействием чиновников и граждан (случаи регистрации, штрафов, лицензирования, различных разрешений, выдачи справок и т.п.).

Финляндия. В 2009 г. Финляндия так же как и Нидерланды, занимала шестое место в рейтинге коррупции TI. Уровень низовой коррупции составлял в 2007–2009 гг. всего 2% (20, с. 24; 21, с. 32).

За взяточничество чиновников Уголовный кодекс Финляндии предусматривает наказание от штрафа до тюремного заключения до четырех лет, в зависимости от серьезности правонарушения.

Контроль за соблюдением антикоррупционных норм и принятие мер в случае их нарушения осуществляют традиционные судебные и правоохранительные органы. В стране ежегодно рассматривается три-четыре дела по обвинению во взяточничестве и столько же – во взяточдательстве. Пик дел о взятках пришелся на первое послевоенное десятилетие и на 1980-е годы, когда страна вступила в полосу экономического кризиса. Если в 1945–1954 гг. были осуждены за получение взяток 549 лиц, то в 1980–1989 гг. таких приговоров было вынесено 81, а в 1990-х годах всего 38 (7).

Существенную роль в борьбе с коррупцией играют канцлер юстиции и омбудсмен парламента (уполномоченный по конституционным и другим правам человека), которые назначаются президентом республики, но полностью независимы (в том числе и друг от друга) в своей деятельности и обладают всеми инструментами и правами, необходимыми для проведения расследований и принятия мер. Канцлер юстиции, как и омбудсмен, осуществляет контроль за деятельностью всех ветвей и уровней государственной власти (за исключением депутатов парламента). Для рассмотрения обвинений против особой категории высших должностных лиц (членов правительства, канцлера юстиции, омбудсмена парламента, членов Верховного или Административного суда) существует специальный институт – Государственный суд. Он может также рассматривать обвинения против президента страны. Государственный суд возглавляет президент Верховного суда, в него входят председатели административного суда, надворного суда и пять депутатов парламента, избираемых самим парламентом. Фактически это «суд импичмента», который может принимать решения об отстранении от должности лиц указанной категории. За послевоенную историю Финляндии Государственный суд созывался только один раз.

Случаи коррупции становятся широко известны благодаря СМИ, которые играют в Финляндии роль эффективного инструмента гражданского контроля. Власти страны, как правило, реагируют на их выступления. Хотя не существует специфической «финской модели» борьбы с коррупцией, Финляндии удалось сформировать условия, которые не создают питательной почвы для коррупции и минимизируют это явление (там же).

Канада. В 2009 г. Канада занимала восьмое место в рейтинге TI с ИВК 8,7 балла. Меры против парламентской коррупции определяются нормами

уголовного и конституционного права. Они распространяются на всех членов обеих палат парламента, а также на правительство.

Уголовный кодекс Канады приравнивает наиболее откровенную форму парламентской коррупции – взяточничество – к нарушению конституции и акту государственной измены. Уголовному наказанию подлежит как получившее взятку лицо, так и давшее ее. Парламентария в этом случае грозит тюремное заключение сроком до 14 лет, причем он автоматически лишается депутатского мандата со дня признания его виновным в суде. Рядовые парламентарии официально сохраняют право владеть и распоряжаться ценными бумагами, занимать посты в корпорациях, но при соблюдении целого ряда регламентирующих условий. Все депутаты обязаны ежегодно сообщать в письменном виде подробные данные о компаниях, в которых они являются директорами, менеджерами или служащими, а также о корпорациях или фондах, ценными бумагами которых они владеют. Участвовать в деятельности корпораций, имеющих контракты с правительством Канады, разрешается лишь лицам, впервые избранным в парламент, и то при условии, что стоимость работ по таким контрактам не превышает 1 тыс. долл. ежегодно. Депутаты, заседающие в парламенте в течение двух и более сроков, не вправе иметь в какой-либо форме отношение к выполнению правительственных контрактов. Нарушение установленных норм наказывается штрафом до 10 тыс. долл. Кроме того, депутат, получивший в обход закона прибыль от выполнения правительственного контракта, в 30-дневный срок обязан вернуть в казну сумму, равную полученной прибыли, отказаться от дальнейшего участия в контракте и выйти из правления корпорации. В противном случае он немедленно лишается места в парламенте.

Еще более строгие ограничения существуют для членов правительства. Все лица, назначаемые в его состав, должны немедленно выйти из директоратов корпораций и руководящих органов всех общественных организаций. Тем самым эти положения запрещают слияние правительства и бизнеса. Ряд правовых норм, направленных на предупреждение коррупции и на ограничение свободы парламентариев в отношениях с деловыми кругами и другими группами давления, содержится и в Акте о выборах.

Актом установлены предельно допустимые нормы расходов кандидатов в парламент во время избирательных кампаний. Предусматривается также подробная и обязательная отчетность как кандидатов, так и их партий перед Национальным избирательным ведомством. Кандидаты и партии, не подавшие отчетов в шестимесячный срок после выборов, автоматически, без судебного разбирательства лишаются всех государственных выплат, а кандидаты, кроме того, и права в дальнейшем баллотироваться в парламент. За нарушение других статей Акта о выборах, например за превышение установленного законодательством потолка расходов, сбор денег и за ведение финансовой докумен-

тации самим кандидатом, а не его специальным агентом, предусматривается штраф до 25 тыс. долл., или тюремное заключение сроком до 5 лет (9).

Новые средства антикоррупционной деятельности.

Основной мировой тенденцией, наметившейся в области борьбы с коррупцией, является постепенная компьютеризация всех процессов, в которых может возникнуть риск взяточничества, особенно сферы госзакупок, в наибольшей степени подверженной коррупции во всех странах. Риск взяточничества возникает на всех стадиях этого процесса, начиная с планирования и бюджетирования, проведения аукционов и заканчивая реализацией контрактов и осуществлением платежей.

Одной из первых в Европе программу «электронных госзакупок» начала активно внедрять Португалия. Сейчас на национальном портале представлены сведения обо всех стадиях процесса закупок и заключения контрактов на государственном уровне в режиме онлайн. Любой желающий может бесплатно ознакомиться со всей сопутствующей документацией и подробностями сделок. С начала реализации этой программы поступления в госбюджет существенно увеличились.

В Норвегии, Великобритании и многих других странах Европы и мира вся документация, связанная с госзакупками и расходованием бюджетных средств, является общедоступной и публикуется в Интернете и печатных СМИ. Во Франции сведения о заключенных контрактах и проведенных сделках размещаются в различных по статусу изданиях – в зависимости от суммы сделки. Контракты, сумма которых выше уровня, установленного общеевропейскими директивами, публикуются в официальном журнале Евросоюза; контракты на сумму выше 90 тыс. евро, но меньше уровня ЕС – в официальной газете Французской республики; более мелкие сделки освещаются в специализированных журналах, региональных бюллетенях и других общедоступных СМИ.

Помимо сферы госзакупок еще одной зоной риска, порождающей взяточничество, является использование родственных и дружеских связей при устройстве на работу в госструктуры. Неопределенные критерии и практически закрытая информация о вакансиях затрудняют поиск перспективных кандидатов. Вместе с тем, по мнению представителей антикоррупционных институтов, прозрачность и открытость найма на госслужбу являются необходимыми условиями для того, чтобы она стала честной, компетентной и независимой. В таких странах, как Южная Корея, Сингапур и Гонконг все более весомую нишу в рекрутинговой деятельности начинает занимать Интернет.

Для достижения большей открытости и прозрачности государственного управления во всех областях все шире используется так называемое «электронное правительство». Онлайн-овые транзакции деперсонализируют предоставление услуг и практически не оставляют возможностей для передачи взяток

или подарка. Использование компьютеров стандартизирует все правила и процедуры, делая их максимально четкими. Кроме того, компьютеризированные услуги позволяют управлять решениями и действиями на расстоянии (8).

Ярким примером «культуры прозрачности» является Южная Корея. В Сеуле с 1999 г. действует программа «OPEN» – онлайн-система контроля за рассмотрением заявлений граждан чиновниками городской администрации. Свободный доступ к информации о состоянии дела исключает необходимость личных контактов с чиновниками или возможность предложить им взятку. Таким образом, программа «OPEN» выполняет свою основную задачу – предупреждение коррупционных деяний и поддержание доверия граждан к городской администрации.

Интересен опыт Эстонии – лидера по борьбе с коррупцией на постсоветском пространстве. Она занимает 27-е место в рейтинге TI (ИВК – 6,6 балла) и опережает такие страны, как Испания, Израиль, Португалия. Сосредоточив усилия на сплошной компьютеризации образования и быта граждан, Эстония в конечном итоге сумела с помощью электронных информационных систем обеспечить доступ каждому жителю страны к информации о деятельности государственных органов, снять бюрократические препоны и упростить общение граждан и государства (14).

Все большее значение в мире придается этическому воспитанию и образованию сотрудников госструктур. В Китае подчеркивают ключевую роль образования в профилактике коррупции как долгосрочной стратегической цели. В Испании Совет министров одобрил Кодекс правильного руководства для членов правительства и других высокопоставленных чиновников, в котором декларируются основополагающие ценности государственной службы. Итальянская компания «Consip», отвечающая за информационное обеспечение электронной системы закупок для Министерства экономики и финансов, разработала Кодекс этики, устанавливающий стандарты поведения для всех участников, вступающих во взаимодействие в этой сфере (9).

Таким образом, условие эффективной борьбы с коррупцией – совместные усилия власти и институтов гражданского общества – парламента, независимых судей, СМИ, партий, профсоюзов, органов местного самоуправления.

Оценки коррупции в России

В 2007 г. Россия занимала в рейтинге TI 143-е место из 180 стран с ИВК 2,3 балла. В 2008 г. она опустилась на 147-е место с ИВК 2,1 балла (что аналогично 2000 г., хотя тогда страна находилась на 82-м месте). В 2009 г. Россия переместилась на 146-е место (ИВК – 2,2 балла). Самый высокий рейтинг в 1996–2009 гг. Россией был достигнут в 2004 г. (2,8), относительно

высокие рейтинги зафиксированы также в 2002–2003 гг. и в 1996 г. (2,7 и 2,58 баллов соответственно) (22).

Однако очевидно, что колебания ИВК за указанный период незначительны, т.е. ИВК России практически стабилен. При оценочной шкале от одного до десяти и изменении числа изучаемых стран (от 158 в 2005 г. до 180 в 2008 г.) колебания в несколько десятых трудно считать принципиальными изменениями. Таким образом, начиная с середины 1990-х годов Россия внешними наблюдателями последовательно определяется как страна с высоким уровнем коррупции, без разделения периодов правления Б. Ельцина, В. Путина и Д. Медведева.

По оценкам фонда «ИНДЕМ», общая сумма взяток, которые ежегодно дают россияне, составляет около 318 млрд долл., т.е. треть российского ВВП (10). Отечественные специалисты не только признают высокий уровень коррупции в России, но и подчеркивают, что она качественно меняется. «За последние годы коррупция в России превратилась из системного элемента в системообразующий... Системный элемент – встраивается в существующую систему институтов государства и общества и занимает там определенную нишу, функционируя по правилам системы. Системообразующий элемент – трансформирует систему институтов государства и общества, заставляя всех членов общества играть по своим правилам» (4). Сегодня в России коррупции подвержены все виды и уровни государственной системы управления, что является одним из свидетельств ее низкой эффективности, сохранения ориентации на использование простых (преимущественно административных) методов.

Коррупция – привычное явление для всех социальных слоев российского общества. Но если отмечается постоянный рост верхушечной⁴ коррупции, то динамика низовой (бытовой) коррупции не столь проста. По оценке фонда «ИНДЕМ», с 2001 по 2005 г. рынок низовой коррупции в России уменьшался (16). А за 2007–2009 гг. (по данным «Глобального барометра коррупции» TI) количество людей, в течение последнего календарного года хотя бы раз дававших взятку, выросло с 17 до 31% (20, с. 24; 21, с. 32). Методики оценки уровня коррупции фонда «ИНДЕМ» и TI различаются. При анализе данных последней следует учитывать некоторое изменение опросных анкет (в част-

4. *Верхушечная коррупция охватывает политиков, работающих в органах власти, среднее и в некоторой части высшее чиновничество и связана с принятием решений, имеющих высокую цену (лоббирование и принятие законов, государственные закупки и заказы, изменение форм собственности и т.д.). Верхушечная коррупция, формируя реальные преступные группы, организации и сообщества, в современных условиях является фактором соединения экономической и организованной преступности (4, с. 77–78). Этот вид коррупции наносит наибольший вред обществу, а борьба с ним наиболее трудна и опасна.*

ности, более широкую формулировку вопроса в анкете 2009 г.), а также влияние ряда субъективных факторов (в том числе эффекта восприятия респондентами усиления коррупции как результат повышенного внимания СМИ к данной проблеме). Тем не менее оценки свидетельствуют, что при некотором замедлении коррупционных процессов в 2002–2005 гг. коррупция в России продолжает развиваться.

Растет в России и рынок экономической (деловой) коррупции, где происходит взаимодействие между властью и бизнесом. По оценкам фонда «ИНДЕМ», сегодня порядка 10% российских компаний постоянно используют взятки и коррупционные схемы в конкурентной борьбе, а еще около 70% прибегают к ним время от времени. «Они вынуждены на это идти, чтобы как-то выживать», – полагает Г. Сатаров. Хотя с конца 1990-х годов в России наметилась тенденция к постепенному переходу бизнеса на некоррупционные схемы, сейчас это движение практически сошло на нет из-за действий властей, потому что «прозрачный бизнес – независимый бизнес, а такой бизнес власти не нужен». В связи с этим перспективы отхода российских компаний от использования коррупционных схем в ближайшем будущем весьма проблематичны.

Антикоррупционная деятельность в России: Достижения и проблемы

В 2008–2009 гг. в России был принят ряд важных документов, направленных на борьбу с коррупцией⁵. Безусловно, положительным фактом является законодательное закрепление определения коррупции⁶, включение в Национальный план противодействия коррупции антикоррупционных мер сразу по нескольким направлениям; введение для высших должностных лиц обязательного декларирования доходов; экспертиза законопроектов на коррупционность. В декабре 2009 г. в Интернете в тестовом режиме заработал новый портал «gosuslugi.ru» – так называемое «электронное правительство» России. Портал до 31 декабря работал как информационно-справочная система (в которой содержалась информация о более чем 100 федеральных и 250 ре-

5. Первый в современной России Закон «О борьбе с коррупцией» был принят в 1992 г. Над Законом «О противодействии коррупции» Госдума работала почти семь лет.

6. В соответствии со ст. 1, п. 1 ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени и в интересах юридического лица» // Собрание законодательства РФ. – М., 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

гиональных госуслугах), но предполагается, что в 2010 г. он начнет функционировать в «штатном» режиме с более широкими функциями.

Если меры Правительства РФ по борьбе с коррупцией известны и подвергаются обсуждению, то значительно меньше российская общественность осведомлена о деятельности ведомств в этом направлении. А ведь в последние два года были разработаны ведомственные (пилотные) проекты антикоррупционных программ (ФАС России и Рособоронзаказ), а также типовой проект антикоррупционной программы Минэкономразвития России (в соответствии с которой должны строить свои действия по борьбе с коррупцией федеральные ведомства). На официальных сайтах органов государственной власти никакой информации об этом нет, открытого обсуждения не ведется. Эта таинственность свидетельствует о сохраняющейся закрытости российских ведомств и об их неготовности к общественному контролю. В такой ситуации с коррупцией никогда не справиться.

В целом борьба российских властей с коррупцией, характеризующаяся непоследовательностью и половинчатостью, больше напоминает очередную кампанию, чем определенную политику. Усилия концентрируются в основном на правовых и административных аспектах антикоррупционной деятельности, но крайне мало внимания уделяется сокращению теневого сектора в отечественной экономике и уменьшению возможностей для финансовых махинаций. А для этого необходимо совершенствование Федерального закона от 07.09.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем»⁷. Помимо деклараций о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера должностных лиц нужен еще мониторинг их расходов, особенно зарубежных, а также расходов членов их семей.

Специфика исторического развития России во многом определила слабый «иммунитет» общества к коррупции и масштабность коррупционных процессов. «На общественной морали продолжают сказываться и условия переходного периода, когда происходит смешение традиций и культурных стереотипов и реализуется свобода практически беспрепятственной трансформации одних форм социально значимого ресурса в другие формы» (4, с. 46-47). Идеи о том, что государство через своих служащих оказывает определенные услуги населению (служит обществу), а не наоборот, также еще не вошли в обывденное сознание россиян. Более того, несмотря на все попытки заставить государственную машину работать на общество, она еще продолжает работать на себя.

7. *Российская газета*, 2001. – № 151–152.

Важную роль в обеспечении жизнеспособности институтов демократического государства в рыночной экономике играет мораль. Поэтому конечной целью борьбы с коррупцией является достижение «такого состояния общества, когда жесткой обструкции станут подвергаться коррупционеры всех уровней, когда участие в коррупционной сделке в качестве взяточдателя станет оцениваться столь же негативно, как и действия вымогателя-взяточника» (там же, с. 7–8). Когда граждане и предприниматели в России осознают, что с помощью взяток или иных форм «индивидуальной договоренности» с государственными служащими любого ранга цели достигаться не должны, тогда и заработают общественные механизмы противодействия коррупции.

Идеология антикоррупционной деятельности должна быть направлена на закрепление в сознании людей позитивных и вытеснение негативных стереотипов. Заимствовать образцы добросовестной предпринимательской этики, цивилизованного поведения граждан и государственных чиновников невозможно. Для их формирования необходимо время и последовательные усилия со стороны государства (11).

Повышение эффективности государственного управления как необходимое условие снижения уровня коррупции

Оценки коррупции российским обществом демонстрируют двойной стандарт, что совсем не случайно. Если деятельность взяточников из верхней части властной вертикали вызывает неприятие, то внизу, на бытовом уровне, проявления коррупции воспринимается зачастую толерантно (4, с. 46). В этом в значительной степени отражается ситуация, когда коррупция на низовом уровне является методом «приспособления» к тем правилам жизни, которые устанавливаются верхними эшелонами власти.

Иначе говоря, «издержки выполнения закона» значительно превышают «издержки его нарушения». Пример – практика введения ЕГЭ и приема на основе его результатов абитуриентов в вузы. Ученику, честно сдавшему ЕГЭ, совсем не гарантировано поступление в вуз. А тому, кто купил «нужные» результаты или запаса «удобной» справкой, поступление в вуз практически обеспечено. Соответственно, вместо того, чтобы поднимать образовательный уровень, такие правила ориентируют на поиск способов их обхода, в том числе с использованием взяток. Снизить уровень коррупционности ЕГЭ можно. Для этого надо отделить его как оценку уровня образования школьников от системы оценок для приема в вузы. Когда заинтересованность в результатах ЕГЭ у школьников (и их родителей) резко снизится – взятки просто незачем будет давать. Одновременно более объективной станет и картина уровня школьного образования. Вместе с этим надо разработать и внедрить

другую, комплексную систему оценок, ориентированную на отбор абитуриентов в высшие учебные заведения.

Одновременно российским органам власти нужно научиться признавать и исправлять допущенные ошибки. Пока же возможность «обратного хода» для отмены однажды принятого неверного решения не предусмотрена.

Прозрачность и конкурентность организации госзакупок

Важным фактором формирования коррупционных отношений в обществе, по мнению ряда авторов, выступает деформация обменных и распределительных отношений (4, с. 47). Одним из способов устранения этой деформации может стать «совершенствование норм, регулирующих осуществление закупок для государственных и муниципальных нужд, в целях исключения возможности их произвольного толкования, дискриминации и предоставления неоправданных преимуществ» (Национальный план противодействия коррупции⁸). В настоящее время организация государственных закупок регулируется Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 30.12.2008)⁹. Данный законодательный акт имеет множество недостатков, как теоретического, так и практического характера.

Во-первых, в одном документе совмещено регулирование совершенно разных процессов: одноразовых закупок оборудования для органов власти (например, стульев, оргтехники и т.д.); выполнения постоянно необходимых услуг (уборка территории, обеспечение транспортом или обслуживание оргтехники и т.д.); выполнения НИР и опытно-конструкторских работ. Все они различаются сроками, сложностью (трудоемкостью), критериями оценки и степенью ответственности, но подход к ним установлен единообразный (и это считается достоинством закона). Во-вторых, период финансирования предполагает только годовой диапазон. Соответственно, с началом каждого нового года (с началом финансирования) заключение контрактов на выполнение продолжительных или постоянных услуг должно повторяться. Что, естественно, никак не способствует уменьшению стоимости этих услуг. Наконец, сами ведомства крайне слабо заинтересованы в экономии бюджетных средств. Ведь действует принцип: если в этом году не выбрать все отпущенные средства, то в следующем их автоматически сократят.

Особенно противоречив процесс заключения контрактов на выполнение НИР и опытно-конструкторских работ. Исполнители НИР для федеральных,

8. *Российская газета*. – М., 2008. – № 164.

9. *Собрание законодательства РФ*. – М., 2005. – № 30, ч. 1, ст. 3105.

региональных и местных органов власти выбираются в результате конкурса (открытого или закрытого), аукциона (открытого или закрытого) или путем проведения торгов и запроса котировок цен. Критериями отбора служат предлагаемая цена работы, срок ее выполнения и квалификация исполнителя. Причем вес последнего критерия не должен превышать 45%, а предпочтение отдается первым двум показателям. Оценка квалификации претендентов на выполнение НИР является субъективной и осуществляется работниками органов власти. Вследствие чего возникает нездоровая конкуренция за благосклонность чиновников и расширяются возможности коррупции.

Необходимо иметь в виду, что НИР и опытно-конструкторские работы – это не серийное производство, которое может осуществляться многими разрабочниками. Часто для них нужны уникальные знания, опыт и компетенции, определить наличие которых на этапе подачи заявок практически нереально. Конкурировать должны идеи, опытные образцы и т.д., а не намерение выполнить какую-либо работу. Даже в советский период для выполнения сложных и важных работ оборонного заказа создавалось несколько предприятий одного направления. И выбирались лучшие уже по подготовленным образцам, а не по намерению что-то сделать.

Как один из вариантов, можно предложить следующую систему распределения госзаказа на выполнение НИР и опытно-конструкторских работ. Государственные органы объявляют (открыто, на соответствующем сайте) темы и стоимость работ, собирают заявки от научных учреждений. Затем со всеми желающими заключаются контракты на выполнение этих работ, выплачивается небольшой аванс и страхуются случаи недобросовестного поведения (т.е. предусматривается ответственность исполнителей за качественное исполнение заказа в срок и по заявленной цене, превышение затрат заказчиком не финансируется). Выбор наилучшей из проведенных работ (и ее оплата) осуществляется на основании решения смешанной комиссией из представителей заказчика (государственного органа), страховой компании и научно-экспертного сообщества (которое надо создать в России на базе имеющихся научных организаций). Причем члены этих комиссий не должны быть связаны с исполнителями государственного заказа.

Информация о всех государственных заказах, поступивших заявках и результатах отбора исполнителей в настоящее время помещается на официальном (едином и открытом) сайте: www.zakupki.gov.ru. Этот сайт достаточно сложен для анализа и пока не содержит всех необходимых данных. В частности, нет сортировки по агрегированным направлениям заказов и регионам, а предусмотрен выбор по мало кому известным номерам тем и ведомств; трудно найти информацию за прошедший период – преобладают текущие материалы. Но даже беглый обзор информации, представленной на сайте, позволяет сделать удивительные «открытия».

Например, в сентябре 2009 г. Минэкономразвития разместило заявку на выполнение НИР «Методологическое и информационно-аналитическое обеспечение разработки среднесрочного (2009–2012 гг.) и долгосрочного (2009–2022 гг.) прогнозов развития внешней торговли России, а также аналитического сопровождения функционирования автоматизированной информационной системы мониторинга конъюнктуры и цен товарных рынков (АИС “Мониторинг”)). Срок подачи заявок на конкурс – до 09.11.2009 г., стоимость работы – 4 млн руб., срок выполнения – до 01.12.2009 г. Все требования закона соблюдены – но можно ли говорить, что возможна какая-либо конкуренция? Этот случай – не исключение. Существуют и другие возможности «обойти» закон, формально выполнив все его требования.

Результаты НИР, выполненных за счет средств госбюджета, должны быть открыты и общедоступны (за исключением сведений, содержащих государственную тайну). На практике считается, что это ведомственная информация и ведомства решают, что с ней делать. Очевидно, что нужен общероссийский сайт, на котором в обязательном порядке размещались бы результаты выполненных на основе госзаказа НИР. А их окончательное финансирование производилось бы только после отметки о том, что результаты находятся в открытом доступе.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что для снижения коррупционности действующего Федерального закона «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» в него необходимо внести значительные изменения.

Представляется, что этот единый, с совершенно необоснованной универсальностью подходов документ надо разделить на три разных закона: регламентирующий одноразовые мероприятия; регламентирующий постоянные или длительные услуги; определяющий порядок выполнения НИР и опытно-конструкторских работ.

Главное в антикоррупционной деятельности – обнаружить и устранить неполадки и сбои в механизме взаимодействия капитала (предпринимателей) и власти, гражданского общества и государства (4, с. 9). Действия же российских властей ориентированы в основном на усиление внутреннего контроля бюрократического аппарата. Реальным мерам по введению внешнего контроля (в частности, за счет повышения прозрачности деятельности ведомств) и по уменьшению экономической базы коррупции (теневой экономики и махинациям в финансовой сфере) уделяется недостаточное внимание. Это нарушает принцип комплексности при противодействии коррупции и снижает эффективность борьбы с ней.

Литература

1. Андрианов В.Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления: История и современность. – М., 2009. – 248 с.
2. Антикоррупционная политика: Учеб. пособие для студентов фак. Гос. упр. / Регион. обществ. фонд «Информатика для демократии»; Под ред. Сатарова Г.А. – М., 2004. – 367 с.
3. Бабенко В.Н. Коррупция в России: От обычаев и традиций к образу жизни? // Россия и современный мир. – М., 2009. – № 3. – С. 44–62.
4. Богданов И.Я., Голик Ю.В., Карасев В.И. Коррупция на современном этапе государственно-политического развития России / РАН. Ин-т социал.-полит. исслед. – М., 2008. – 101 с.
5. Гилевская М.А. Коррупция: Национальные и международные средства противодействия. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1222884&subID=100087759,100087760>
6. Денисов С. А. Международные инструменты борьбы с коррупцией. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1189511>
7. Дерябин Ю. Когда почетно быть на последнем месте. – Режим доступа: http://www.transparency.org.ru/doc/Full_report_Deriabin_31.04_01000_68.doc
8. Как мир борется со взятками. – Режим доступа: <http://bujet.ru/article/36942.php>
9. Канадской антикоррупционной модели 135 лет. – Режим доступа: <http://www.notheft.ru/kanadskojantikorrupcionnoj-modeli-135-let>
10. Коррупция обходится России в 318 миллиардов долларов – треть от ВВП. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/social/20091124/156673415.html>
11. Магомедов К.О. Социология государственной службы. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. – 242 с.
12. Можно ли одолеть коррупцию? (опыт Финляндии). – Режим доступа: <http://www.vesmir-books.ru/fragments/912>
13. О противодействии коррупции: Сб. рос. законодательства и междунар. док. / Вступ. ст. Брычевой Л.И.; Сост.: Михайлов В.И. – М.: Юрид. лит., 2009. – 367 с.
14. Отчет по анализу лучших практик международного опыта в сфере борьбы с коррупцией. – Режим доступа: http://www.akimvko.gov.kz/ru/right_01.htm
15. Пархоменко С.А., Головинский К.И. Сравнительный анализ стратегий по борьбе с коррупцией. – Режим доступа: <http://ejournal.spa.msu.ru/images/File/2003/parkhomenko.pdf> с. 1–2
16. Сатаров Г.А. Коррупция 1 – 20 // Ежедневный журнал. – М., 8 июля 2008 – 4 июня 2009 г. – Режим доступа: <http://www.ej.ru>
17. Сулакшин С.С., Максимов С.В., Ахметзянова И.Р. и др. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России. Т.1. – М., 2008. – 464 с.
18. Теневая экономика: Экономический и социальный аспекты: Пробл.-темат. сб. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики: Отв. ред. и сост. вып. Жилина И.Ю. – М., 1999. – № 4. – 168 с.
19. Чернов С.Б. Теневая экономика, коррупция и государственное управление: Взаимосвязь и противостояние // Совершенствование системы государственного и муниципального управления в России: Экономический аспект: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред., и др. – М., 2009. – № 2. – С. 119–132.
20. Baromètre mondial de la corruption 2007 de Transparency International – Rapport. – 27 p. – Режим доступа: http://www.transparency.org/content/download/27399/412580/file/GCB_2007_report_french.pdf
21. Baromètre mondial de la corruption 2009/Transparency International. – 40 p. – Режим доступа: http://www.transparence-france.org/e_upload/pdf/global_corruption_barometer_2009pdf.pdf
22. Transparency International (ТИ). – Режим доступа: <http://www.transparency.org/tools/measurement>.

Лафарг Ф.

**МИРОВОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ
СОПЕРНИЧЕСТВО**

**LAFARGUE F. Rivalité énergétique
mondiale // Problèmes écon. –
P., 2009. – N 2964. – P. 31–35.**

В статье профессора Высшей школы управления (Франция) рассматриваются проблемы энергетического обеспечения в планетарных масштабах.

Причинами наблюдавшегося в 2000–2008 гг. роста цен на нефть, отмечает автор, являются не только политическая нестабильность в некоторых регионах добычи нефти, спекуляции и обесценивание доллара, но и в значительной степени рост ее потребления в Китае и Индии. Экономическое развитие этих стран серьезно повлияло на мировой энергетический баланс. Китай и Индия прилагают значительные усилия для диверсификации снабжения углеводородами в целях снижения своей зависимости от стран Ближнего Востока. Подобной политики придерживаются и США. По мнению автора, именно между

этими тремя странами развернется настоящая борьба за доступ к углеводородам.

В течение 30 лет после аварии на АЭС «Три майл айленд» в штате Пенсильвания в 1979 г. США не строили новых атомных реакторов. Основными источниками первичной энергии в США являются нефть (40%) и уголь (23%), тогда как доля атомной энергии не превышает 8% (против 40% во Франции) (с. 31). Значительные запасы угля (первое место в мире) используются лишь частично из-за высокой стоимости добычи и токсических выбросов ТЭЦ. Принятый в 2005 г. Конгрессом Закон об энергетической политике (Energy Policy Act) стал первым свидетельством изменения американской политики, поскольку приоритет был отдан возобновляемым источникам энергии и строительству новых АЭС. Однако доля нефти в энергопотреблении останется преобладающей еще в течение нескольких лет, что связано с высоким уровнем урбанизации США, низкими ценами на горючее в течение длительного времени и демографическим ростом, объясняющим рост потребления нефти.

Нефтяная политика США долгое время основывалась на диверсификации предложения, а не на снижении спроса. Приоритетом был поиск новых поставщиков углеводородов, а не изменение привычек потребления и продвижение новых форм энергии. Однако постепенно намечаются новые тенденции.

Вопреки распространенному мнению, Ближний Восток не является основным поставщиком нефти в США. Доля ближневосточных стран постоянно снижается и в настоящее время составляет 16% американского импорта углеводородов против 23% в 2001 г. В 2007 г. Канада, Мексика, Нигерия и Венесуэла обеспечивали 47% импорта США (с. 32). Но поскольку Вашингтон стремился к дальнейшему снижению зависимости от Ближнего Востока, США постоянно ищут новых поставщиков.

Отныне в нефтяной политике США должна учитываться энергетическая стратегия Китая, являющегося импортером нефти с 1993 г. Зависимость Китая от нефти (сегодня занимает третье место в мире по импорту нефти после США и Японии) постоянно усиливается. Китайская модель развития, основанная на тяжелой промышленности, очень энергоемка. Потребление первичной энергии в Китае с 1994 г. удвоилось, а устаревание промышленного оборудования влечет за собой разбазаривание ресурсов. Кроме того, в Китае значительно вырос парк автомобилей, при этом стоимость горючего субсидируется. В 2008 г. в Китае частным лицам было продано 4,5 млн автомобилей, т.е. на 20% больше чем в 2007 г.

В 2000 г. Китай импортировал около 30% потребляемой нефти, а в 2007 г. – 50%. По оценкам, в 2030 г. доля импортируемой нефти составит 80%. Ближний Восток обеспе-

чивает 45% китайского импорта (с. 32). При этом наиболее тесные отношения сложились у Китая с Ираном: китайская нефтяная компания «CINOPEC» участвует в разработке нескольких иранских месторождений углеводородов. Китай поддерживает Иран в Совете безопасности ООН и поставяет ему современное вооружение. Это сотрудничество очень беспокоит США.

Как это ни парадоксально, энергетическое партнерство между Китаем и Россией остается ограниченным, несмотря на просьбы китайского руководства. Это тем более удивительно, поскольку географическая близость двух стран и их энергетические стратегии должны подталкивать их к более тесному сотрудничеству. Логичным было бы превращение России, многие месторождения углеводородов которой находятся недалеко от китайской границы, в важного энергетического партнера Китая. Но в настоящее время доля России в китайском импорте нефти составляет всего 6%. Однако взаимные предубеждения рассеиваются. Россия и Китай разделяют стремление к созданию многополярного мира, в котором у них будет привилегированное положение. Россия также хочет снизить свою зависимость от ЕС, на который приходится 60% российского экспорта нефти (с. 32).

Энергетическое партнерство между Вашингтоном и Москвой, намечавшееся в 2003 г. во время встречи на высшем уровне, не нашло конкретного продолжения. Доля России в амери-

канском импорте углеводородов несколько возросла, но в 2007 г. она не превышала 3% (с. 33). Стремясь снизить зависимость от Ближнего Востока, США и Китай в поисках углеводородов противостоят друг другу в Африке, Латинской Америке и Центральной Азии. Но и Пекин, и Вашингтон должны отныне учитывать нефтяные амбиции Индии.

С 2000 г. экономика Индии растет высокими темпами, ее ВВП удвоился. Этот динамизм вместе с высокими темпами прироста населения приводит к значительному росту потребления энергии. Основной энергетикой Индии до сих пор остается уголь, обеспечивающий 70% производства электроэнергии. Наиболее сложным является положение с обеспечением нефтью, поскольку страна на 70% зависит от ее импорта. К 2015 г. доля импорта может возрасти до 80%, а к 2030 г. – до 90% (с. 33). К этому времени, Индия, по оценкам, займет третье место по импорту нефти после США и Китая. Даже если индийское правительство ускорит нефтеразведку на национальной территории, за счет разработки новых месторождений не удастся удовлетворить растущий спрос.

Индия стремится снизить зависимость от стран Ближнего Востока, считающихся слишком близкими Пакистану. Национальная нефтяная компания – «Oil and natural gas corporation» (ONGC) – является инвестором одного из месторождений на Сахалине. Индия продолжа-

ет диверсификацию источников снабжения углеводородами, обратившись к Африке, на которую сегодня приходится 25% индийского импорта нефти (на страны Персидского залива – 67% импорта) (с. 33).

США в последние годы усиливают свое присутствие в Западной Африке, особенно в Нигерии, Камеруне и Экваториальной Гвинее. Страны Западной Африки обладают определенными выгодами для США. Они, за исключением Нигерии и Анголы, не являются членами ОПЕК и, следовательно, могут свободно наращивать производство. Кроме того, с нефтяных платформ нефть легко транспортировать, а эксплуатация месторождений глубокого морского залегания требует сложных и дорогих технологий, что ограничивает количество инвесторов. Особое внимание США уделяют Северной Африке, особенно Ливии и Алжиру. Снятие американских санкций против Ливии привело к значительному росту импорта из этой страны. В 2007 г. Алжир занимал шестое место среди поставщиков нефти в США.

Китай, являющийся в настоящее время второстепенным клиентом Алжира в секторе углеводородов, наращивает инвестиции в алжирскую нефтедобычу. Однако позиции США в Алжире очень сильны. Значительно расширилось военное сотрудничество двух стран. Алжир наряду с рядом других африканских стран участвует в американской программе борьбы с терроризмом.

В Африке США вступили в настоящую борьбу с Китаем за доступ к месторождениям углеводородов. С 1990 г., когда основными нефтяными операторами в Африке были англосаксонские компании и французская «Elf-Aquitaine», конкуренция с китайскими компаниями усиливается. Для Китая Африка является настоящим резервуаром сырья. Торговля Китая с африканскими странами растет высокими темпами, увеличившись с 10 млрд долл. в 2000 г. до 73 млрд долл. в 2007 г. 70% китайского импорта приходится на углеводороды (с. 33–34). В обмен на предоставление нефтяных концессий или разрешений на геологоразведку Китай выдает беспроцентные займы и создает инфраструктуру. Китайские рабочие получают минимальную зарплату. Труднопереносимые условия позволяют им в кратчайшие сроки строить железные дороги в Анголе, шоссейные дороги в Алжире, ГЭС в Нигерии и т.д. Китайские компании не оставляют без внимания ни одной перспективной зоны, особенно в Мали и Нигере. Сегодня Африка обеспечивает четвертую часть китайского импорта нефти.

Активность Китая заставляет США еще активнее работать в Африке, в частности, предоставляя экономическую, коммерческую и военную помощь, развивая гуманитарные программы.

Индия ведет чрезвычайно активную нефтяную дипломатию в Восточной Африке, где американ-

ское и китайское присутствие ограничено, но имеются хорошие перспективы в плане геологоразведки. Однако Индия не располагает финансовыми средствами, сравнимыми с китайскими или американскими. Индийские компании испытали несколько неудач, как, например, в Анголе, где концессия на добычу углеводородов была передана Китаю. Индия проводит уравновешенное партнерство, чтобы не выглядеть экономическим хищником, интересующимся только сырьем, в чем все чаще упрекают Китай. Поэтому индийские фирмы инвестируют в различные сектора экономики африканских стран. Сотрудничество Индии со странами Восточной Африке облегчается лингвистической и культурной близостью с англоязычными странами региона при поддержке сильных индийских общин, проживающих в этих странах, особенно в Южной Африке.

Усиливается присутствие Китая и в Латинской Америке, долгое время бывшей зоной преимущественного влияния США. Латинская Америка с 10% мировых запасов нефти обеспечивала в 2007 г. 12,99% ее добычи. В настоящее время интересы Китая в этой области углеводородов весьма скромны. Хотя Китай является третьим покупателем латиноамериканской нефти, он далеко отстает от США. В 2007 г. регион поставил в Китай 6,7% импортируемой им нефти (с. 34). Особенно тесные отношения Китай поддерживает с Венесуэлой. Некоторые китайские компании

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

получили разрешение на бурение скважин или участие в эксплуатации месторождений на Кубе и в Перу. Однако долгосрочной целью Китая является побудить Мексику, занимающую десятое место среди экспортеров нефти в мире, пересмотреть отношения с США.

Бывшие советские республики в Центральной Азии после поворота к США в начале 1990-х годов в настоящее время предпочитают сотрудничать с Китаем. Китайские инвестиции в Казахстан за последние десять лет значительно выросли, и, по всей вероятности, эта страна станет одним из главных поставщиков углеводородов в Китай. Как в Центральной Азии, так и в Африке, Китай воздерживается от критики в адрес действующих политических режимов. В южном регионе СНГ только Азербайджан сотрудничает с западными предприятиями.

Последствия энергетического соперничества многочисленны. В политическом плане это соперничество вынуждает США, Китай и Индию демонстрировать снисходительность по отношению к авторитарным режимам. Экономические

результаты также вызывают недоумение. Если Нигерия смогла сократить свой внешний долг, многие страны пользуются «нефтяной и газовой манной» для усиления военного аппарата. Имея значительные валютные резервы Алжир, а затем и Ливия заключили крупные военные контракты с Россией. Управление нефтяной рентой остается спорным вопросом. Социальные расходы и расходы на образование не являются приоритетными. В Анголе военные расходы составляют 5,7% ВВП, а на образование – 2,6% (с. 35).

Китайско-американская битва вынуждает ЕС, у которого просто нет другого выхода, поддерживать энергетическое партнерство с Россией, уже являющейся его основным поставщиком нефти и газа. Но этот выбор таит в себе опасность для ЕС.

Международное соперничество за доступ к углеводородам между Китаем, Индией и США может спровоцировать экономическую нестабильность и политическую напряженность, открывающих период неопределенности.

И.Ю. Жилина

Кэмпфнер Д.

**СВОБОДА НА ПРОДАЖУ:
КАК МЫ ЗАРАБОТАЛИ ДЕНЬГИ И
ПОТЕРЯЛИ НЕЗАВИСИМОСТЬ**

**Kampfner J. Freedom for sale:
How we made money and lost our
liberty. – L.: Simon & Schuster,
2009. – 320 p.**

Известный философ Дж. Кэмпфнер задается вопросом: почему люди готовы бороться за свободу зарабатывать, выезжать в другие страны и отказываются от свободы выражать свое мнение? Или можно сказать иначе: почему люди общественным свободам предпочли частные?

В анализе автор не ограничился лишь западными странами, но привлек материал по Сингапуру, Китаю, России, Объединенным Арабским Эмиратам. Везде население, как было установлено, в последние 20 лет обнаружило ту же тенденцию – сознательный отказ от общественных свобод за иллюзию богатства и безопасности. Возможно, разгадка в том, что этот отказ не был таким уж сознательным. Население, гонясь за той самой иллюзи-

ей изобилия, вовсе не имело в виду отречься от своих политических прав, поскольку считало, что одно обуславливает, а не отменяет другое. Ведь такова ключевая установка капиталистической идеологии – рост благосостояния должен вести к утверждению политических свобод. Сторонники капитализма настаивают на его взаимосвязи с демократией и неэффективности без нее. И это стало настоящим сюрпризом, когда к концу XX в. выяснилось, что капитализм способен прекрасно обходиться без демократии. Но выяснилось слишком поздно – население оказалось обманутым и теперь кусает локти.

Более того, без демократии капитализм, судя по росту уровня благосостояния богатых и средних слоев во всех названных странах, оказался намного более конкурентоспособен. В демократическом порядке передовых капиталистических стран фактически воплотился тот самый «общественный договор», о котором писали еще либеральные философы Нового времени. В рамках этого «общественного договора» правительства и впрямь являлись в значительной степени выразителями воли широких слоев населения, защищали их интересы. Теперь вместо «общественного договора» заключен новый пакт между государством и населением. В авторитарных государствах он выглядит (с некоторыми национальными особенностями) следующим образом: репрессии выборочны и ограничены теми, кто открыто кри-

тикует статус-кво. Но эта категория очень немногочисленна: оппозиционные журналисты, адвокаты, выступающие их защитниками, и проблемные политические активисты. Остальные могут наслаждаться свободой передвижения, жить так, как им хочется, зарабатывать и тратить деньги. Для слишком многих эта схема оказалась удобна.

Кэмпфнер пишет, что последние 20 лет правила определял союз власти, бизнеса и «среднего класса». Что изменилось, так это число людей, оказавшихся в выигрыше от этой схемы. Со своей стороны государства оказались достаточно гибкими, чтобы пойти навстречу растущим потребностям той группы населения, которую стоит принимать в расчет. Условия этой группы: гарантированное право собственности, контрактное право, право зарабатывать, а также приличный район и возможность выбора стиля жизни. То есть приоритетом стали финансовые свободы.

При этом в результате глобального консьюмеристского бума (только за 2006 г. «Форбс» добавил в свой список 178 новых миллиардеров) элиты, по мнению Кэмпфнера, продались так же, как и «средний класс». Конечно, они довольны еще не всем: возмущены тем, что в Сингапуре правительство говорит им, с кем спать, тем, что китайские власти регулируют выезд за рубеж. Элиты также не устраивает пресинг власти в России. Но это не означает, что они выступают во взаи-

моотношениях с властью лишь страдательной стороной. Власть не может лишь подавлять элиты, но должна делать им серьезные уступки. Хорошо известны истории с преследованиями российскими властями олигархов. Но ведь власти сами понимают пределы этих преследований. Путин, будучи еще президентом России, лично вынужден был давать олигархам гарантию, что история с Ходорковским больше не повторится. И пока слово свое держит, хотя прошло уже весьма продолжительное время. Еще тот же самый Путин, воспринимающийся как угроза олигархии, публично наложил вето на пересмотр итогов приватизации. То есть власть в данном случае гарантировала олигархам неприкосновенность их собственности, вместо того, чтобы покушаться на нее.

Конечно, российская власть делает шаги, которые можно истолковать как вмешательство в дела бизнеса. Но часто такое вмешательство носит декларативный (и от того декоративный) характер. Например, периодически слышатся призывы к олигархам вкладывать средства в отечественную экономику. Но разве от подобных призывов финансов стали меньше утекать на Запад? Наконец, не забудем еще один вид послаблений, на который власть пошла в интересах крупного капитала. Речь о налогах. В России они держатся на смехотворно низком уровне. Впрочем, в том, что касается мягкости налогового гнета, Россия исключением не является, в том числе на фоне западных стран. В них, конечно, нало-

ги выше, но существуют широкие возможности для неуплаты. В Великобритании, как напоминает Кэмпфнер, практически поощряется уход от налогов, а в Италии налоговые преступления почти ненаказуемы.

Британский философ жестче всего описывает происходящее с обществом в Великобритании и США. По его собственному объяснению, эти страны находились в особом положении: их жителям было что терять, у них, в отличие от населения тех же России или Китая, все же были выбор и возможность давить на правительство. Потому и вина британцев и американцев неизмеримо выше, они заслуживают самого сурового порицания.

Это, однако, не означает отсутствие вины у жителей России. В ее отношении у Кэмпфнера иллюзий нет. Он описывает, как либеральные журналисты отказывались от своих взглядов за право жить в элитном поселке под Москвой, а население спокойно относится к убийствам правозащитников. Хотя убийства происходят не в далеком сибирском лагере в условиях информационной блокады, как в сталинские времена, и вся информация об этом вполне доступна.

Кэмпфнер постоянно подчеркивает, что Россия, если брать поведение властей, очень похожа на другие страны. Работа разбивает столь удобные как для либералов 90-х годов, так и для псевдогосударственников сегодняшнего дня стереотипы о российской уникальности, в соответствии с которыми пассивность

населения объяснялась вековыми традициями несвободы, наследием СССР, православием и много чем еще. По словам Кэмпфнера, Россия в этом смысле специфична не больше, чем другие страны. Не в Кремле придумали, как подкупить средний класс 13%-ным подоходным налогом и иллюзией безопасности. По мнению Кампфнера, идеальной моделью подобного пакта между государством и обществом является Сингапур, где консьюмеризм послужил для «среднего класса» настоящей «мозговой анестезией». Россия не уникальна и своим припадком псевдопатриотизма после побед в спорте или на музыкальном фестивале «Евровидение». Все исследованные автором страны получили рост национального шовинизма — по таким же пустяковым с точки зрения здравого смысла поводам. Консьюмеризм привел к атомизации общества, граждане оказались «приватизированы» в своих привычках, мыслях и быте. В результате индивидуальную активность граждан поощряют, а объединение на любом уровне преследуется, что оставляет место для появления харизматичных популистских лидеров. Стремление к безопасности, ради которой обеспеченные классы готовы жестко давить на власть, требовать защиты любой ценой их образа жизни, привела к одинаково устрашающим последствиям во всех государствах. Повсеместно технологии слежки развиваются, а те, кто попал в категорию экстремиста (или иностранца, представителя нацменьшинства, наконец, просто чужака), становятся

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

объектом атаки государства. И население соблюдает условия пакта: как пишет Кэмпфнер, хотя в России и Сингапуре выборы и проходят с явными нарушениями, но нельзя отрицать, что лидеры этих стран более чем популярны.

Кэмпфнер оговаривается, что он не уравнивает страны друг с другом. «Первый мир» резко отличается от «третьего»; страны, принадлежащие к этим регионам, вовсе не составляют, вопреки утверждениям в новомодных исследованиях, «единого» и тем более «однородного» пространства. Мировое пространство нельзя считать однородным, но

разница между его частями уже не столь велика, какой была раньше. Жители «первого мира», упиваясь преимуществами своей жизни, не заметили, что значительной части этих преимуществ они лишились. Впрочем, не каждого из них, похоже, это сильно волнует.

В работе нет ответов, как и что можно исправить. Автор просто констатирует факт: мы уже пришли к тому, что свобода понимается лишь как свобода покупать. И если ничего не изменить, то страшно подумать, куда мы можем прийти в дальнейшем.

*С.А. Ермолаев,
Е.В. Исаев*

Галан О.

**МОЛОДЕЖЬ В ЕВРОПЕ:
КОНТРАСТНЫЕ ВЗГЛЯДЫ
НА БУДУЩЕЕ**

**GALLAND O. Les jeunes en Europe:
Des visions contrastées sur
l'avenir // Problèmes écon. – P.,
2009. – N 2972. – P. 21–25.**

В соответствии с официальным определением МОТ и ОЭСР к молодежи относятся люди в возрасте 15–24 лет. Как показывают исследования, проведенные в различных странах, будущее молодых людей зависит от культурной, институциональной и географической среды, в которой развивался конкретный индивид.

В Европе прослеживаются четыре тенденции: 1) в средиземноморских странах молодежь стремится уйти от традиционных моделей семьи и общества; 2) в России и Эстонии молодежь также стремится к переменам, но имеет более сильную склонность к конформизму, чем в других странах; 3) во Франции, Великобритании и Германии молодежь настроена крайне пессимистично; 4) в Скандинавских

странах, наоборот, среди молодежи преобладают оптимистические настроения и открытость миру.

Анализируя отношение молодежи к экономике и науке, авторы выделяют несколько типичных мнений.

Среди молодежи европейских стран датчан отличают самые либеральные взгляды на экономику. Они наиболее откровенно поддерживают идею рыночной экономики и конкуренции, вознаграждение с учетом индивидуальной производительности и личных достижений. В то же время они больше всех отдалены от протекционистского подхода к регулированию экономики, но поддерживают идею эффективной системы социальной защиты, которая смягчает негативные последствия либерализма для отдельных индивидов.

Экономические взгляды молодых американцев отличаются своей спецификой; в конечном итоге они не совсем соответствуют либеральному имиджу США. Американцы благоприятно относятся к вознаграждению за личные достижения, умения, навыки и в меньшей степени рассчитывают на систему социальной защиты. Однако они относительно выше оценивают протекционизм, чем большинство молодых европейцев. В целом их позиция сходится с либеральной внутренней политикой США, но не совпадает с протекционистской политикой в международных отношениях.

Такие же подходы, немного менее выраженные, характерны для молодых людей в Германии и Великобритании.

По приверженности протекционизму среди молодежи 13 исследованных стран молодые немцы и англичане занимают соответственно пятое и шестое места. Более благоприятно относится к рыночным принципам скорее молодежь в странах Северной Европы, чем в США или в англосаксонских странах. Однако шведы и норвежцы менее благосклонны к свободной международной торговле, чем датчане, которые в значительно большей степени поддерживают принцип равенства при распределении богатств.

Позиция молодежи России сильно отличается от взглядов молодых людей из стран Западной Европы. Глобализация, по мнению молодых россиян, дает шанс для развития как стране, так и отдельным индивидам. В то же время молодежь России очень привержена протекционизму.

Взгляды молодежи Франции значительно расходятся со взглядами молодых людей из других европейских стран и характеризуются отказом от либеральных идей. Молодые французы выступают одновременно за индивидуальную социальную защиту (со стороны государства), за равенство в большей степени, чем за оценку индивидуальных заслуг и умений в работе, и за коллективную защиту интересов граждан. Они склонны к протекционизму в большей степени, чем молодежь других стран. Особое отношение молодежи Франции к глобализации связано с угрозой занятости и под-

тверждает определенное недоверие к рыночным принципам.

Выделяются три различных типа экономических предпочтений:

1. «Либерально-социальный» тип, к которому принадлежит Дания, акцентирует внимание на ценностях конкуренции на индивидуальном и национальном уровнях и одновременно на сохранении социальной защиты со стороны государства.

2. «Либерально-протекционистский» тип характеризуется высокой оценкой личных достоинств работников и соответствующего вознаграждения, но идея конкуренции в большей мере поддерживается на индивидуальной уровне, чем на международном.

3. «Государственно-уравнительный, эгалитарный» тип, сформировавшийся во Франции, делает акцент, прежде всего, на защите государством интересов индивидов, национальной экономики от мировой конкуренции и скорее на равенстве, чем на учете индивидуальных достоинств работников.

Чувство доверия и чувство принадлежности к определенной группе является очень важным для социальной интеграции индивида. В странах Восточной Европы, за исключением Эстонии, отмечается сравнительно меньшая выраженность чувства принадлежности к определенной группе, что сближает их со странами Западной Европы – Францией, Великобританией и Италией. В странах Восточной Европы социальная интеграция индивидов невысока, так как социальные и экономические потрясения, вызван-

ные крушением социализма, нарушили многие прежние социальные связи. Для молодежи Франции и Великобритании также свойственно чувство слабой интеграции в общество. В отличие от европейцев, у американцев отмечается довольно развитое чувство интеграции в общество.

Что касается чувства доверия, как центрального элемента социального капитала, то оно тесно связано с чувством социальной интеграции и

принадлежности к определенной группе. Как правило, в тех странах, где невысока степень социальной интеграции, – уровень доверия низкий.

В этом плане во Франции отмечается довольно низкий уровень доверия между людьми. В Скандинавских же странах, как и в США, существует высокий уровень доверия молодежи ко всем общественным институтам, ООН, полиции, юридической системе и т.д.

С.Н. Куликова

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ

ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Summaries

Д.В. Ефременко. Формирование российской идентичности, имперское наследие и модернизационный проект

D.V. Yefremenko. Search of Russian Identity, Imperial Heritage and yje Modernization Project

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., национальная идентичность, имперское сознание, модернизация

Key words: Russia, beginning of the 21st century, national identity, imperial consciousness, modernization

Недостаточная прорисованность текущего модернизационного проекта связана не только с развертывающейся интригой новой реконфигурации российской власти («проблема 2012»), но и с очевидной незавершенностью становления постсоветской России, причем не столько на уровне институциональном (хотя и здесь едва ли поставлена точка), сколько на уровне национально-государственной идентичности.

Insufficient elaboration of the current modernization project is connected not only with the ongoing intrigue of the new reconfiguration of authority in Russia (the «problem of 2012»), but also with an evidently incomplete process of post-Soviet Russia's formation – incomplete not as much at the institutional level as at the level of the national state identity.

А.Ю. Шевяков. Мифы и реалии социальной политики
A.Yu. Shevyakov. Social Policy in Russia: Myths and Realities

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., социальная политика, рыночная экономика, социальное неравенство, перераспределение

Key words: Russia, early 21st century, social policy, market economy, social inequality, redistribution

Отдельные, адресные мероприятия по увеличению пенсий, МРОТ, зарплаты работников бюджетной сферы, несмотря на их необходимость и важность, мало влияют на снижение уровня бедности и неравенства и, в принципе, не могут привести к существенным результатам, так как не устраняют порождающих их причин. Основная проблема заключается не в недостатке ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения.

Single target measures such as growth of pensions, minimal wages, salaries of the budget sector employees, with all their necessity, have little influence upon the level of poverty and inequality and cannot bring significant results in principle because they do not eradicate their causes. The basic problem is not the lack of resources, but their distribution and re-distribution.

В.П. Пашков. Земельная собственность в России: Формы, отношения, эффективность пользования

V.P. Pashkov. Land Property in Russia: Forms, Ownership, Land Tenure Efficiency

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., землепользование, землевладение, фермерство, сельскохозяйственная кооперация, долевая собственность

Key words: Russia, early 21st century, land tenure, land owning, private farming, agricultural cooperation, land share property

При сохранении многоукладности сельского хозяйства в России необходимо расширять и укреплять государственную собственность, в первую очередь, вернув государству невостребованные, заброшенные и неиспользуемые угодья. Согласно проведенной сельскохозяйственной переписи, в стране 30% крупных и средних сельскохозяйственных организаций, 48% фермеров не занимаются сельскохозяйственной деятельностью, большая часть земли у них не обрабатывается.

While retaining different forms of land ownership and land tenure in Russia it is of prime necessity to widen and fortify state property, first and foremost to return to the state unclaimed, forlorn and non-cultivated plots. According to the agricultural census, 30 percent of large and middle agricultural organizations and 48 percent of farmers in the country are not engaged in agriculture and have the most part of their lands uncultivated.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

В.В. Папиорковский, В.В. Папиорковская. Российское село: Факторы демографического развития

V.V. Patsiorkovsky, V.V. Patsiorkovskaya. The Russian Village: Factors of Demographic Growth

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., сельское развитие, демографическая ситуация, Белгородская область, Псковская область

Key words: Russia, early 21st century, rural development, demographic situation, Belgorod Province, Pskov Province

Решение демографических проблем российского села предполагает устойчивое развитие сельской местности (от производства до инженерной и социальной инфраструктуры), поощрение на селе индивидуального жилищного строительства усадебного типа, а также увеличение численности больших многопоколенных семей. Если в ближайшие годы в сельскую местность вложить сопоставимый с городом объем материальных затрат и организационных усилий, результаты как в демографическом развитии, так и в других секторах социальной жизни и экономике не заставят себя ждать.

Solving the demographic problems of the Russian village suggests steady development of the countryside (from agricultural production to engineering and social infrastructures), encouragement of individual housing construction (farmstead type) and growth of large multi-generation families. If in the nearest years the village receives funds and managerial efforts comparable to those in the cities results in demography, social life and economy will not be long to wait for.

А.А. Акмалова, В.М. Капицын. Формирование трансграничной миграционной системы СНГ

A.A. Akmalova, V.M. Kapitsyn. Formation of a Trans-Border Migration System in the CIS

Ключевые слова: СНГ, трансграничные миграции, пограничные проблемы, миграционное законодательство, правовое урегулирование

Key words: CIS, trans-border migrations, border problems, migration laws, legal regulation

Для решения проблем миграции необходимо работать не только с мигрантами, но и с принимающими и посылающими сообществами. В структу-

ABSTRACTS

ре Федеральной миграционной службы России создаются специальные подразделения, в обязанности которых будут входить адаптация мигрантов и их интеграция в российское общество, организованное привлечение трудовых мигрантов; работа с местными жителями для повышения толерантности российских граждан. Реализация данной цели возможна в рамках ТМС, использующей преимущества единого миграционного пространства СНГ.

To solve migration problems it is necessary to work not only with the migrants, but with the delivering and accommodating communities as well. In the structure of the Russian Migration Service special divisions are formed to assist migrant's adaptation and integration, their organized recruiting and raising the Russian citizens' tolerance. The implementation of this goal is possible in the framework of the trans-border migration system which has the advantage of using the single CIS migration space.

Л.Е. Востряков, Е.П. Чириков. Управленческие качества руководителей сферы культуры: Межстранный анализ

L.Ye. Vostryakov, Ye.P. Chirikov. Managerial Competence in the Sphere of Culture: Cross-National Analysis

Ключевые слова: культура, управление культурой, качество управления, Россия, Ирландия, европейские страны

Key words: culture, culture management, management quality, Russia, Ireland, Western countries

У европейских и российских руководителей сферы культуры сложились примерно одинаковые представления о том, как добиться успеха в управлении этой сферой в своих странах, несмотря на существующие социальные, экономические и политические различия. Иначе выглядят их самооценки в ракурсе трех важнейших качеств: стрессоустойчивости, инновативности и креативности.

European and Russian managers of culture have roughly similar views of the ways to ensure successful management in this field in their respective countries despite different social, economic and political conditions. Less similar are their self-estimates concerning the three most important qualities of stress resistance, innovating thinking and creativeness.

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

С.Ю. Казеннов, Е.М. Королева. Модернизация оборонного комплекса РФ: Необходимость и возможность

S.Yu. Kazennov, Ye.M. Koroleva. Modernization of the RF Defense Complex: Necessity and Possibility

Ключевые слова: Россия, начало XX в., армия, оборона, оборонный комплекс, модернизация, «инновационная армия», невоенный компонент

Key words: Russia, early 21st century, army and defense, defense complex, modernization, «innovation army», non-military component

Модернизация оборонного комплекса предполагает не только совершенствование чисто военной сферы, переход к так называемой «инновационной армии» (ИА), но и развитие невоенной компоненты, которая сегодня играет все более важную роль в обеспечении национальной безопасности. Более 80% всех вооружений в российской армии морально или даже физически устарело.

Modernization of the Russian defense complex suggests not only the advancement of the purely military sphere and transition to the so-called «innovation army», but the development of a non-military component which plays an increasingly important role in the insurance of national security. Over 80 percent of all armaments in the Russian army are morally or even physically outdated.

К.К. Султанов. Этнонациональная ментальность и общероссийская идентичность: Есть ли пределы совмещения?

K.K. Sultanov. Ethno-National Mentality and All-Russian Identity: Are There Limits of Convergence?

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., общероссийская идентичность, этнонациональная идентичность, национализм

Key words: Russia, early 21st century, all-Russian identity, ethno-national identity, nationalism

Избыточная эйфория этнокультурного самоутверждения в постсоветский период входит в рамки более соразмерного взгляда на вещи, предполагающего не только реконструкцию историко-культурного статуса, но и представление о неизолированной локальности. Возвращаются понимание культуры как сферы интеграции различий, понимание того, что самобытная национальная культура есть одновременно и место встречи культур.

ABSTRACTS

Excessive euphoria of ethno-cultural self-assertion of the initial post-Soviet period enters the framework of a more balanced approach suggesting not only the reconstruction of own historic-cultural status, but a concept of non-isolated locality as well. There is a comeback of comprehending culture as a sphere of the integration of differences; authentic national culture is seen as a place where different cultures meet.

В.С. Елистратов. Речевой кризис в России начала XXI в.

V.S. Yelistratov. Oral Speech Crisis in Russia at the Beginning of the 21st Century

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., устная речь, СМИ, русский язык, жаргонизмы

Key words: Russia, early 21st century, oral communication, mass media, Russian language, jargons

Речевой кризис – это не кризис языка, которого нет и быть не может, это кризис языковой личности. Портится не язык, а речь людей и в конечном счете – сами люди. Отчетливые симптомы этого кризиса в начале XXI в. носят не чисто лингвистический характер, они отражают глубинные сдвиги в человеческом сознании. Причем, как правило, это не только российское явление – речь идет о глобальных тенденциях.

The oral speech crisis is not the language crisis which is hard to imagine it is the crisis of a *persona lingua*. At default is not the language but oral communication, hence – people. Distinctive symptoms of this crisis at the beginning of the 21st century are not purely linguistic, they reflect deep changes in human consciousness. As a rule, this is not only Russian but global phenomenon.

В.А. Бачинин. Молодежная «телесоциализация»: Проблемы и парадоксы

V.A. Bachinin. «TV-Socialization» of Youth: Problems and Paradoxes

Ключевые слова: Россия, начало XXI в., телевидение, молодежные передачи, аморальность, христианское телевидение

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА

Key words: Russia, early 21st century, TV, youth programs, immorality, Christian television

Телевидение – не только зеркало, отображающее аномийное состояние российской социальной макросистемы, но и источник распространения аномийных импульсов. Захлестывая массовое сознание, эти импульсы лишают телезрителей, в первую очередь молодых, нравственного иммунитета, делают их восприимчивыми к порокам. Характерным примером данного явления может служить популярное реалити-шоу «ДОМ-2».

TV is not only a mirror reflecting the anomie of the Russian social macro-system, but also a source of spreading anomic impulses. Swamping mass consciousness, these impulses deprive the TV audience, first of all the youth, of moral immunity and make them vulnerable to the evil. A typical example of this phenomenon is a popular reality show «DOM (HOUSE)-2».

Т.А. Воронина. Традиции соблюдения поста в крестьянской среде в XIX – начале XX в.

T.A. Voronina. Fasting Traditions among Russian Peasants, 19th – Early 20th Centuries

Ключевые слова: Россия, крестьянство, русская деревня, XIX в., начало XX в., религиозность, посты

Key words: Russia, peasantry, Russian village, 19th century, early 20th century, religious norms, fasting

Крестьянство, которое было самым многочисленным сословием в России в XIX – начале XX в., по традиции отличалось особым благочестием в соблюдении православных постов. Сельские жители более истово, чем горожане, следовали всем религиозным предписаниям. Пища, употребляемая во время поста, имела специфику в разных регионах страны.

Peasantry was the most numerous strata in Russia in the 19th – early 20th centuries and traditionally was especially orthodox in observing fasting. Rural inhabitants followed religious norms more strictly than city dwellers. Their food during fasting had specific components in different regions.

ABSTRACTS

А.В. Палицын. Св. Климент Римский – символ единства христиан в памятниках церковной архитектуры Москвы

A.V. Palitsyn. Clement of Rome – The Symbol of Christian Unity in the Monuments of Moscow Church Architecture

Ключевые слова: папа Климент I, христианство, православие, московские церкви, архитектурные памятники

Key words: Pope Clement I, Christianity, Orthodox church, Moscow churches, architectural monuments

Мало кто из более 200 римских первосвященников удостоился такого почитания на Руси как св. Климент I. Его роль в духовной культуре Москвы, как и за рубежом, особенно в католических странах, по-прежнему значительна. Климент Римский стал символом единства христиан; его жизнь и труды и сейчас призваны укрепить духовное единение православных людей России, народов и государств православного мира.

Rare Roman highest priest among more than two hundred was so esteemed in Russia as Clement I. His role in the spiritual culture of Moscow as well as abroad, especially in catholic countries, has been significant up to our days. Clement of Rome became a symbol of Christian unity, his life and works call for spiritual unity of orthodox believers in Russia and other countries.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносок упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 – С. 2; 2) Петров П.П.. К вопросу о... // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о... // Сборник статей... / Отв. ред. Иванов И.И.. – М., 2012. – С. 7–27.

***Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления
научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!***

**ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ**

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (499) 120-4514
E-mail: market@inion.ru

Россия и современный мир № 3–2010 (68)

Художественный редактор Т. П. Солдатов

Верстка Т. Н. Анохина

Корректор

О. П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 06.09.2010 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 18,49 Уч.-изд. л. 15,41

Тираж 900 экз. Заказ № 144

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9